

№ 2 (23)
2012

ВЕСТНИК

Дальневосточного
юридического института
Министерства внутренних дел
Российской Федерации

Выходит с 2001 г.
два раза в год

Учредитель и издатель –
Дальневосточный
юридический институт
Министерства внутренних
дел Российской Федерации

Редакционная коллегия:

Главный редактор
А.С. Бахта,
д-р юрид. наук, профессор

Заместитель главного
редактора
В.А. Гусев,
канд. юрид. наук, доцент

Ответственный секретарь
А.А. Осадчий

Члены редколлегии:
А.Н. Бабай,
канд. юрид. наук, профессор;
В.Н. Бойко,
д-р юрид. наук, профессор;
Н.Н. Дерюга,
д-р юрид. наук, профессор;
Л.Н. Древаль,
д-р юрид. наук, доцент;
Н.Н. Егоров,
д-р юрид. наук, профессор
(г. Москва);
В.В. Кулыгин,
д-р юрид. наук, профессор;
Н.Е. Мерецкий,
д-р юрид. наук, профессор;
Н.М. Тюкалова,
канд. юрид. наук, доцент;
В.А. Шабалин,
д-р филос. наук, профессор;

СОДЕРЖАНИЕ

Актуальная тема

Бабай А.Н., Кораблин К.К., Алексеева Т.Г. Необходимость совершенствования российского антинаркотического законодательства в условиях нарастания международной наркоагрессии / 3

Научные сообщения

Бойко В.Н., Салтыков К.Г. Особенности определения объема понятия «терминологические основы законодательства о службе в органах внутренних дел» / 16

Проблемы цивилистических отраслей права

Древаль Л.Н., Бурмистрова В.В. О признании права собственности на самовольную постройку / 22

Древаль Л.Н., Алипченко Т.В. О правовых основах суррогатного материнства / 26

Уголовное право

Никитенко И.В. Преступления, посягающие на миграционную безопасность государства: вопросы теории, законодательства и практики его применения / 31

Абубакиров Ф.М. Проблема определения признаков организованной группы / 40

Замалеева С.В. Крайняя необходимость как обстоятельство, исключающее преступность деяния в медицинской деятельности / 43

Криминалистика и оперативно-разыскная деятельность

Степанов М.Е. Следственные ситуации первоначального этапа расследования убийств, совершенных организованными преступными группами, скрытых инсценировками, и пути их решения / 49

Жердев П.А., Тайнов С.В. Электронная подпись: понятие и особенности криминалистического исследования / 55

Абакумов О.Б. Об основных способах совершения экономических преступлений, связанных с эксплуатацией

Н.А. Шабельникова,
д-р ист. наук, профессор
(г. Владивосток);

И.М. Антонов,
канд. юрид. наук, доцент;
Д.А. Баринов,
канд. юрид. наук, доцент;
М.Н. Зинятова,
канд. филос. наук, доцент;
В.Ф. Лигута,
канд. пед. наук, профессор;
М.А. Макаренко,
канд. юрид. наук

Редактор

Е.Ю. Колобанова;
В.К. Твердохлебова

Корректор

Н.Б. Хохлова

*Журнал зарегистрирован
Федеральной службой
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций.
Свидетельство
ПИ № ФС77-37942
от 5 ноября 2009 г.*

Публикуемые материалы
отражают точку зрения автора,
которая может не совпадать
с мнением редколлегии

Плата с авторов за публикацию
рукописей не взимается.
Рукописи не возвращаются

Подписано в печать 19.12.2012.
Бум. офис. Формат 60x84 1/8.
Усл. печ. л. 14,4.
Уч.-изд. л. 10,26.
Тираж 500 экз. Заказ № 90.
Цена свободная

Дальневосточный юридический
институт МВД России.
Редакционно-издательский
отдел. Типография.
680020, г. Хабаровск,
пер. Казарменный, 15

Электронный адрес редакции:
e-mail: redactor80@gmail.com
Тел. (4212) 21-56-88
Тел./факс: (4212) 23-77-43

© Дальневосточный юриди-
ческий институт МВД РФ,
2012

электротехнического оборудования / 59

Черкашин А.В. Некоторые проблемы правового регули-
рования содействия граждан органам внутренних дел / 64

Государственное управление:

вопросы совершенствования

Дерюга А.Н., Паршута В.В. Нормотворческая функция
государства в лесном секторе / 70

Зарубежный опыт

Полякова С.А. Законодательство Украины и Республики
Беларусь о правонарушениях в сфере финансов / 75

Трибуна молодых ученых

Буренок Ф.В. О некоторых проблемах в деятельности
участковых уполномоченных полиции, связанных с пре-
быванием трудовых мигрантов в жилом секторе город-
ской инфраструктуры / 79

Швецов Р.Е. Уголовная ответственность лиц, выпол-
няющих охранную и детективную функцию: история и
современность / 86

Выходцева С.А. Особо охраняемые природные террито-
рии как объекты уголовно-правовой защиты / 90

Завьялова С.Л. Об особенностях отдельных стадий кон-
трольно-ревизионного производства в органах внутрен-
них дел / 95

Страницы истории

Яхимович С.Ю. Репатриация граждан СССР из Север-
ной Маньчжурии в 1935 г. / 100

Есть мнение...

Каркавин А.В. Принцип уголовного процесса «язык
судопроизводства»: содержание и проблемы реализа-
ции / 112

Научная жизнь / 122

Актуальная тема

**Необходимость совершенствования
российского антинаркотического законодательства
в условиях нарастания международной наркоагрессии**

*Александр Николаевич Бабай, начальник института,
кандидат юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Российской Федерации;*

*Константин Климентьевич Кораблин,
заместитель начальника института по учебной
и научной работе, кандидат юридических наук, профессор;*

*Татьяна Геннадьевна Алексеева, старший преподаватель
(Дальневосточный институт повышения квалификации ФСКН России)*

УДК 343.575

В статье рассматриваются актуальные вопросы, связанные с глобализацией наркопреступности, распространением наркомании в России, способствующей подрыву ее демографического, социально-экономического и оборонного потенциала; анализируется действующее российское антинаркотическое законодательство, рассматриваются основные тенденции его развития и пути дальнейшей модернизации.

Ключевые слова: глобализация наркопреступности, международная наркоагрессия, незаконный оборот наркотиков, антинаркотическое законодательство, модернизация российской правовой системы.

В начале третьего тысячелетия наркомания и наркотизм стали трагедией для всего человечества. Незаконный оборот наркотиков получил распространение практически во всех государствах, составляющих мировое сообщество, создав глобальную транснациональную проблему. Распространение наркомании и связанной с ней незаконный оборот наркотиков являются острой проблемой и для России, фактором подрыва ее демографического, социально-экономического и оборонного потенциала.

Ставшие уже очевидными процессы глобализации наркопреступности, а также явное усиление негативных тенденций в России и в мире, связанных с активизацией деятельности трансграничных наркогруппировок, призывают всех нас к консолидации усилий, которые должны быть направлены на модернизацию российской правовой системы в целях решения главной задачи, определенной Стратегией государственной антинаркотической политики Российской Федерации до 2020 года, – существенно сократить незаконный оборот и немедицинское потребление наркотиков.

Модернизацию российского права следует понимать как комплексный, многосторонний, долговременный процесс, направленный на приспособление к российским реалиям общечеловеческих ценностей (национальный аспект модернизации), а также на дальнейшую унификацию и стандартизацию правовых систем современности, приведение российского права в соответствие с общепризнанными принципами и нормами международного права (глобальный аспект модернизации).

Естественные права и свободы личности воплощаются как в общечеловеческих ценностях, так и в международно-правовых стандартах, поэтому целью модернизации российского права является максимальное отражение в нем естественных прав человека и их гарантирование со стороны государства.

Приоритет прав и законных интересов личности как атрибутивный признак правового государства никем не подвергается сомнению. Субъективное право каждого человека достойно уважения и требует соответствующих усилий со стороны властных структур по его обеспечению и защите. Однако субъективные права граждан по природе своей разные. Большинство прав и свобод связаны с удовлетворением потребностей конкретного человека (право на труд, отдых, получение образования; свобода творчества, выбора рода занятий, профессии и т.п.), и их нарушение вредит только ему и лишь в какой-то степени его ближайшему окружению.

Есть и такая категория прав, нарушение которых сопряжено с интересами многих людей, целых социальных общностей. Речь идет о так называемых коллективных правах, или правах третьего поколения. К их числу можно отнести право на достойное существование, безопасные условия жизнедеятельности людей, здоровую экологию. Не случайно посягательства на эти права причисляют к глобальным угрозам человечеству. Статус такой угрозы уже давно получил, например, международный терроризм.

И лишь совсем недавно, 4 ноября 2010 г. 65-я сессия Генеральной Ассамблеи ООН своей резолюцией № A/RES/65/8 «Положение в Афганистане»¹, в которой содержится ряд выводов в отношении незаконного производства и оборота наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, признала глобальную угрозу незаконного оборота наркотиков. Введение такого статуса позволяет использовать высшие формы международно-правового принуждения (экономические санкции, применение вооруженных сил) по отношению к государствам, криминальным синдикатам, специализирующимся на производстве и незаконном распространении наркотиков. Другое дело, что указанные формы используются явно недостаточно, и даже в тех случаях, когда они применяются, эффективность их невысока.

Сегодня угроза гибели человечеству исходит не столько от техногенных катастроф (например, аварии на АЭС) или природно-климатических катаклизмов (наводнения, оползни, землетрясения), сколько от стремительного распространения наркотиков и их незаконного употребления, которое приобретает масштабы глобальной катастрофы.

По данным ООН, сегодня примерно 200 млн человек, или 5 % населения планеты, в возрасте от 5 до 64 лет употребляют наркотики. Число наркозависимых лиц составляет около 25 млн человек. Самыми распространенными в мире наркотиками являются марихуана (употребляют 162 млн человек), опиаты (16 млн человек, из них 11 млн употребляют героин), кокаин (примерно 13 млн человек). Приблизительно 92 % героина в мире изготавливается из мака, выращенного в Афганистане².

Средняя продолжительность жизни наркомана – 8 лет. Но за эти годы он «вовлекает с собой в бездну» до 50, а то и более человек – «армия наркоманов» из года в год растет, поэтому назрела необходимость введения в оборот международной политики нового вида безопасности – антинаркотической. В связи с этим

¹ URL: http://www.un.org/ru/ga/65/docs/65res_nocte.shtml

² Доклад Международного комитета по контролю над наркотиками за 2007 год. ООН, Нью-Йорк, 2008. URL: <http://www.unodc.org>; Ролик А.И., Романова Л.И. Наркомания и наркотизм – острейшие проблемы мирового социума // Наркоконтроль. 2009. № 2. С. 2.

весьма символичным представляется тот факт, что уже во всем мире 26 июня отмечается как Международный день борьбы с наркоманией.

Не отличается от мировых тенденций и наркоситуация в России. Если в 1990 г. диагноз «наркомания» был поставлен врачами 4,6 тыс. человек, в 1996 г. – 30,4 тыс., в 2000 г. – 73,3 тыс., то в 2010 г. – уже 358 тыс. человек, то есть за 20 лет количество наркоманов в стране возросло примерно в 75 раз¹.

По оценкам экспертов, в России сегодня насчитывается порядка 6 млн лиц, имеющих опыт употребления наркотиков, общая численность наркозависимых составляет от 2 до 2,5 млн человек преимущественно в возрасте от 18 до 39 лет. Ежедневно 250 молодых людей становятся наркоманами. При сохранении существующей тенденции эксперты прогнозируют, что через 5 лет в каждой десятой российской семье будет по наркоману².

Цифры упрямо свидетельствуют об ухудшении наркоситуации. Однако до сих пор у нас не сложилось единой системы учета наркоманов. По данным рабочей группы Президиума Государственного совета Российской Федерации, количество официально зарегистрированных лиц, употребляющих наркотики, составляет более 600 тыс. человек³.

Директор ФСКН России В.П. Иванов неоднократно приводил примеры, свидетельствующие о том, что 2,5 млн наших соотечественников зависят только от наркотиков опиумной группы. И если к ним добавить наркоманов, предпочитающих другие виды наркотиков, то их общее количество вырастет в несколько раз.

По сведениям руководителя Роспотребнадзора, главного государственного санитарного врача Российской Федерации Г. Онищенко, «во всех странах Европы зарегистрировано около миллиона наркоманов. У нас же на 142 млн населения 2,5 млн официально зарегистрированных «приверженцев дурмана». А статистика тут такая: на одного зарегистрированного приходится в среднем 7 незарегистрированных»⁴. Если применять такую методику подсчета, наркозависимых в стране окажется не 2 %, а более 12 % от общей численности населения; в мировом масштабе число таких лиц вырастет до 1,4 млрд человек, или каждый пятый. Если учесть, что это в основном люди трудоспособного возраста, к тому же с репродуктивной функцией, то серьезность и масштабность наркоугрозы для России, как и всего мирового сообщества в целом, приобретает устрашающие размеры. Именно наркоугрозу следует считать главной опасностью для существования современных государств, да и всего человечества в целом.

Сегодня в условиях путаницы в статистических данных чрезвычайно актуальна задача мониторинга наркоситуации, который должен показать истинное положение дел в этой сфере. Отсутствие единой системы мониторинга чрезвычайно осложняет решение задач противодействия наркоугрозе. Наркологи, социологи, представители правоохранительных органов закладывают разные параметры в определение самой наркоситуации. Так, например, нет единства мнений по вопросу о критериях отнесения тех или иных лиц к следующим категориям: потребители наркотиков, наркозависимые, больные с диагнозом «наркомания». Отсутствует и взаимная договоренность относительно единообразного понимания ряда оценочных показателей.

¹ Овчинский В.С. О развитии наркоситуации в России: как обезвредить мины на российском наркополе // Наркоконтроль. 2011. № 1. С. 11.

² Иванов В.П. О причинах и последствиях «афганского наркотрафика» для Российской Федерации, законодательных и иных мерах по защите общества от наркоагрессии: тезисы выступления на парламентских слушаниях 19 февраля 2009 г. // Наркоконтроль. 2009. № 1. С. 2–3.

³ URL: <http://www.rian.ru/antidrugs/20110418/365802426.html>

⁴ Онищенко Г. Заместительная терапия // Российская газета. 2009. 17 марта.

В геометрической прогрессии растет число выявленных преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков. За последние 20 лет их количество увеличилось в 15 раз. И еще один настораживающий факт: если в стране миллионы лиц, систематически употребляющих наркотики, а количество соответствующих преступлений исчисляется двумя с небольшим сотнями тысяч, то это наводит на определенные размышления. Этих преступлений также должно быть несколько миллионов. Ведь каждый факт приобретения наркоманом очередной дозы – это уже преступление со стороны тех, кто эту дозу продает! Однако в большинстве случаев эти преступления остаются нераскрытыми, а их организаторы и исполнители – безнаказанными.

Выступая в Центре стратегических исследований (*Center for Strategic and International Studies*) в Вашингтоне перед сотрудниками Управления администрации президента США и представителями американских деловых кругов с докладом о взаимосвязи мировых финансов, переживающих системный кризис, и глобальных наркопотоков директор ФСКН России В.П. Иванов привел весьма показательные цифры: «Если сегодня во всем мире удастся перехватывать порядка 10–15 % изготовленных и отправленных покупателям наркотиков, то доля конфискованных денег, полученных от продажи смертельно опасного зелья, не достигает и половины процента. То есть практически вся выручка дельцов наркоэкономики Старого и Нового Света беспрепятственно поступает в оборот, а значит, участвует в мировом денежном обращении с использованием возможностей легальной финансовой системы»¹.

Впрочем, достаточно статистики. И так очевидно, что истинные масштабы наркомании и наркопреступности представляют угрозу национальной безопасности, вышедшую за границу одного государства и достигшую уровня угрозы планетарного характера.

Что же происходит в современной России и мире в целом в сфере противодействия незаконному обороту наркотиков? Насколько адекватно реагируют государство и общество на складывающуюся ситуацию? Модернизируются ли международное право и национальные правовые системы, в частности российское законодательство, в соответствии с наметившимися негативными тенденциями?

С одной стороны, налицо все необходимые атрибуты активной борьбы с распространением наркотиков. Сложился даже определенный национальный антинаркотический механизм. С 2003 г. в России действуют специализированные органы наркоконтроля, сформирован аппарат Государственного антинаркотического комитета для координации деятельности всех противодействующих наркоугрозе сил, во всех субъектах Российской Федерации заработали антинаркотические комиссии во главе с руководителями регионов. В 2009 г. была принята Концепция государственной антинаркотической политики Российской Федерации на 2010-2020 годы, а 9 июня 2010 г. Указом Президента России № 690 утверждена Стратегия государственной антинаркотической политики Российской Федерации до 2020 года.

На международном уровне также создан соответствующий механизм противодействия наркопреступности. Существует Управление ООН по наркотикам и преступности. Еще 50 лет назад была принята Единая Конвенция ООН о наркотических средствах, а 40 лет назад – Конвенция о психотропных веществах. В Конвенции о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ 1988 г. перечислены соответствующие действия, которые госу-

¹ В будущее – с надеждой: выступления директора ФСКН России В.П. Иванова. М.: Управление делами Организационно-административного департамента ФСКН России, 2012. С. 46.

дарства должны признавать преступлениями¹. Сегодня в этой сфере действует более 200 международно-правовых актов, ратифицированных Россией².

Однако, как практически реализуются все эти акты и действуют соответствующие правоохранительные органы? Анализ данного вопроса позволяет сделать вывод о наличии противоречивых тенденций, характеризующих динамику соответствующей нормативно-правовой базы и вытекающих из нее основных направлений борьбы с наркоманией и наркопреступностью.

В июне 2011 г. ряд видных политических деятелей (бывший Генеральный секретарь ООН Кофи Аннан, бывшие президенты Мексики, Колумбии, Бразилии, экс-премьер Греции, известный перуанский писатель Марио Варгас Льюса и др.) от имени Глобальной комиссии ООН по оценке борьбы с распространением наркотиков³ опубликовали экспертный доклад «War on Drugs» («Война наркотикам»), в котором прозвучал призыв к легализации наркотиков во всем мире.

В докладе отмечалось, что «...легализация наркотиков во всем мире и прекращение уголовного преследования наркоманов будут более эффективны, чем война против распространения наркотических веществ... борьба с наркотиками привела лишь к усилению наркоторговли и организованной преступности. При этом она обходится налогоплательщикам в миллионы долларов и уносит жизни тысяч людей.

По данным ООН, употребление опиумосодержащих средств возросло с 1998 по 2008 г. на 35 %, кокаина – на 27 %, марихуаны – на 8,5 %. Авторы доклада выступили с критикой в адрес правительств тех государств, которые считают силовые методы борьбы с распространением наркотиков эффективными... Политические деятели и общественные фигуры должны найти в себе мужество признать публично: имеются убедительные доказательства того, что стратегии борьбы с наркотиками на основе силовых средств не могут решить эту проблему, в войне с наркоманией невозможно одержать победу»⁴.

Руководитель антинаркотического ведомства России В.П. Иванов подверг резкой критике выводы так называемой Глобальной комиссии ООН по наркопо-

¹ Международное публичное право: сборник документов. М., 1996. Т. 2. С. 71–82.

² Ковалев Н. Наркобизнес. Терроризм. Коррупция // Наркомат. 2003. № 1.

³ Официальное название данной комиссии – *Global Commission on Drug Policy* (переводится как Глобальная комиссия по наркополитике), она является преемницей *Latin American Commission Drugs and Democracy* (Латиноамериканская комиссия по проблемам наркотиков и демократии). И место ее пребывания не Вена (штаб-квартира ООН), а Рио-де-Жанейро, Бразилия. Комиссия была образована в 2008 г., у истоков ее создания стояли бывшие главы государств, выступавшие за легализацию наркотиков: экс-президент Мексики Эрнесто Седильо (1994–2000 гг.); экс-президент Бразилии Фернандо Энрике Кардозо (1995–2003 гг.); экс-президент Колумбии Сесар Гавириа (1990–1994 гг.). В настоящее время Латиноамериканская комиссия трансформировалась в Глобальную комиссию по наркополитике, однако сущность ее осталась прежней. Политическую поддержку этой комиссии оказывают люди небезызвестные, например, бывший Генеральный секретарь ООН, лауреат Нобелевской премии мира Кофи Аннан, бывший Государственный секретарь США Джордж Шульц, бывший премьер-министр Греции Гиоргиос Папандреу (младший), писатели Марио Варгас Льюса (лауреат Нобелевской премии по литературе 2010 г.) и Карлос Фуэнтес. Всего 19 человек, большинство из них (11) выходцы из Южной и Северной Америки, континентов, весьма «насыщенных» наркотиками. См.: Наркотическая утка. Что же за Глобальная комиссия рекомендовала легализовать наркотики? // Столетие. Информ.-аналит. издание фонда исторической перспективы. Интернет–газета. 2012. 27 августа. URL: http://www.stoletie.ru/rossiya_i_mir/narkoticheskaja_utka_20011-06-08.htm (дата обращения: 27.08.2012).

⁴ Комиссия ООН призвала к легализации наркотиков во всем мире. URL: <http://www.top.rbc.ru/society/02/06/2011/598415.shtml> (дата обращения: 27.08.2012).

литике. Доклад был назван «откровенно провокационным, проталкивающим легализацию наркотиков». По мнению В.П. Иванова, «...эта масштабная и крайне агрессивная пиар-акция по пропаганде наркотиков прямо или косвенно связана с теми гигантскими доходами наркобизнеса, которые оцениваются экспертами в 800 миллиардов долларов в год... Указанный доклад следует однозначно считать своего рода манифестом сторонников легализации наркотиков... Цель выступающих за легализацию наркотиков – легализовать транснациональную организованную преступность, глобальный криминальный интернационал, сделать оборот наркотиков беспрепятственным и комфортным...»¹.

Кстати, выводы, сделанные вышеуказанной комиссией, не отличаются новизной и оригинальностью. Так, 25 октября 1990 г. Комитет конституционного надзора СССР принял Заключение № 8 (2-10) «О законодательстве по вопросу о принудительном лечении и трудовом перевоспитании лиц, страдающих алкоголизмом и наркоманией», в соответствии с которым «потребление наркотиков приравнивалось к неотъемлемому праву человека, который ни перед кем не обязан бережно относиться к собственному здоровью». Согласно данному решению, юридическая ответственность за потребление наркотиков без назначения врача (как уголовная, так и административная) была объявлена несовместимой с принципами новой демократической России².

Данная норма просуществовала чуть больше года и 5 декабря 1991 г. была отменена. Порочность этого подхода, основанного на мнимой гуманизации отношения к наркоманам, игнорирующего колоссальные негативные социальные последствия такой либерализации, очевидна.

Российская политическая и юридическая доктрины не поддерживали и не поддерживают подобные взгляды, хотя в мире они имеют немало сторонников, в частности в США, других странах НАТО. Известно, что после введения войск НАТО на территорию Исламской Республики Афганистан эта страна вышла на первое место в мире по производству героина, а с 2008 г. – и на первое место в мире по производству гашиша. Во многом это произошло из-за попустительства коалиционных сил, не желающих противодействовать незаконному производству афганских наркотиков и их распространению в Европе и Азии.

Согласно опубликованным выводам экспертов Управления ООН по наркотикам и преступности (United Nations Office on Drugs and Crime, UNODC), являющегося ведущим международным агентством, работающих в области контроля над наркотиками и предупреждения преступности, спрос на афганский героин в России растет поражающими темпами, и теперь страна стала в большей степени конечным пунктом поставок, нежели транзитной зоной. В таких условиях, согласно выводам экспертов ООН, антинаркотические усилия российских властей остаются малоэффективными.

Российская Федерация, будучи самым большим национальным героиновым рынком, потребляет более 20 % героиновой продукции из Афганистана, но при этом, пресекая наркопреступления, перехватывает весьма скудные 4 % от всего потока, достигающего ее территории. Наибольших успехов в области пресечения поставок наркотиков из Афганистана добились правоохранительные органы Ирана – они перехватывают 20 % объема поставок, Китай – 18 %, Пакистан – 17 %. В самом же Афганистане спецслужбы изымают из оборота лишь 2 % незаконно произведенных наркотиков.

¹ В будущее – с надеждой: выступления директора ФСКН России В.П. Иванова. М.: Управление делами Организационно-административного департамента ФСКН России, 2012. С. 79-80.

² Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1990. № 47. Ст. 1001.

По примерным оценкам, 75-80 т афганского героина, поступающего в Россию, доставляется из Афганистана через страны Центральной Азии. Центрально-азиатский героиновый маршрут пересекает границу Афганистана с Узбекистаном, Туркменией и в первую очередь с Таджикистаном. Большая часть этого героина (почти две трети, или 50 из 75–80 т) затем переправляется через Казахстан в Россию по автодорогам. При этом отмечается, что грамм героина в Кабуле стоит 3 дол., а на улицах Москвы, Милана или Лондона – 100 долл.¹.

Оценивая ситуацию с распространением афганских наркотиков, глава Управления ООН по наркотикам и преступности Антониу Мариа Кошта отмечает, что «решить проблему транснациональной угрозы, которую представляет собой афганский опиум, можно лишь путем принятия международных и по-настоящему всеобъемлющих мер»².

Еще одна тенденция, наметившаяся в ходе модернизации отечественного антинаркотического законодательства, – усиление репрессивных мер. В апреле 2011 г. Министерство юстиции России предложило рассмотреть возможность введения уголовной ответственности за употребление наркотиков, а ФСКН России поддержала эту инициативу, конкретизировав необходимость криминализации указанного деяния, но с предоставлением альтернативы в виде лечения наркозависимых, вплоть до полного их выздоровления. Это же можно сделать и в отношении лиц, совершивших незначительные преступления в погоне за средствами для приобретения наркотиков. Если человек отказывается от лечения или уклоняется от него – суд выносит решение, назначив наказание в виде ограничения свободы. Судя по опыту стран, где такая система действует (Швеция, Франция), сегодня нет желающих попасть в тюрьму, если есть альтернатива – лечение от наркозависимости.

В России первый шаг в этом направлении уже сделан. Федеральным законом от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» введен новый вид отсрочки отбывания наказания лицам, признанным больными наркоманией. Так, в соответствии с ч. 1 ст. 82.1 УК РФ осужденному к лишению свободы, признанному больным наркоманией, совершившему впервые преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 228, ч. 1 ст. 231 и ст. 233 УК РФ, и изъявившему желание добровольно пройти курс лечения от наркомании, а также медико-социальную реабилитацию, суд может отсрочить отбывание наказания в виде лишения свободы до окончания лечения и медико-социальной реабилитации, но не более чем на пять лет.

В целом концепция альтернативного наркологического лечения осужденных выглядит предпочтительнее существовавшей ранее системы их принудительного лечения (п. «г» ч. 1 ст. 97 УК РФ). Однако и при применении данной нормы могут возникнуть сложности.

Во-первых, в соответствии со ст. 1 Федерального закона от 8 января 1998 г. № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах» больным наркоманией считается лицо, которому по результатам медицинского освидетельствования поставлен диагноз «наркомания». Таким образом, суд должен располагать доказательствами о том, что подсудимый является наркозависимым и нуждается в лечении. В противном случае, если на стадии предварительного расследования наркологическая экспертиза назначена не была, суд должен будет вынести решение о ее назначении.

¹ ООН: Россия занимает первое место в мире по потреблению героина // Российская газета. 2009. 22 октября.

² Там же.

Во-вторых, законодательно определено, что отсрочка может быть применена только к лицу, которое впервые совершило преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 228, ч. 1 ст. 231 или ст. 233 УК РФ. Какое решение должен принять суд, если, например, лицо, признанное больным наркоманией, совершило любые другие преступления, которые не названы в ч. 1 ст. 82.1 УК РФ? Необходимо обратиться к ч. 4 ст. 82.1 УК РФ, из содержания которой следует, что при выявлении преступления, не указанного в ч. 1 ст. 82.1 УК РФ, совершенного лицом до вынесения приговора суда по первому делу (о преступлении, подпадающем под признаки ч. 1 ст. 228, ч. 1 ст. 231 или ст. 233 УК РФ), суд по представлению уголовно-исполнительной инспекции отменяет отсрочку, назначает наказание по правилам, предусмотренным ч. 5 ст. 69 УК РФ, и направляет осужденного для отбывания наказания в место, назначенное по приговору суда.

В-третьих, законодатель не предусмотрел виды лечения (например, амбулаторное или стационарное), что имеет важное юридическое значение. Следовательно, суд должен будет принять решение о том, где будет проходить лечение больной наркоманией. В связи с этим возникает другая проблема: какое медицинское учреждение должно принять на себя обязанность лечения такой группы больных? Либо это будет учреждение здравоохранения, оказывающее наркологическую помощь всем гражданам, либо специализированное учреждение, или отделение, предназначенное только для альтернативного наркологического лечения осужденных? В то же время в соответствии с ч. 2 ст. 55 Федерального закона «О наркотических средствах и психотропных веществах» лечение больных наркоманией проводится только в учреждениях государственной и муниципальной системы здравоохранения. Что касается медико-социальной реабилитации больных наркоманией, то она проводится в учреждениях государственной, муниципальной или частной системы здравоохранения, получивших лицензию на указанный вид деятельности в порядке, установленном законодательством Российской Федерации.

В-четвертых, когда суд принимает решение об отсрочке, то в соответствии с ч. 1 ст. 82.1 УК РФ реальное отбывание назначенного наказания откладывается до окончания лечения и медико-социальной реабилитации больного наркоманией лица, но не более чем на пять лет. Однако часть 3 ст. 82.1 УК РФ указывает еще и на то, что необходимо наличие объективно подтвержденной ремиссии, длящейся не менее двух лет после прохождения лечения от наркомании и медико-социальной реабилитации. В медицинской энциклопедии под термином «ремиссия» понимается временное ослабление или исчезновение симптомов заболевания¹. При наличии указанных в ч. 3 ст. 82.1 УК РФ условий суд обязан освободить осужденного от отбывания наказания или оставшейся части наказания. Таким образом, часть 1 ст. 82.1 УК РФ противоречит ч. 3 этой же статьи. По мнению Е. Кобзевой, в изменении нуждается часть 1 ст. 82.1 УК РФ, в которой завершение отсрочки следует связать не с окончанием лечения и реабилитации наркоманного, а со стойкой ремиссией заболевания².

Возникает также вопрос, какие объективно подтвержденные доказательства ремиссии положит суд в основу своего решения об освобождении осужденного, признанного больным наркоманией, от отбывания наказания или оставшейся части наказания? К сожалению, часть 3 ст. 82.1 УК РФ умалчивает о том, кем должен быть сделан вывод о наблюдающейся у лица стойкой ремиссии наркозаболевания.

Кроме этого, преступления, указанные в ч. 1 ст. 82.1 УК РФ, относятся к преступлениям небольшой степени тяжести, по которым суды, как правило, ли-

¹ URL: <http://www.medical-enc.ru>

² Кобзева Е. Отсрочка отбывания наказания больным наркоманией // Законность. 2012. № 6. С. 27.

цам, впервые совершившим данные преступления, назначают условное наказание, при этом возлагая обязанность на условно осужденного пройти курс лечения от наркомании. Конечно же, законодатель, вводя норму о возможности отсрочки наказания больным наркоманией, преследовал цель социализации данной группы осужденных. Реализация этой нормы должна дать дополнительную мотивацию для прохождения курса лечения от наркомании и последующей адаптации¹.

Также нередко звучат предложения об усилении уголовной ответственности за такие преступления, как незаконный сбыт наркотиков, вовлечение в потребление наркотических средств и другие, хотя УК РФ уже содержит довольно жесткие санкции за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств. Так, например, за незаконные производство, сбыт или пересылку наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, а также незаконные сбыт или пересылку наркосодержащих растений или их частей по ст. 228.1 УК РФ предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок от четырех до восьми лет с ограничением свободы на срок до одного года либо без такового.

Часть 2 ст. 228.1 УК РФ за те же деяния, совершенные группой лиц или в крупном размере, предусматривает наказание в виде лишения свободы на срок от пяти до двенадцати лет, а часть 3 этой же статьи за деяния, совершенные, например, в особо крупном размере, – лишение свободы на срок от восьми до двадцати лет.

За хищение либо вымогательство наркотических средств, психотропных веществ, а также растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, ст. 229 УК РФ предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок от трех до семи лет, ч. 2 этой же статьи – лишение свободы на срок от шести до десяти лет, а ч. 3 – на срок от восьми до пятнадцати лет.

Кроме того, Федеральным законом от 1 марта 2012 г. № 18-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» внесены существенные изменения в гл. 25 УК РФ, которые вступают в силу с 1 января 2013 г. Так, уголовная ответственность за незаконные приобретение, хранение, перевозку, изготовление, переработку без цели сбыта наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, а также незаконные приобретение, хранение, перевозку без цели сбыта растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, предусмотрена ч. 1 ст. 228 УК РФ не в крупном, а в значительном размере. Частью 3 этой же статьи за те же деяния в особо крупном размере предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок от десяти до пятнадцати лет.

Часть 2 ст. 228.1 УК РФ дополнена такими квалифицирующими признаками, как сбыт наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, совершенный: а) в следственном изоляторе, исправительном учреждении, административном здании, сооружении административного назначения, образовательном учреждении, на объектах спорта, железнодорожного, воздушного, морского, внутреннего водного транспорта или метрополитена, в общественном транспорте либо помещениях, используемых для развлечений или досуга; б) с использованием средств массовой информации либо электронных или информационно-телекоммуникационных сетей (включая Интернет). Наказание по ч. 2 ст. 228.1 УК РФ предусмотрено в виде лишения свободы на срок от пяти до двенадцати лет.

¹ Шевелева С. Спорные вопросы применения норм об отсрочке отбывания наказания больным наркоманией // Уголовное право. 2012. № 2. С.78–81.

Частью 5 ст. 228.1 УК РФ за незаконные производство, сбыт или пересылку наркотических средств в особо крупном размере предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок от пятнадцати до двадцати лет или пожизненного лишения свободы.

Также пожизненное лишение свободы предусмотрено ч. 4 ст. 229.1 УК РФ за контрабанду наркотических средств и других предметов преступления, совершенную организованной группой; в особо крупном размере; с применением насилия к лицу, осуществляющему таможенный или пограничный контроль.

Таким образом, просматривается устойчивая тенденция ужесточения наказаний за преступления, совершенные в сфере незаконного оборота наркотических средств.

Другое дело, что наши суды выносят слишком мягкие приговоры. До 40 % лиц, совершивших наркопреступления, получают условное лишение свободы, много назначается наказаний ниже низшего предела, установленного санкцией соответствующей нормы¹.

Понятно, что в каждом конкретном случае суд руководствуется какими-то здравыми соображениями, учитывает все обстоятельства дела, но в целом просматривается весьма либеральное отношение к данной категории дел со стороны судей. Некоторые распространители наркотиков, имея несколько судимостей, продолжают торговать наркотиками. В такой ситуации воспитательная функция юридической ответственности явно не срабатывает.

Но что даст ужесточение санкций и норм антинаркотического законодательства, если одновременно в стране провозглашается курс на гуманизацию и либерализацию уголовной ответственности, прогнозируется сокращение заключенных на одну треть?²

На наш взгляд, политика гуманизации не должна распространяться на сбытчиков наркотиков. По справедливому замечанию директора ФСКН России В.П. Иванова, «гуманизация вовсе не означает псевдолиберализацию и попустительство. Наоборот, по отношению к наркобарыгам и тем более к оптовикам-наркобаронам надо и дальше существенно усиливать ответственность и полицейскую составляющую»³.

Еще одна тенденция борьбы с наркоманией и сопутствующими ей явлениями – внедрение «заместительной» метадоновой терапии. Метадон был синтезирован в фашистской Германии, получил название «адольфин» и изначально применялся как болеутоляющее средство для раненых. Со временем в некоторых странах, например США, Украине, стали применять это лекарственное средство в качестве заменителя сильно действующих наркотиков в больницах, местах лишения свободы, когда наркозависимый испытывает «ломку» и ему надо «дать дозу», чтобы он не покончил жизнь самоубийством или не убил кого-нибудь, не совершил разбойное нападение, грабеж, кражу. Время показало, что метадон также вызывает привыкание и наносит огромный вред организму, а смертность от него выше, чем от героина.

Сегодня США активно навязывают миру метадоновую терапию. Но движет ими не желание избавить человечество от наркоугрозы, а коммерческий интерес. На складах компаний-производителей скопилось большое количество этого препарата. Они терпят убытки и лоббируют в разных странах разрешение на контролируемое использование метадона. Необходимо сделать все, чтобы это лобби не победило.

¹ Овчинский В.С. Указ. соч. С. 12.

² Там же.

³ Иванов В.П. О формировании правовых институтов реализации новой национальной антинаркотической модели // Наркоконтроль. 2011. № 4. С. 2.

Серьезная проблема на пути противодействия наркомании и наркопреступности – появление новых видов наркотиков, требующих времени для их идентификации в качестве таковых, а также отсутствие новых форм и методов профилактики и пресечения их изготовления и распространения. И речь здесь идет не только о дезоморфине, который производят из кодеиносодержащих лекарственных препаратов, свободно реализующихся в аптечной среде, но и о курительных смесях и целом ряде других препаратов в основном медицинского предназначения, из которых легко изготавливаются наркотики. В год создается от 20 до 50 новых наркотиков, многие из которых гораздо токсичнее героина. Так, например, тот же дезоморфин в 15 раз превышает по силе разрушительного воздействия на человека героин¹.

Наше законодательство в силу своей консервативности явно отстает от стремительно меняющейся наркоситуации.

В связи с этим заслуживает внимания еще одна проблема, связанная с использованием Интернета. Об этом, будучи президентом России, говорил Д.А. Медведев, озвучив интересный факт: «Набрал в поисковой системе «Яндекс» слово «дезоморфин», и сразу же высветилась строка «способ изготовления».

По данным ФСКН России, только за первый квартал 2011 г. было заблокировано 22 сайта, на которых была размещена информация о распространении наркотических средств и курительных смесей, возбуждено 426 уголовных дел по такого рода преступлениям, привлечено к уголовной ответственности 134 человека. До 60 % такого рода сайтов имеют иностранную юрисдикцию, а отечественные во многом мимикрируют за счет рекламы различных товаров ширпотреба: типа соли для ванн, средств для похудения, средств для борьбы с грызунами и т.д.²

Сегодня мы сталкиваемся с новой проблемой – появлением в Интернете цифровых наркотиков. Их сущность заключается в том, что определенные звуки могут вызывать состояние, схожее с наркотическим опьянением. Готовы ли наши правоохранительные органы противостоять этому явлению?

Впрочем, только ли правоохранительные органы должны бороться с наркопреступностью? Одними «полицейскими» мерами ее не победишь. Это задача едва ли не всех институтов гражданского общества, а впереди должны быть органы наркоконтроля. Однако не стоит думать, что с их созданием иные силовые структуры государства могут самоустраниться. А такая тенденция в связи с реформой МВД России и вступлением в силу 1 марта 2011 г. Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» наметилась. В этом отношении показателен пример США, где давно и безуспешно функционирует специальное подразделение – Управление по борьбе с наркотиками³ (Drug Enforcement Administration,

¹ Доклад директора ФСКН России В.П. Иванова на заседании Государственной думы Федерального собрания Российской Федерации в рамках «правительственного часа» 30 июня 2010 г.

² URL: <http://family.fskn.gov.ru/includes/periodics/review/2011/0421/051312313/print.shtml> (дата обращения: 31.08.2012).

³ Управление по борьбе с наркотиками (DEA) входит в структуру Министерства юстиции США наряду с Федеральным бюро расследований, Службой судебных исполнителей, Службой иммиграции и натурализации. Возглавляет DEA директор, который назначается Президентом США и утверждается Сенатом. В настоящее время DEA насчитывает более 4600 специальных агентов, 680 аналитиков и 4100 сотрудников вспомогательного персонала, включая химиков, следователей и административных специалистов. До момента создания DEA вопросами борьбы с незаконным оборотом наркотиков занимались Бюро по государственным доходам (1915–1927), Бюро по запрету продажи спиртных напитков (1927–1930), Бюро по наркотикам (1930–1968) и Бюро по наркотикам и опасным лекарствам (1968–1973). Одним из основных направлений деятельности DEA является организация сотрудничества с зарубежными правоохранительными органами.

DEA), которое было создано 1 июля 1973 г. Президентом США Никсоном в целях консолидации усилий и координации деятельности правительства в сфере борьбы с незаконным оборотом наркотиков. Из незаконного оборота DEA изымает лишь 20 % наркотиков, а 80 % приходится на долю уголовной полиции¹.

За последние два года по инициативе ФСКН России были внесены серьезные изменения и дополнения в антинаркотическое законодательство: принято шесть федеральных законов; введен квалифицированный состав преступления – «содержание наркопритонов группой лиц по предварительному сговору»; установлена ответственность за контрабанду наркотиков и прекурсоров в условиях Таможенного союза; устранены пробелы в регулировании порядка культивирования и оборота наркосодержащих растений; предусмотрено выдворение иностранцев, совершивших административные правонарушения в сфере незаконного оборота наркотиков.

Тем не менее, наркообстановка остается достаточно напряженной. Ежегодно более 100 тыс. человек подвергаются наказанию за совершение наркопреступлений, за последние десять лет – это более одного миллиона человек. В местах лишения свободы из 800 тыс. осужденных почти 150 тыс. (или каждый пятый) содержатся за наркопреступления. При этом ровно такое же количество наркопотребителей (150 тыс. человек) ежегодно привлекаются к административной ответственности за нарушения в сфере незаконного оборота наркотиков, причем в большинстве случаев – только штрафуются без направления на лечение от болезненного пристрастия к их потреблению².

Подводя итог, необходимо сделать следующий вывод. Несмотря на сложную внутреннюю и международную наркоситуацию, наличие противоречивых тенденций в сфере борьбы с незаконным оборотом наркотиков, в России определены оптимальные пути противодействия наркомании и наркопреступности, которые содержатся в ст. 5 Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации до 2020 года:

1. Сократить предложение наркотиков путем пресечения их нелегального производства и оборота внутри страны; противодействия наркоагрессии извне.

2. Сократить спрос на наркотики путем совершенствования профилактической, лечебной и реабилитационной работы. Это едва ли не самая сложная задача, поскольку на конец 2010 г. в России насчитывалось всего 12 наркобольниц, 4 наркологических реабилитационных центра (для сравнения: в Китае таковых 600), 118 наркологических диспансеров, имеющих стационары. Указанный фонд позволяет пролечить не более 2 % стоящих на учете наркобольных. Однако при средней продолжительности лечения в 14 дней можно провести разве что детоксикацию, но излечить их нельзя³.

3. Развивать и укреплять международное антинаркотическое сотрудничество. Свою лепту в решение этой задачи вносит и Дальневосточный институт повышения квалификации ФСКН России, обеспечивающий высокий уровень подготовки специалистов. За четыре последних года профессорско-преподавательский состав института принимал участие в обучении наркополицейских из Армении,

После атаки террористов на США 11 сентября 2001 г. DEA усилило сотрудничество с зарубежными правоохранительными органами в целях уничтожения наркотеррористических организаций и разрушения их финансовой сети. См.: URL: <http://russian.moscow.usembassy.gov/drug.html> (дата обращения: 31.08.2012).

¹ Овчинский В.С. Указ. соч. С. 13.

² В будущее – с надеждой: выступления директора ФСКН России В.П. Иванова, февраль 2012 г. М.: Управление делами Организационно-административного департамента ФСКН России, 2012. С. 4-5.

³ Овчинский В.С. Указ. соч. С. 13.

Белоруссии, Кыргызстана, Казахстана, Камбоджи, Мьянмы и др. Долгосрочные взаимовыгодные контакты были установлены с Университетом уголовной полиции МОБ Китая (г. Шэньян, провинция Ляонин), Главным отрядом по борьбе с наркобизнесом УОБ провинции Хэйлунцзян МОБ Китая (г. Харбин), а также с Министерством юстиции и внутренних дел Монголии.

Успех в деле борьбы с незаконным оборотом наркотиков в значительной степени связан с наращиванием усилий по указанным трем направлениям, обозначенным Стратегией государственной антинаркотической политики Российской Федерации до 2020 года. Понятно, что Стратегия определила основополагающие ориентиры модернизации российской правовой системы, правоохранительных органов, медицинских учреждений в борьбе с незаконным оборотом наркотиков. Однако эффективность функционирования правоохранительных структур, реабилитационных центров, больниц, поликлиник, иных субъектов антинаркотической деятельности напрямую зависит от качества действующего законодательства, регламентирующего данную сферу общественных отношений.

Сегодня сделаны первые шаги в становлении нового комплексного правового института – антинаркотического права, приняты первые нормативные правовые акты. В связи с этим мы говорим лишь о тенденциях и дальнейших перспективах модернизации российской правовой системы. Впереди большая и кропотливая работа законодателя по систематизации имеющейся правовой базы, разработке и принятию новых законов и подзаконных актов, регулирующих вопросы антинаркотической направленности.

Литература

1. Иванов В.П. О причинах и последствиях «афганского наркотрафика» для Российской Федерации, законодательных и иных мерах по защите общества от наркоагрессии: тезисы выступления на парламентских слушаниях 19 февраля 2009 г. // Наркоконтроль. 2009. № 1. С. 2–3.
2. Иванов В.П. О формировании правовых институтов реализации новой национальной антинаркотической модели // Наркоконтроль. 2011. № 4. С. 2.
3. Кобзева Е. Отсрочка отбывания наказания больным наркоманией // Законность. 2012. № 6. С. 27.
4. Ковалев Н. Наркобизнес. Терроризм. Коррупция // Наркомат. 2003. № 1.
5. Международное публичное право: сборник документов. М., 1996. Т. 2. С. 71–82.
6. Овчинский В.С. О развитии наркоситуации в России: как обезвредить мины на российском наркополе // Наркоконтроль. 2011. № 1. С. 11.
7. Ролик А.И., Романова Л.И. Наркомания и наркотизм – острейшие проблемы мирового социума // Наркоконтроль. 2009. № 2. С. 2.
8. Шевелева С. Спорные вопросы применения норм об отсрочке отбывания наказания больным наркоманией // Уголовное право. 2012. № 2. С. 78–81.

Особенности определения объема понятия «терминологические основы законодательства о службе в органах внутренних дел»

*Виктор Николаевич Бойко, профессор кафедры,
доктор юридических наук, профессор;
Константин Геннадьевич Салтыков, доцент кафедры,
кандидат юридических наук, доцент
(Дальневосточный юридический институт МВД России)*

УДК 351.74

Статья посвящена анализу особенностей определения объема понятия «терминологические основы законодательства о службе в органах внутренних дел», выступающего в качестве оценочного показателя в процессе теоретической разработки и практической реализации кадровой политики органов внутренних дел. Авторы предлагают алгоритм объединения терминологических единиц, используемых при конструировании нормативных положений, регулирующих служебные отношения в органах внутренних дел, в единое множество, обозначаемое исследуемым понятием.

Ключевые слова: терминологические основы законодательства о службе в органах внутренних дел, терминологические единицы, определение понятия, пропозициональная функция.

Правовая реальность, как и идеальные представления о ней, все чаще становятся предметом научного осмысления. Эффективное правовое регулирование невозможно без анализа роли и функций юридической науки и системного изложения теоретических представлений о правотворчестве и правопонимании. При этом развитие терминологической составляющей юридической техники имеет важное теоретическое и практическое значение и обеспечивает дальнейшее совершенствование российского законодательства.

Исследование особенностей правовой терминологии при создании совокупности правил, норм и критериев построения определенного правового знания продолжает оставаться одним из значимых научных направлений. Справедливым представляется имеющееся в научной литературе утверждение о необходимости расширения предметного состава юридической техники за счет понятий, категорий, суждений, научных фактов, описаний и эмпирических наблюдений¹. Полагаем возможным расширение указанного предметного состава посредством включения в него как юридической терминологии, так и техники ее интерпретации.

Терминология привлекала к себе внимание правоведов на протяжении всей истории развития юриспруденции. Интерес к данной проблематике не ослабевает и сегодня, прежде всего с точки зрения совершенствования законодательства, повышения уровня правовой культуры субъектов правотворчества и правоприменения. Большинство научных и научно-практических работ по этой теме построены по принципу описания правил формирования терминологического аппарата права. Современные авторы редко отходят от сложившейся традиции и, как правило, ставят целью анализ вопросов, связанных с критериями оценки и способами разработки терминологии различных отраслей права. Вне пределов поля зрения уче-

¹ См., например: Доктринальные основы юридической техники / отв. ред. Н.А. Влащенко. М., 2010.

ных остается проблема совершенствования, развития и изучения особенностей отдельных комплексов технико-юридического инструментария, направленных на решение правотворческой и (или) правоприменительной задачи по интерпретации терминологии. Научный интерес представляют методологические основы интерпретации юридической терминологии, проводимой в целях установления пределов терминологически поименованных множеств правовых явлений. Речь идет о логических, текстологических и лингвистических основах юридической науки.

Текст является одной из главных и наиболее практически применимых форм закрепления права. При этом появление лингвистического аспекта в юриспруденции является весьма многогранным: это и использование языковых средств, и формулирование юридических конструкций, и, что особенно важно, обеспечение четкости используемой в текстах нормативных правовых актов терминологии.

Только с помощью теоретически обоснованных и эффективных юридико-технических правил и приемов можно обеспечить высокий уровень правосприятия. Этим объясняется новизна результатов обращения современной исследовательской практики к изучению особенностей терминов, понятий и категорий в праве.

Необходимо помнить и о том, что изучение юридической терминологии невозможно без учета фактора цикличности развития правовых явлений, а также преемственности юридических феноменов. Важно проследить историческую динамику раскрытия содержания отдельных элементов понятийного аппарата правовых актов. Поэтому анализ интерпретационной техники в теории и практике законодательства и правоприменения различных исторических периодов представляется вполне оправданным. В этом смысле одним из наиболее оптимальных является способ ретроспективного исследования вопросов законодательства и юридической техники и технологии.

Принимая во внимание достижения римской юриспруденции, нашедшие отражение в системе институций и дигест, можно выявить важные инструменты логических операций, составляющих сложную интерпретационную технику, использующуюся для раскрытия и восприятия смысла терминологических единиц (например, при выработке понятий самостоятельного владения, гражданской собственности, сервитутов).

В настоящее время по мере развития подзаконного нормотворчества и изменения объема компетенции министерств происходит расширение границ терминологического поля.

Системное обобщение и творческое осмысление юридической систематизации, правового мониторинга, отдельных юридико-технических приемов подготовки правовых актов позволяют выделить, практически в каждом случае, неотъемлемый терминологический компонент, являющийся важной частью правовой действительности.

Анализ юридической терминологии есть процесс комплексный по своему характеру, сущностная сторона которого сводится к обособлению знаний, с помощью которых создается и действует право, т.е. знаний о понятийных основах правового регулирования. В то же время совокупность способов и методов анализа терминологии не представляет собой самостоятельной юридической науки, а является областью технико-юридических знаний, органически примыкающих к более общим теоретическим положениям.

Системное видение юридической терминологии позволяет говорить о ней как об особом комплексе научных юридических знаний, соотносящемся с такими взаимосвязанными явлениями юридической жизни, как юридическая технология и юридическая деятельность.

Сфера применения приемов и способов интерпретации юридической терминологии не ограничивается проблемами разработки понятийного аппарата правового акта в рамках функционирования механизма конструирования правовых норм, их дальнейшего принятия и применения. Интерпретация юридической терминологии имеет концептуальное значение и для методологии юридической техники договорных актов (особенно в сфере частного права), особенностей применения юридико-технических приемов в процессе не только заключения договора, но и вступления его в силу, исполнения и обеспечения его выполнения.

Помимо этого значение методов интерпретации заключается в том, что они прежде всего позволяют достичь справедливости при разрешении конкретных юридических дел. На это неоднократно обращал внимание Европейский Суд по правам человека¹, а также многочисленные инстанции национальной судебной системы России. Вопросы, затрагивающие определения различных понятий, нередко становятся предметом судебного исследования.

Так, например, Федеральный арбитражный суд Восточно-Сибирского округа в своем постановлении указывает на следующее: «Отказывая в удовлетворении заявленных требований, суд первой инстанции исходил из того, что законодательством в спорный период и в настоящее время определение понятию "объект производственного назначения" не дано, в связи с чем все сомнения в соответствии с пунктом 7 статьи 3 Налогового кодекса Российской Федерации должны быть истолкованы в пользу налогоплательщика»².

Юристов часто обвиняют в злоупотреблении специальной терминологией. Действительно, многие правовые труды и речи юристов перегружены терминами, неясны и высокопарны. Похоже, многие представители этой профессии считают необходимым придерживаться именно такого стиля, чтобы у читателя, клиента, партнера не возникло ни малейшего сомнения в том, что они имеют дело с настоящим юристом.

В юридической теории и практике нередко употребляются термины, значение которых как будто очевидно для всех, они часто используются в литературе без каких-либо пояснений. Однако внимательное прочтение работ показывает, что их авторы значение тех или иных терминов понимают неодинаково³. Такой разницей в научных взглядах объясняется, скорее, не сложностями в понимании социально-правовых институтов, а вольным обращением с понятийным аппаратом юридической науки.

Современное российское служебное законодательство также не свободно от проблем аналогичного характера. Вопросы терминологии имеют принципиальное значение и для уяснения сущности службы в органах внутренних дел как правового явления. Особое место в деле развития законодательства о службе в органах внутренних дел занимает выработка надежного понятийного аппарата. Нет необходимости говорить, что правовая терминология должна давать ясное представление о том, что конкретно подразумевает то или иное слово. При этом желательно, чтобы при появлении новых понятий ясность в понимании применяемых профессиональными участниками отношений была не только у специалистов, но и у иных лиц.

¹ Бюллетень Европейского Суда по правам человека (рос. изд.). 2004. № 4 // СПС «Гарант».

² Постановление Федерального арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 24 августа 2010 г. по делу № А10-1084/2010 // СПС «Гарант». О судебном исследовании терминологии см. также постановление Федерального арбитражного суда Волго-Вятского округа от 29 августа 2009 г. по делу № А28-13302/2008-534/29.

³ Загайнова С.К. Судебные акты в механизме реализации судебной власти в гражданском и арбитражном процессе. М., 2007. С. 36-39.

Согласимся с мнением Н.В. Карабанова, отмечающего, что проблема единства устойчивости и изменчивости научных понятий – одна из центральных проблем современной концепции движения понятий, связанной с развитием понятий как сложных целостных систем. Изучение такого развития включает в себе раскрытие все более глубоких связей их существенных признаков и составных частей. Упомянутый автор называет проблему всестороннего изучения исторического движения научных понятий представляющей наибольший теоретический интерес¹.

Традиционно феномены в праве рассматривались в первую очередь через призму языковых и текстовых особенностей. Существует определенная зависимость между лексическим значением названия и содержанием явления. Для научного познания допустимо обращение к лексической нагрузке избранных названий, не преувеличивая в то же время значения такого анализа.

«Юрист, как юрист, не обязан, конечно, быть филологом. Но, если мыслить, как говорил Кант, значит говорить с самим собою, и если, не умея выражать точно своих понятий, мы не можем сделаться понятными ни себе самим, ни другим, – очевидно, что вопрос о языке науки, о ее терминах, становится первостепенным»².

Содержание многих терминов, используемых в нормативных правовых актах, регулирующих служебные отношения, определено законодательно. В то же время для характеристики служебных отношений используется не ставший еще общепринятым и унифицированным в доктрине понятийный аппарат. Есть в данной сфере такие понятия, которые входят в практику постепенно и становятся частью терминологии законодательства после длительной апробации.

Исследование терминологических основ законодательства о службе в органах внутренних дел способствует контекстуальному определению основных характеристик и рационализации способов построения соответствующей модификации государственной службы, мыслимой в качестве конструируемого элемента модельно-репрезентативной подсистемы научной теории.

Состояние терминологических основ законодательства о службе в органах внутренних дел имеет принципиальное значение и выступает в качестве оценочного показателя в процессе теоретической разработки и практической реализации как государственной кадровой политики в целом, так и кадровой политики органов внутренних дел, выступающей ее составной частью.

Как отмечает А.П. Ипакян, в широком смысле под критерием оценки следует понимать любой признак, показатель, на основе которого судят о работе. Сам факт признания того или иного показателя отражением полезности или вредности придает ему силу рычага-стимулятора. Объективно действующая сила ориентации заключена в том, что официальное одобрение или осуждение действий звеньев системы органов внутренних дел или отдельных сотрудников направляет (ориентирует) остальных на такую работу, которая получила одобрение и ставится в пример, поощряется. В этом проявляется объективный характер действия критериев оценки³.

Особенности терминологических единиц, используемых при конструировании нормативных положений, регулирующих служебные отношения в органах внутренних дел, есть интенционал понятия терминологических основ законода-

¹ Карабанов Н.В. Проблемы развития социальных понятий. М: Наука, 1985. С. 44-47, 116, 124, 128.

² Катков В.Д. К анализу основных понятий юриспруденции. Харьков: Тов-во "Печатня С.П. Яковлева", 1903. С. 72.

³ Ипакян А.П. Методы научной организации управления в органах внутренних дел: лекция. М.: Высшая школа МВД СССР, 1972. С. 38-39.

тельства о службе в органах внутренних дел – итог познания правовых явлений, не отражающий правовые нормы во всем богатстве их конкретных, индивидуальных признаков, а лишь вычленивший необходимое нам свойство, определяющее их фундаментальный характер по отношению к формированию и реализации правовых основ службы в органах внутренних дел¹.

Как известно, подавляющее большинство понятий или систем понятий имеет ограниченную область применимости, за пределами которой употребление данных понятий становится неправомерным и теряет смысл. Этим объясняется необходимость сделать несколько существенных, на наш взгляд, замечаний по поводу совокупности выделяемых исходных положений, закрепленных в правовых нормах, составляющих законодательный фундамент службы в органах внутренних дел, – объема (экстенционала) понятия терминологических основ законодательства о службе в органах внутренних дел.

В процессе исследования далеко не все существующие правовые нормы о службе в органах внутренних дел могут быть рассмотрены текстуально и подробно, многие из них, как правило, затрагиваются обзорно, без выявления наличия особенностей, позволяющих рассматривать их части в качестве элементов терминологических основ законодательства о конкретном виде правоохранительной службы. Отсюда количество подвергнутых анализу правовых норм может показаться ограниченным. Этого удастся избежать, если рассмотреть понятие терминологических основ законодательства о службе в органах внутренних дел как пропозициональную функцию, где особенности экстенциональных характеристик понятия и различные соотношения последних с обобщенной интенциональной характеристикой – «Р» охватываются выражением «Р(х) – х есть Р». Такого рода функции относят либо истину, либо ложь к любому значению ее аргумента². Они истолковываются при этом как понятия.

Впервые истолкование пропозициональных функций как понятий было предложено Г. Фреге. Посредством этих функций из состава некоторой области предметов – «D» можно выделить множество тех объектов, которые ей удовлетворяют (производя подстановки соответствующих имен предметов области вместо переменной «х»), т.е. те объекты, которым действительно присуще некоторое конкретное свойство «Р» и которые образуют объем понятия с интенционалом «Р».

Таким образом, формула Р(х) выражает структуру такого понятия, которое при оперировании с ним не предполагает полностью выделенного объема. Выражение Р(х) соответствует форме понятия, играющего роль правила, позволяющего конструктивно формировать объем понятия Р(х), рассматривать его объем в процессе его конструктивного становления³.

Исследуя какое-либо значение переменной «х» (текстовые элементы той или иной правовой нормы) и выявив у нее наличие обобщенной интенциональной характеристики «Р», мы относим использованную при конструировании нормы правовую терминологическую единицу к множеству терминов, являющихся основой законодательства о службе в органах внутренних дел, формируя объем исследуемого понятия.

Обратим внимание на то, что в данном случае интенционал понятия терминологических основ законодательства о службе в органах внутренних дел представляет собой нечто сложное, целое, состоящее из совокупности основных час-

¹ Логика / под ред. Г.А. Левина. Минск: Изд-во БГУ, 1974. С.32.

² Так, с помощью пропозициональной функции «х – четное число» из области натуральных чисел можно выделить множество чисел: 2, 4, 6 и т. д., поскольку суждения «2 – четное число», «4 – четное число», «6 – четное число» и т. д. являются истинными.

³ Горский Д.П. Обобщение и познание. М.: Мысль, 1985. С. 133-134.

тей – существенных признаков, подверженных изменению. При этом изменчивость понятий не исключает, а предполагает их устойчивость, что является важнейшей закономерностью их развития.

Ценность полученного в итоге алгоритма формирования объема понятия терминологических основ законодательства о службе в органах внутренних дел состоит прежде всего в следующем. Результаты изучения терминологических основ законодательства о службе в органах внутренних дел, содержащие итог динамического и статического обозрения правовых явлений, охватывающие не только прогрессивные перемены элементов понятия, но и одновременные состояния каждого из них, отразятся на структуре рассматриваемого понятия. Таким образом, появляется возможность отобразить изменения исследуемых терминологических основ одного из видов государственной службы в логике движения научных понятий.

В дальнейшем предстоит большая работа по развитию методологии и технологии, эффективно действующей юридической техники, способной обеспечить высокое качество и реальное восприятие содержания терминологической базы законодательства о службе в органах внутренних дел.

Литература

1. Горский Д.П. Обобщение и познание. М.: Мысль, 1985.
2. Доктринальные основы юридической техники / отв. ред. Н.А. Власенко. М., 2010. 368 с.
3. Загайнова С.К. Судебные акты в механизме реализации судебной власти в гражданском и арбитражном процессе. М., 2007.
4. Ипакян А.П. Методы научной организации управления в органах внутренних дел: лекция. М.: Высшая школа МВД СССР, 1972.
5. Карабанов Н.В. Проблемы развития социальных понятий. М.: Наука, 1985.
6. Катков В.Д. К анализу основных понятий юриспруденции. Харьков: Тов-во "Печатня С.П. Яковлева", 1903.
7. Логика / под ред. Г.А. Левина. Минск: Изд-во БГУ, 1974.

Проблемы цивилистических отраслей права

О признании права собственности на самовольную постройку¹

*Людмила Николаевна Древаль, профессор кафедры,
доктор юридических наук, доцент;
Василина Владимировна Бурмистрова, студентка
(Дальневосточный юридический институт МВД России)*

УДК 347.235

В настоящей статье речь идет об институте самовольной постройки, в связи с реализацией которого в практической деятельности возникает много вопросов. Одна из проблем – это узаконивание земельных участков под строительство. Авторы приходят к выводу, что в настоящее время нет четкости и слаженности уполномоченных органов при оформлении пакета документов на предоставление земельных участков.

Ключевые слова: самовольная постройка, земельный участок, коммерческая застройка, органы местного самоуправления.

Экономически развитые регионы и города нашего государства характеризуются плотной застройкой объектов недвижимости и нехваткой свободных земельных участков и представляют большой интерес для разного рода инвесторов.

Отсутствие земельных участков и непредставление в законном порядке желающим иметь их в собственности (или на ином праве) служат причиной для различных нарушений и самовольных построек, влечет передел земель. Однако не только перечисленное можно обозначить в качестве негативных факторов, ведущих к несоблюдению законодательства. Такому положению способствуют затяжной бюрократический процесс по оформлению земельных участков под застройку, а также отсутствие эффективного правового регулирования общественных отношений в этой сфере.

На сегодняшний день в соответствии с нормами действующего законодательства для строительства объекта, который будет впоследствии признан государством в качестве легального, необходимо соблюсти длительную, затратную, емкую процедуру предоставления необходимых документов, состоящую из различных по своей сути, но единых по цели самостоятельных этапов.

Под объектом следует понимать фактически воплощаемое в материальном облике здание, строение, сооружение различного назначения и характеристик, т.е. все то, что появляется на земельном участке в рамках строительной инициативы. Возведенным считается не только тот объект, строительство которого окончено, но и находится в процессе строительства, а также полный спектр мероприятий, направленных на получение в конечном итоге указанного выше объекта.

Действующее законодательство предусматривает различные формы создания и реконструкции объектов. Самым распространенным способом возведения постройки является гражданско-правовой договор, чаще всего договор подряда в различных его проявлениях. Объект считается созданным с момента его регистрации, что означает признание государством правомерности факта существования объекта, а также соблюдения необходимых процедур при его создании.

¹ Авторы подготовили цикл статей, посвященных проблемам, связанным с возведением самовольных построек. Это первая из публикаций.

Первоочередной задачей при планировании стройки является оформление отвода земельного участка на период строительства. Указанная процедура является одной из самых длительных и важных во всем процессе. Следует отметить, что речь идет о распределении либо перераспределении земель, представляющих собой процесс их перехода от одних субъектов к другим посредством первичного отвода или гражданско-правовых сделок (купли-продажи, аренды и др.).

Важно отметить, что в соответствии с Земельным кодексом РФ в основном земельные участки, которые отводятся под строительство, являются публичными, что означает их принадлежность Российской Федерации, субъектам Российской Федерации, а также муниципальным образованиям. Однако не исключена застройка и на землях, принадлежащих частным субъектам (организациям и физическим лицам). Но для последнего случая процедуры отвода земли под строительство из земель публично-правовых образований не требуется. Поэтому при наличии у застройщика законного права на земельный участок, на котором планируется застройка, можно говорить о том, что со стороны контроля государством по соблюдению земельного законодательства (кроме экологической составляющей) вопросов не возникает, поскольку рычаги воздействия на собственников у государства отсутствуют.

Следует признать, что правовой режим отвода земельных участков под индивидуальную жилищную застройку, под застройку для государственных либо муниципальных нужд имеет свои особенности и значительно разнится с коммерческими стройками, в процессе которых часто нарушаются установленные правила поведения. Это предопределяется их масштабами, инвестиционными интересами, наличием больших ресурсов у субъекта предпринимательства, а также последующим воздействием возведенного объекта на других субъектов, которых в юриспруденции принято называть «неопределенным кругом лиц». Например, влияние построенных гаражей (автостоянки) на расположенный рядом жилой комплекс.

Как показывает практика, массовая доля нового коммерческого строительства производится на землях публичных, т.е. земельные участки под строительство отводятся из государственной и муниципальной собственности. По целевому назначению они делятся на земли сельскохозяйственного назначения, земли населенных пунктов, земли промышленности и иного специального назначения, земли особо охраняемых территорий и объектов, земли лесного фонда, земли водного фонда, земли запаса¹. Следовательно, правовой режим каждой категории земель индивидуален. В связи с этим можно поддержать мнение М.В. Попова, который считает, что в целях застройки коммерческих и иных объектов, а также под жилищную застройку наиболее пригодны земли населенных пунктов, земли промышленности и иного специального назначения².

Для определения возможности строительства конкретного объекта недостаточно только лишь отнесения данного земельного участка к определенной категории. Здесь необходимо учесть экологические, экономические, социальные и иные факторы, обеспечить сочетание частных и общественных интересов, проконтролировать соответствие размещения объекта градостроительным, экологическим, противопожарным, санитарным и иным обязательным требованиям, выяснить мнение населения на этот счет, осуществить иные мероприятия. На решение данных вопросов, как справедливо отмечают некоторые исследователи³, направлены мероприятия, предусмотренные градостроительной и другой документацией, раз-

¹ См. подробнее: ст. 7 Земельного кодекса РФ.

² Попов М.В. Приобретение публичных земель для строительства коммерческой недвижимости. М., 2007. С. 4, 7.

³ Карташова Ю.А. Земельные участки под строительство. Ростов н/Д, 2010. С. 25.

рабатываемой органом местного самоуправления в рамках территориального планирования.

В соответствии с действующим законодательством предоставление земельных участков из публичной (государственной и муниципальной) собственности возможно двумя способами: 1) с предварительным согласованием места размещения строящегося объекта; 2) без его согласования. Каждый из них характеризуется пятью стадиями.

Для предоставления земельного участка с предварительным согласованием места размещения объекта необходимы: 1) принятие решения компетентным органом об отводе земельного участка; 2) формирование земельного участка с постановкой на государственный кадастровый учет; 3) оформление прав на земельный участок; 4) государственная регистрация прав; 5) подготовка градостроительного плана на земельный участок.

Во втором случае этапы легализации земельного участка несколько иные. К ним относятся: 1) формирование земельного участка с постановкой на государственный кадастровый учет; 2) подготовка технических условий на подключение к инженерным сетям; 3) проведение аукциона на продажу права либо заключение договора аренды; 4) оформление права на земельный участок (заключение договора купли-продажи или аренды); 5) государственная регистрация права на земельный участок.

В дополнение к изложенному можно добавить, что предварительное согласование предполагает длительную и сложную процедуру, связанную с прямым взаимодействием с представителями органов исполнительной власти различных уровней, сторонних организаций, эксплуатирующих и обслуживающих инженерные коммуникации, и другими субъектами, являющимися, как правило, правообладателями смежных земельных участков. Оно преследует цель – предотвратить возведение объекта на земельном участке, принадлежащем стороннему правообладателю, защитить права собственника, не допустить повреждений инженерных и других коммуникаций, создающих угрозу для жизни и здоровья граждан, а также получить согласие смежных землепользователей на строительство конкретного объекта. В законодательстве содержится только одно исключение из правил. Согласования не требуется, если это касается индивидуального жилищного строительства, а также земель лесного фонда и в рамках сельскохозяйственной деятельности¹.

Исходя из имеющихся практических данных, процедура, установленная для отвода земельного участка под коммерческое строительство, по своей форме и этапам, даже в границах одного субъекта является сложной. Она определяется административными процедурами (оформлением генерального плана, проведением топографической съемки, графическим нанесением объекта на данные топографической съемки и др.), проведением торгов. И не только этим. Для примера: в каждом муниципальном образовании Сахалинской области, на территории городского округа «Город Южно-Сахалинск» правами по принятию решения об отводе земельного участка под строительство обладает орган исполнительной власти субъекта – Министерство имущественных и земельных отношений Сахалинской области, а уже непосредственно полномочия по оформлению всех необходимых документов принадлежат органу местного самоуправления – Департаменту архитектуры, градостроительства и управления недвижимостью г. Южно-Сахалинска². Сложившаяся практика приводит в замешательство не только заяви-

¹ Пункт 11 ст. 30 Земельного кодекса РФ.

² Раздел 2 приказа Министерства имущественных и земельных отношений Сахалинской области от 29 октября 2010 г. № 108-п «Об утверждении Административного регламента Министерства имущественных и земельных отношений по предоставлению

телей, но и представителей властных структур, особенно муниципальных, что порождает волокиту и бюрократизм. Это можно объяснить отсутствием масштабного строительства в муниципалитетах, а также политикой невмешательства властей региона в распоряжение муниципальной собственностью вне областного центра. Полномочия властей областного уровня (или другого субъекта РФ) в данном случае нередко сводятся только к консолидации информации о строительстве тех или иных объектов на территории города (или другого муниципального образования).

К тому же оформление земельного участка в соответствии с действующим законодательством довольно трудоемко и длительно. В Земельном кодексе РФ этому вопросу посвящены только 3 статьи, а механизм функционирования данного процесса довольно громоздок и проблематичен. Подтверждением этому является увеличение потребности организаций в специалистах по земельным правоотношениям – кадастровых инженерах, рост популярности среди специализаций учебных заведений, связанных с землеустройством, а также неумещающее количество разъяснительных писем такого уполномоченного органа федеральной исполнительной власти, как Министерство экономического развития РФ.

Подчеркнем, что оформленный с соблюдением законодательства земельный участок является объектом гражданских прав и без его формирования по правилам государственного кадастра недвижимости¹ невозможно вовлечение этого участка в хозяйственный оборот. Необходимо иметь в виду, что законодатель устанавливает ограничение в отношении статуса этого участка, которое выражается в следующем. Если по истечении двух лет с момента его образования не будет осуществлена государственная регистрация прав, он как объект гражданских прав должен прекратить свое существование. Данный тезис означает, что последствием уклонения от государственной регистрации прав на земельный участок становится изъятие его из хозяйственного оборота. Отсюда видно, что итогом процедур по оформлению земельного участка на период строительства должно стать зарегистрированное право на данный земельный участок в установленном законом порядке. Поэтому строить, где захочется, невозможно. Чем больше плотность застройки в городе, тем больше проблем. Для того чтобы упорядочить строительство, не допустить хаотичного строительства, которое может причинить вред, как природе, экологии, безопасности и т.п., так и правам и интересам третьих лиц, законодательством предусмотрены правила землепользования и застройки в зависимости от месторасположения земельных участков, их экономической, культурной, стратегической или иной ценности. В связи с этим в муниципалитетах должны осуществляться их обязательная дифференциация и учет.

Таким образом, важным шагом на этапе легализации постройки в административном порядке и итоговыми документами должны стать договор аренды земельного участка на период строительства либо свидетельство о государственной регистрации права собственности.

Мероприятия по оформлению земельных участков являются первичными по отношению к возведенным на них постройкам. Поэтому в настоящее время необходимо принять меры, направленные на четкое разграничение полномочий между органами государственной власти РФ и местного самоуправления по распоряжению земельными участками, оставив право за органами местного самоуправления распоряжаться землями муниципального фонда без согласования с властями региона, за которыми целесообразно закрепить функцию не «дающего добро», а

государственной услуги «Распоряжение земельными участками, государственная собственность на которые не разграничена, предоставляемых для целей, связанных со строительством в МО ГО «Город Южно-Сахалинск» // Губернские ведомости. 2010. 24 ноября.

¹ Глава 3 Федерального закона «О государственном кадастре недвижимости» // Собрание законодательства РФ. 2007. № 31. Ст. 4017.

контролирующего органа и разъясняющего практику применения законодательства.

В связи с этим также нужно ввести принцип «одного окна», что означает необходимость разработки на федеральном уровне единого регламента (или иного документа) по разграничению полномочий органов государственной власти субъектов РФ и местного самоуправления в части принятия решения по предоставлению услуг, связанных с отводом земельных участков. Такое решение проблемы позволит ускорить рассматриваемый процесс, упростить административную процедуру по оформлению прав, а также уменьшить проявление правового нигилизма, неграмотности и коррупции чиновников разного уровня.

Литература

1. Карташова Ю.А. Земельные участки под строительство. Ростов н/Д, 2010.
2. Попов М.В. Приобретение публичных земель для строительства коммерческой недвижимости. М., 2007.

О правовых основах суррогатного материнства

*Людмила Николаевна Древаль, профессор кафедры,
доктор юридических наук, доцент;
Татьяна Владимировна Алипченко, студентка
(Дальневосточный юридический институт МВД России)*

УДК 347.61/.64

В статье идет речь о развитии института суррогатного материнства в Российской Федерации. Авторы попытались выявить проблемы, связанные с правовым регулированием этой сферы общественных отношений.

Ключевые слова: суррогатное материнство, бесплодие, супруги-заказчики, репродуктивные технологии.

В результате социальных катаклизмов и ухудшения экологической обстановки в мире непрерывно возрастает количество лиц, не обладающих естественной способностью к рождению детей. Согласно медицинской статистике, на сегодняшний день в России 1/5 всех супружеских пар, находящихся в детородном возрасте, являются бесплодными. При этом причины бесплодия между полами распределены в равном количестве.

Если в прошлом проблема бесплодия решалась достаточно быстро (это служило основанием для развода), то в современном обществе пары стремятся преодолеть ее с помощью суррогатного материнства и других искусственных методов репродукции человека, которые в нашей стране применяются сравнительно недавно, хотя и имеют определенную историю.

Суррогатное материнство было известно еще в Древнем Риме, когда мужчины отдавали своих жен внаем супружеским парам, где жена была бесплодна, и ребенок, рожденный с помощью «наемной» матери, в последующем являлся законным ребенком бесплодных супругов.

У древних евреев бездетные женщины прибегали к помощи служанок-наложниц, которые рожали ребенка от мужа такой женщины. Но первой на руки

его брала законная жена, тем самым демонстрируя свое неоспоримое право на младенца¹.

Научно-технический прогресс и процесс женской эмансипации способствовали поиску новых путей решения рассматриваемой проблемы. Современное суррогатное материнство стало возможным после появления технологий искусственного оплодотворения и экстракорпорального оплодотворения. Это сделало возможным получение генетического материала от генетических родителей с последующей «подсадкой» его для вынашивания и рождения ребенка в естественный биологический инкубатор, то есть в организм суррогатной матери.

Впервые об успешном суррогатном материнстве было заявлено в 1980 году. Первой суррогатной матерью стала 37-летняя американка Элизабет Кейн из штата Иллинойс. Женщина, которая не могла иметь детей, заключила с Кейн договор, по которому ей проводилось искусственное оплодотворение спермой супруга бесплодной женщины, а после родов Кейн получила денежное вознаграждение. При этом Кейн имела троих собственных детей².

Пионерами суррогатного материнства в Великобритании стали Патрик Стептоу и Роберт Эдвардс. Эмбрионы генетических родителей, полученные в результате экстракорпорального оплодотворения, были перенесены сестре бесплодной женщины, и в 1989 г. она родила ребенка. Известны и другие случаи.

Что же касается России, то в 1917 г. доктор Ф. Ильин констатировал, что наука располагает 69 описанными и успешными случаями искусственного оплодотворения женщин спермой своего мужа³.

Суррогатное материнство является вспомогательной репродуктивной технологией, при применении которой женщина добровольно соглашается забеременеть с целью выносить и родить биологически чужого ей ребенка «на заказ», который затем отдается на воспитание другим лицам – генетическим родителям. Рассматриваемая технология породило много сложных этических и правовых проблем, касающихся правового положения «родителей-заказчиков», «эмбриона», а также прав супруга суррогатной матери и лиц, предоставивших генетический материал.

В настоящее время не существует каких-либо нормативных актов, регулирующих данные правоотношения, за исключением положений ст. 51 Семейного кодекса Российской Федерации, устанавливающих порядок записи в книге записей родителей ребенка, рожденного с помощью искусственных методов репродукции, и регулирующих вопросы оспаривания отцовства (материнства). В этом ракурсе законодатель обязательное правило поведения закрепляет следующим образом: «Лица, состоящие в браке между собой и давшие свое согласие в письменной форме на имплантацию эмбриона другой женщине в целях его вынашивания, могут быть записаны родителями ребенка только с согласия женщины, родившей ребенка (суррогатной матери)». При этом родители (суррогатная мать) после совершения в книге записи рождений не могут оспаривать материнство и отцовство, ссылаясь на то, что ребенок появился у суррогатной матери.

В случае использования метода суррогатного материнства между потенциальными родителями и женщиной, которая согласилась выносить и родить ребенка, как правило, заключается договор в письменной форме, который должен быть одобрен в судебном порядке либо нотариально удостоверен. Как показывает

¹ Рулан Н. Юридическая антропология. М., 1999. С. 258.

² Дронова Ю.А. Что нужно знать о суррогатном материнстве. Городец, 2007. С. 23.

³ Рулан Н. Указ. соч. С. 261.

практика, нормативным основанием для такого вида договоров служит глава 39 «Возмездное оказание услуг» Гражданского кодекса РФ. Он начинает действовать в случае, когда суррогатная мать откажется от ребенка после его рождения. Если же она решит оставить ребенка, то приоритет в признании прав на ребенка принадлежит ей, а не супругам-заказчикам. Такое положение дел объясняется рядом моральных и психологических причин.

Между тем ранее институт суррогатного материнства рассматривался и в другом аспекте. О нем говорили и в случае искусственного оплодотворения женщины спермой мужчины с последующей передачей родившегося ребенка этому мужчине и его жене (если он женат). В таком случае суррогатная мать являлась и генетической матерью ребенка. Но с принятием Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» ситуация поменялась. Этим нормативным актом был установлен запрет на то, что суррогатная мать не может быть одновременно донором яйцеклетки. Ею может стать женщина в возрасте от двадцати до тридцати пяти лет, имеющая не менее одного здорового собственного ребенка, получившая медицинское заключение об удовлетворительном состоянии здоровья, давшая письменное добровольное согласие на медицинское вмешательство.

Сегодня программа суррогатного материнства предполагает только перенос эмбриона, полученного оплодотворением яйцеклетки биологической матери-супруги спермой биологического отца-супруга. Другие технологии, а также перенос суррогатной матери эмбриона, полученного с использованием донации ооцитов либо спермы донора, не подпадают по действующему законодательству под определение суррогатного материнства и становятся еще более незащищенными с точки зрения передачи ребенка родителям, биологическим из которых является только один из них.

Повторимся, что в российском законодательстве не определено правовое положение эмбриона, не оговаривается, имеют ли лица, участвовавшие в создании эмбриона, права на этот эмбрион, и, если да, то появляется ли у кого-нибудь преимущественное право. Законодатель этот вопрос никак не решает, что служит поводом для оживленных научных дискуссий. Так, например, О. Хазова¹ формулирует правильный вывод о том, что «до тех пор, пока эмбрион находится вне тела женщины, каждый из будущих родителей должен быть наделен абсолютно равными правами», поскольку на предимплантационной стадии эмбрион еще не находится в теле женщины (будущей суррогатной матери), она еще не является беременной, и в этом смысле мужчина и женщина по отношению к своему будущему ребенку находятся в равном положении. Они вправе определять судьбу эмбриона.

На этом этапе исследователи высказываются о проблемах и другого характера. Так, Б.Ю. Белоусов² справедливо указывает на законодательное отсутствие возможности для проведения исследований с эмбрионом человека. Автор считает, что для любых исследований, в которых в качестве их субъектов привлекаются эмбрионы человеческого происхождения, необходимо получение, как минимум, согласия от матери, представляющей интересы эмбриона, и, как максимум, согласия и от потенциальной матери, и от потенциального отца.

Положительной стороной существующего законодательства в данной области является то, что регистрация ребенка проходит не через процедуру усыновления, а обычным путем, т.е. выдается свидетельство о рождении ребенка, где в ка-

¹ Хазова О.А. Проблема гендерного равенства и репродуктивного права супругов // Юрист. 2005. № 16. С. 23.

² Белоусов Ю.Б. Человеческие эмбрионы и искусственно оплодотворенные женщины // Современная медицина. 2005. № 5. С. 34.

честве родителей указываются генетические родители этого ребенка. Только регистрация ребенка в органах ЗАГС, согласно ст. 47 Семейного кодекса РФ, служит правоустанавливающим обстоятельством и основанием для возникновения прав и обязанностей родителей и детей.

Интересен тот факт, что семейное законодательство не предусматривает срока, в течение которого суррогатная мать может заявить об оставлении ребенка у себя. Практика показывает, что им должен быть признан период, установленный законодательством об актах гражданского состояния для регистрации рождения ребенка в уполномоченных органах. В соответствии с п. 6 ст. 16 Федерального закона «Об актах гражданского состояния» заявление о рождении ребенка должно быть сделано не позднее чем через месяц со дня его рождения.

Согласие женщины, родившей ребенка (суррогатной матери), должно быть выражено в письменной форме и удостоверено руководителем медицинского учреждения, в котором была произведена имплантация эмбриона. «Супругам-заказчикам» в таком случае должна быть выдана справка этого медицинского учреждения обычного образца о рождении у них ребенка, которая затем представляется в органы ЗАГС для регистрации рождения ребенка. Регистрация рождения ребенка и запись о родителях производится в обычном порядке: «Отец и мать, состоящие в браке между собой, записываются родителями ребенка в книге записей рождений по заявлению любого из них».

Федеральный закон «Об актах гражданского состояния» также гласит: «При государственной регистрации рождения ребенка по заявлению супругов, давших согласие на имплантацию эмбриона другой женщине в целях его вынашивания, одновременно с документом, подтверждающим факт рождения ребенка, должен быть представлен документ, выданный медицинской организацией и подтверждающий факт получения согласия женщины, родившей ребенка (суррогатной матери), на запись указанных супругов родителями ребенка».

Из этого следует, что по закону суррогатная мать может без всяких проблем оставить генетически чужого ей ребенка себе, официально считаясь его матерью со всеми вытекающими отсюда юридическими последствиями. И на такой поступок, по мнению многих специалистов, ее подвигают материнские чувства, возникшие к вынашиваемому ребенку. Этот вариант развития событий для генетических родителей является неприемлемым и конфликтным. Он может быть оспорен в судебном порядке по требованию лица, фактически являющегося отцом или матерью ребенка, даже после совершения записи в книге записей рождений.

Как видим, в России правовое регулирование отношений в этой сфере оставляет желать лучшего. И, в отличие, например, от США, где всему известна цена и договорные условия выполняются неукоснительно, у нас нет четкости в законах, регулирующих вопросы суррогатного материнства, а Семейный кодекс РФ не защищает ни одну из сторон от недобросовестности партнеров.

По нашему мнению, помимо заинтересованных лиц в договоре о суррогатном материнстве должен устанавливаться круг лиц, участвующих в его исполнении, должны оговариваться необходимые условия и ответственность за ненадлежащее их выполнение или невыполнение.

Заметим, что правовой вакуум порождает проблемы и другого характера. Чаще всего в России поиск суррогатной матери остается задачей для самой бесплодной пары и нередко балансирует на грани закона. Нередки случаи, когда потенциальные суррогатные матери, найденные через Интернет или сомнительных посредников, могут быть заражены всевозможными инфекциями, делающими крайне проблематичным вынашивание беременности, а то и вообще не способны иметь детей в результате перенесенных и хронических заболеваний. Имеется информация и о том, что часть девушек, претендующих на участие в программах по

суррогатному материнству, используется криминальными кругами в качестве своего рода «наживки» для того, чтобы «выйти» на состоятельных заказчиков. В средствах массовой информации публиковались случаи, когда суррогатная мать не отказывалась от рожденного ребенка с целью шантажа бесплодной супружеской пары.

Положение, закрепленное в Семейном кодексе РФ (ст. 16), о презумпции отцовства, согласно которому отцом ребенка, рожденного в браке, считается муж его матери, говорит о том, что у него нет выбора в отношении рожденного супругой ребенка, по которому суррогатная мать принимает решение не передавать родителям-заказчикам и оставить его у себя, поскольку за ней законодательством закрепляется это право, а также право зарегистрироваться в органах ЗАГС в качестве матери. Повторимся, что это вытекает, во-первых, из того, что лица, состоящие в браке между собой и давшие согласие в письменной форме на имплантацию эмбриона другой женщине в целях вынашивания, могут быть записаны родителями ребенка только с согласия женщины, родившей ребенка (суррогатной матери). Во-вторых, это следует из того, что при оформлении договора в медицинском учреждении о выполнении услуг по вынашиванию ребенка женщина, желающая выступить в роли суррогатной матери, подписывает соответствующий документ, в котором она выражает свое согласие на применение по отношению к ней соответствующих процедур. Женщина, состоящая в браке, зарегистрированном в порядке, установленном законодательством Российской Федерации, может быть суррогатной матерью только с письменного согласия супруга.

Следовательно, если суррогатная мать, состоящая в браке, воспользуется своим правом оставить ребенка и зарегистрирует его в органах ЗАГС на свое имя, это автоматически будет означать, что отцом ребенка будет зарегистрирован ее муж, хотя он может возражать против этого.

Таким образом, правовое регулирование суррогатного материнства хотя и имеет большое значение, но не может быть полностью регламентировано нормами права, поскольку в ходе решения данной проблемы обычно возникает целый клубок противоречивых взаимоотношений, проблем и сомнений.

К сожалению, на сегодняшний день законодательство определяет только главные направления данного института. Вместе с тем пришло время на основе имеющегося российского и зарубежного опыта решить на федеральном законодательном уровне те проблемы, которые были ранее обозначены, а также четко определить механизм защиты прав и законных интересов всех субъектов рассматриваемого института. К тому же необходимо ввести запреты и ограничения в отношении эмбрионов человека, так Федеральным законом «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» установлен только один запрет – запрет на использование их только в промышленных целях.

Литература

1. Белоусов Ю.Б. Человеческие эмбрионы и искусственно оплодотворенные женщины // Современная медицина. 2005. № 5. С. 34.
2. Дронова Ю.А. Что нужно знать о суррогатном материнстве. Городец, 2007. С. 23.
3. Рулан Н. Юридическая антропология. М., 1999. С. 258.
4. Хазова О.А. Проблема гендерного равенства и репродуктивного права супругов // Юрист. 2005. № 16. С. 23.

Уголовное право

Преступления, посягающие на миграционную безопасность государства: вопросы теории, законодательства и практики его применения

*Илья Викторович Никитенко, начальник филиала
Всероссийского научно-исследовательского
института МВД России по ДФО,
кандидат юридических наук, доцент*

УДК 343.3

В настоящей статье рассмотрены вопросы классификации, соотношения и места в уголовном законодательстве России преступлений, посягающих на миграционную безопасность государства. Отражены имеющиеся противоречия в существующих подходах к определению видового и непосредственного объектов преступного посягательства анализируемых преступлений.

Ключевые слова: преступление, миграционная безопасность, угроза безопасности, объект преступного посягательства, миграционное законодательство, незаконная миграция.

Исследование различных аспектов юридической ответственности за правонарушения в сфере миграции населения позволяет прийти к выводу, что уже сегодня сложилась достаточно действенная, но вместе с тем не лишенная недостатков нормативно-определенная система противодействия незаконной миграции, работа над совершенствованием которой продолжается.

Анализ правоохранительной деятельности в сфере государственного контроля над миграционными процессами показывает, что значительная часть миграционных правонарушений содержат признаки различных составов преступлений.

Уголовно-правовые нормы, регламентирующие ответственность за преступления в области миграции, а также непосредственно связанные с миграцией населения, можно условно дифференцировать на три основные группы:

1) нормы, предусматривающие уголовную ответственность за преступления в области установленного порядка миграции населения и причиняющие непосредственный вред миграционной безопасности государства (ст. 322 «Незаконное пересечение Государственной границы Российской Федерации», ст. 322.1 «Организация незаконной миграции» УК РФ);

2) нормы, предусматривающие уголовную ответственность за преступления, способствующие нарушению установленного порядка миграции населения, хотя и не причиняющие непосредственного вреда миграционной безопасности государства (ст. 327 «Подделка, изготовление или сбыт поддельных документов, государственных наград, штампов, печатей, бланков», ст. 292.1 «Незаконная выдача паспорта гражданина Российской Федерации, а равно внесение заведомо ложных сведений в документы, повлекшее незаконное приобретение гражданства Российской Федерации» УК РФ);

3) нормы, предусматривающие ответственность за преступления, которые часто связаны с различными аспектами миграционных процессов либо с их последствиями (например, ст. 127.1 «Торговля людьми», ст. 127.2 «Использование

рабского труда» УК РФ. К данной группе преступлений можно отнести и все уголовно наказуемые деяния «экстремистской направленности», совершаемые по мотивам расовой, этнической, религиозной и конфессиональной вражды.

Для исследования проблем криминологического обеспечения миграционной безопасности государства основное значение имеют преступления, предусмотренные ст. 292.1, 322, 322.1, 327 УК РФ.

Однако рассматривая миграционную безопасность государства как видовой компонент родового понятия «национальная безопасность», следует еще раз подчеркнуть, что термин «миграционная безопасность» уже более десяти лет активно используют в публицистике, а также в научно-популярной и политической лексике. В свою очередь, характерные для данного вида безопасности угрозы и риски отражены в ряде политических документов современной России¹.

Так, в разд. II Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года прогнозируется, что «обострятся мировая демографическая ситуация и проблемы окружающей природной среды, возрастут угрозы, связанные с *неконтролируемой и незаконной миграцией*, наркоторговлей и торговлей людьми, другими формами транснациональной организованной преступности» (выделено нами – И.Н.). В пункте 41 разд. IV Стратегии, посвященного вопросам обеспечения национальной безопасности Российской Федерации, среди основных угроз безопасности государства в пограничной сфере также упоминается о проблемах незаконной миграции. К названной категории угроз отнесены: «деятельность международных террористических и экстремистских организаций по переброске на российскую территорию своих эмиссаров, средств террора и организации диверсий, а также активизация трансграничных преступных групп по незаконному перемещению через Государственную границу Российской Федерации наркотических средств, психотропных веществ, товаров и грузов, водных биологических ресурсов, других материальных и культурных ценностей, *организации каналов незаконной миграции*» (выделено нами – И.Н.).

В пункте 48 Стратегии среди основных факторов, влияющих на улучшение качества жизни российских граждан, упоминается о *рациональной организации миграционных потоков* на территорию Российской Федерации.

Разумеется, Стратегия национальной безопасности РФ содержит только стратегические направления и концепцию «безопасности», определяя лишь ее общие признаки и конфигурацию. Нормативное выражение правового механизма обеспечения безопасности отнесено к компетенции административного, а в большей степени уголовного законодательства, о чем свидетельствует положение ч. 1 ст. 2 УК РФ, где среди приоритетных задач настоящего законодательства называются охрана общественного порядка и общественной безопасности, обеспечение мира и безопасности человечества. Упоминая об охране конституционного строя Российской Федерации, следует отметить, что данная задача сформулирована в единстве с «безопасностью государства», а защита окружающей среды есть не что иное, как нормативное выражение экологической безопасности. Среди видовых объектов уголовно-правовой охраны названа безопасность движения и эксплуатации транспорта, а в ст. 281 УК РФ в качестве непосредственных объектов посягательства выступают экономическая безопасность и обороноспособность Российской Федерации и т.д.

Имеется еще множество примеров, где различные аспекты безопасности сформулированы законодателем в качестве объектов уголовно-правовой охраны. В то же время названный перечень может быть дополнен за счет ранее не извест-

¹ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года, Концепция государственной миграционной политики до 2025 года.

ных уголовному законодательству вызовов и угроз, но представляющих, по нашему мнению, серьезную опасность интересам личности, общества и государства. В ближайшей перспективе появление в отечественном уголовном праве новых объектов уголовно-правовой охраны может распространиться на некоторые аспекты безопасности, еще не имеющие нормативно-определенной формы, особая актуальность среди которых, по мнению ряда аналитиков, принадлежит миграционной безопасности государства.

Таким образом, для того чтобы перейти к подробному рассмотрению преступлений, посягающих на установленный государством порядок миграции населения и приобретения гражданства Российской Федерации, а стало быть, и на миграционную безопасность России в целом, следует обратить внимание на пока еще не разрешенную проблему признания миграционной безопасности государства объектом уголовно-правовой охраны.

Неудивительно, что подобное положение дел вполне естественно для отечественной правовой системы, исключаяющей поспешность и отсутствие апробации при принятии нормотворческих решений, но при этом имеющей существенный недостаток, который проявляется в «затягивании», а иногда и утрате актуальности некоторых законодательных инициатив. От этого в большей степени страдают правоохраняемые отношения вообще и особенно объекты уголовно-правовой охраны. Примером может служить криминализация деяния, предусмотренного ст. 145.1 УК РФ «Невыплата заработной платы, пенсий, стипендий, пособий и иных выплат», введенной в действие только в 1999 г.¹, в то время когда пик таких преступлений пришелся на начало 1990-х. Следует заметить, что подобный пример в отечественном уголовном праве не единичен. Что же касается миграционной безопасности как объекта уголовно-правовой охраны, очевидно, что уже сегодня созданы все необходимые правовые предпосылки для его включения в УК РФ в качестве непосредственного, а возможно, и группового (видового) объекта преступных посягательств².

Начиная работать над данной проблемой, мы не ставили задачи критиковать существующую систему ныне действующего УК РФ. Вместе с тем, опираясь на принципы отечественной законодательной техники, основными критериями которой являются лаконичность, буквальность, относительная простота и в то же время универсальность правовых норм³, мы полагаем, что именно систематизация норм Особенной части УК РФ, основанная на кодификации объектов уголовно-правовой охраны, является одним из наиболее проблемных вопросов современной доктрины отечественного уголовного права.

Если рассматривать миграционную безопасность государства в качестве объекта уголовно-правовой охраны, позиционирующего конкретную группу преступлений относительно общего для нее видового признака (например, нарушение установленного законом порядка миграции населения), то ее распространительное толкование может быть представлено как совокупность условий и факторов, обеспечивающих безопасное перемещение людей через государственные границы в целях их временного или постоянного проживания на территории принимающих государств в соответствии с международным и национальным правом,

¹ Федеральный закон от 15 марта 1999 г. № 48-ФЗ.

² См. подробнее: Никитенко И.В. Миграционная безопасность государства как объект уголовно-правовой охраны // Научный портал МВД России. 2010. № 3 (9).

³ Гаухман Л.Д. Классификация преступлений: закон, теория, практика. М., 2003. С. 22-26; Дурманов Н.Д. Учение об уголовном законе // Курс советского уголовного права. М., 1970. Т. 1. С. 160-162; Коган В.М. Логико-юридическая структура советского уголовного-закона. Алма-Ата: Казахстан, 1966. С. 55-56.

а также обеспечение государственного контроля над миграционными процессами, с точки зрения национальных интересов принимающих государств».

По мнению законодателя, преступления, направленные на нарушение режима Государственной границы Российской Федерации и установленные законом правила миграции населения, в конечном счете посягают на порядок управления и включены в одноименную гл. 32 УК РФ «Преступления против порядка управления». Подобное расположение норм представляется обоснованным, но только с точки зрения характеристики признаков объективной стороны этих преступлений. Например, деяния, содержащие признаки объективной стороны ст. 322 УК РФ, действительно посягают на порядок государственного управления при пересечении Государственной границы Российской Федерации, то есть «пересечение без документов на право въезда или выезда либо без надлежащего разрешения». Если руководствоваться подобной логикой, то и другие преступления, связанные с нарушением различных правил государственного регулирования (например, экологические преступления или преступления, связанные с нарушением правил при производстве различного рода опасных работ либо правил эксплуатации средств повышенной опасности и т.п.), должны быть помещены в гл. 32 УК РФ. Но дело в том, что систематизация норм Особенной части УК РФ, содержащих соответствующие составы преступлений, основана, как известно, на классификации и характеристиках объектов уголовно-правовой охраны, или, как обозначается в специальной литературе, «объектов преступного посягательства».

Для наиболее четкого обоснования нашей позиции о признании миграционной безопасности самостоятельным или факультативным объектом уголовно-правовой охраны, вновь обратимся к Стратегии национальной безопасности как к одному из основополагающих нормативных документов в области безопасности.

Так, в § 2 «Общественная и государственная безопасность» разд. IV указанного документа определено, что «одним из условий обеспечения национальной безопасности является надежная защита и охрана Государственной границы Российской Федерации», а далее, как уже отмечалось выше, упоминается об основных угрозах интересам и безопасности Российской Федерации в пограничной сфере, где среди других называется организация каналов незаконной миграции.

Признание этой угрозы в качестве приоритетной требует пересмотра некоторых положений ныне действующего УК РФ в части уточнения и конкретизации некоторых объектов преступных посягательств, а также признания миграционной безопасности государства в качестве самостоятельного объекта уголовно-правовой охраны. Еще большее сомнение вызывает обоснованность видового (группового) и непосредственного объектов преступного посягательства состава преступления ст. 322.1 УК РФ, предусматривающего ответственность за организацию незаконной миграции. Известно, что действующее уголовное законодательство России не предусматривает уголовной ответственности за нарушение миграционного законодательства в какой бы то ни было форме и даже за систематическое (злостное) несоблюдение этих правил. Ответственность за подобные деяния наступает согласно нормам гл. 18 КоАП РФ, которые содержат составы административно наказуемых деликтов в области миграции.

Не вызывает возражений и то, что само по себе нарушение миграционного законодательства действительно причиняет вред порядку государственного управления миграционными процессами. Но ведь в УК РФ предусмотрена уголовная ответственность не за собственно нарушение миграционных правил, а за организацию незаконной миграции, что, как известно, представляет более серьезную общественную опасность, чем обычное нарушение миграционного законодательства, и в некоторых случаях может быть квалифицировано как организация каналов незаконной миграции, которая в свою очередь определяется п. 41 Страте-

гии национальной безопасности в качестве потенциальной угрозы безопасности государства в пограничной сфере и, как уже отмечалось, представляет серьезную угрозу для миграционной безопасности России.

Следует отметить, что составы преступлений, предусмотренные ст. 322 и 322.1 УК РФ, фактически имеют одни и те же объективные видовые признаки: а) деяние направлено на пересечение государственной границы; б) пересечение государственной границы и пребывание на территории государства прибытия имеют противоправный характер; в) деяние вступает в противоречие с миграционным законодательством России.

По сути, статья 322.1 УК РФ, предусматривающая уголовную ответственность за организацию незаконной миграции, является специальной по отношению к ст. 322 УК РФ, которая устанавливает ответственность за незаконное пересечение Государственной границы Российской Федерации. До появления в УК РФ ст. 322.1 к уголовной ответственности, как правило, привлекались только те лица, которые непосредственно пересекали государственную границу, а тот, кто такое пересечение организовывал, часто избегал ответственности ввиду сложности доказывания и отсутствия специальной нормы. Состав преступления, предусмотренный ст. 322.1 УК РФ, имеет сложную структуру объективной стороны, включающую в себя ряд самостоятельных (альтернативных) действий, каждое из которых в отдельности, равно как и их совокупность, образует единичное, оконченное преступление.

Однако при квалификации правонарушений, связанных с незаконным въездом в Российскую Федерацию, незаконным пребыванием в ее пределах и незаконным транзитным проездом через ее территорию, которые, как правило, сопряжены с незаконным пересечением Государственной границы Российской Федерации, следует учитывать, что в настоящее время между соответствующими нормами административного и уголовного законодательства существует явная правовая коллизия в части разграничения административной и уголовной ответственности. Данная несогласованность обусловлена отсутствием четких критериев, характеризующих незаконное пересечение государственной границы как административно наказуемое деяние с точки зрения его отличия от аналогичного состава преступления, предусмотренного ст. 322 УК РФ. В свою очередь, эта проблема тесно взаимосвязана с вопросами квалификации деяний, соответствующих ст. 322.1 УК РФ, так как составы преступлений, содержащиеся в ст. 322 и 322.1 УК РФ, а также аналогичный состав административного правонарушения, предусмотренный ст. 18.8 КоАП РФ, имеют не только общую правовую природу, но и во многом симметричные юридические признаки.

Диспозиция нормы ст. 322.1 УК РФ, как и диспозиция ст. 18.8 КоАП РФ, является отсылочно-бланкетной, так как за разъяснениями признаков, определяющих характеристики деяний, которые образуют объективную сторону преступления, необходимо обратиться к Федеральным законам «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» и «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации».

С момента введения исследуемого состава в действие прошло почти восемь лет, но правоприменительная практика свидетельствует о том, что эффективность данной нормы крайне незначительна, так как при сохраняющейся из года в год положительной динамике незаконной миграции на территорию Российской Федерации количество обвинительных приговоров по данной категории уголовных дел в масштабах страны исчисляется десятками.

Названные обстоятельства позволяют предположить, что анализируемый состав преступления представляет собой не вполне удачную законодательную

конструкцию, нуждающуюся в уточнении и даже принципиальном пересмотре позиции законодателя.

Так, например, законодатель не учел некоторых аспектов российской действительности в миграционной сфере. Принимая во внимание распространенность коррупции в России, очевидно участие в вышеупомянутом виде противоправной деятельности значительного количества должностных лиц, использующих при этом свои служебные полномочия, что не нашло своего отражения в анализируемом составе преступления.

Следует отметить, что назначение наказания в виде лишения свободы не характерно для большинства судебных процессов об организации незаконной миграции. Наиболее часто судами назначаются наказания в виде штрафов от 10 до 100 тыс. руб.¹

Так, мировой судья Центрального района г. Хабаровска, рассмотрев в открытом заседании уголовное дело по обвинению гр. К в организации незаконного пребывания в Российской Федерации иностранных граждан, приговорил виновного к наказанию в виде штрафа в размере его дохода в качестве индивидуального предпринимателя за три месяца в общей сумме 62 600 руб.

Гражданин К. в целях осуществления ремонта автомобилей, имея умысел на организацию незаконного пребывания на территории России иностранных граждан, незаконно привлек в качестве автослесарей, автомаяров и разнорабочих граждан из КНР, которые заведомо для подсудимого не имели регистрации по месту пребывания в Российской Федерации и права трудоустройства. Виновный обеспечил иностранных гастарбайтеров рабочим инструментом и необходимым для ремонта автомобилей оборудованием, а затем в продолжение своего преступного умысла организовал постоянное их проживание в подсобном помещении, при этом он оборудовал и помещение под столовую.

Таким образом, на основе изучения юридической теории и практики рассмотрения уголовных дел судами можно сделать вывод, что объективную сторону преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 322.1 УК РФ, в части организации незаконного пребывания, составляет совокупность действий по предоставлению одному и более иностранным гражданам (либо лицам без гражданства), не имеющим законного права находиться на территории России, помещений, пригодных для проживания и определенной работы, а также создание условий для их проживания и трудовой деятельности².

Другими словами, за совершение отдельных правонарушений, предусмотренных ст. 18.9 или 18.10 КоАП РФ, субъект привлекается к административной ответственности, а за совершение совокупности данных правонарушений, объединенных единым умыслом, – к уголовной. И этот вывод представляется вполне юридически обоснованным. Вместе с тем не все из опрошенных судей и других категорий правоприменителей разделяют подобную точку зрения, ссылаясь на недопустимость административной преюдиции.

Так, судья одного из районных судов г. Владивостока, прекратив уголовное дело в связи с отсутствием в деяниях подсудимого состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 322.1 УК РФ, обосновывает свое решение следующим образом: «Граждане иностранного государства Р., С. и Б. сами нашли гр. З., при этом

¹ Шелмаков А.Л. Реализация судебной перспективы по уголовным делам об организации незаконной миграции (статья 322.1 УК РФ) // Миграционное право. 2007. № 4. С. 41-44.

² Комментарий к УК РФ / под ред. В.М. Лебедева. М., 2005; Комментарий к УК РФ / под ред. А.А. Чекалина. М., 2006; Уголовное право России. Общая и Особенная части / под ред. Н.Г. Кадникова. М., 2006; Уголовное право. Особенная часть / под ред. Л.Д. Гаухмана и С.В. Максимова и др. М., 2007.

без его помощи прибыли и незаконно находились на территории России длительное время и в поисках работы обратились к подсудимому. Кроме того, в судебном заседании не было установлено, что в полномочия гр. З не входил подбор и принятие на работу сотрудников. В то же время предоставление жилого помещения, а также выплата денежных средств за оказанные услуги не может расцениваться судом как организация пребывания иностранных граждан на территории России».

И такое решение не единично. Так, областной суд Еврейской автономной области, рассмотрев в кассационной инстанции уголовное дело по обвинению гр. Б. в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 322.1 УК РФ, отменил обвинительный приговор Ленинского районного суда в связи с фактическим наличием в деяниях подсудимого состава административного правонарушения.

Следует отметить, что составы преступлений, предусмотренные ст. 322 и 322.1 УК РФ, характеризуются тождественными объективными признаками: а) деяния направлены на пересечение государственной границы; б) пересечение государственной границы и пребывание на территории государства прибытия имеют противоправный характер; в) деяния вступают в противоречие с миграционным и пограничным законодательством Российской Федерации.

Принимая во внимание приведенные доводы, мы полагаем, что одной из норм УК РФ, устанавливающих уголовную ответственность за посягательство на миграционную безопасность государства как дополнительного объекта преступного посягательства посредством незаконного пересечения государственной границы, является состав преступления, предусмотренного ст. 322 УК РФ. Это деяние признано противоправным и общественно опасным ввиду очевидной значимости регулирования въезда и выезда для интересов государства и обеспечения его безопасности и суверенитета.

Суть понятия «Государственная граница Российской Федерации» раскрывается в ст. 1 Федерального закона «О Государственной границе Российской Федерации», которая гласит: «Государственная граница Российской Федерации есть линия и проходящая по этой линии вертикальная поверхность, определяющая пределы государственной территории (суши, вод, недр и воздушного пространства) Российской Федерации, т.е. пространственный предел действия государственного суверенитета Российской Федерации».

В определении государственной границы нам видится не совсем удачной ее характеристика с точки зрения «пределов распространения государственного суверенитета». Под государственным суверенитетом принято понимать «присущее государству верховенство на своей территории и независимость в международных отношениях»¹. Суверенитет государства не может быть ограничен рубежами его границ. В соответствии с международной практикой государства распространяют свою юрисдикцию на континентальный шельф, исключительную экономическую зону, прилегающую зону. Сохраняют государственную принадлежность космические объекты, корабли в открытом море, воздушные суда в открытом воздушном пространстве и т.д. Поэтому мы согласны с мнением о необходимости исключения из указанной дефиниции словосочетания «то есть пространственный предел действия государственного суверенитета Российской Федерации».

Вопросы о видовом и непосредственном объектах состава преступления, предусмотренного ст. 322 УК РФ, а следовательно, и позиционирования этой нормы в уголовном законе, вызывают споры среди юристов.

¹ Теория государства и права: курс лекций / под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. М., 1997. С. 52.

Одни авторы считают, что это преступление посягает на установленный порядок (правила) пересечения государственной границы¹, другие – на режим государственной границы².

В соответствии со ст. 43 Федерального закона «О Государственной границе Российской Федерации» уголовной ответственности по ст. 322 УК РФ подлежат лица, виновные в нарушении правил режима государственной границы, пограничного режима и режима в пунктах пропуска через государственную границу. На основании этого некоторые аналитики полагают, что преступление посягает на неприкосновенность государственной границы³.

Исследуя проблему объекта уголовно-правовой охраны, следует еще раз обратить внимание на идентичные юридические черты анализируемых составов преступления, в которых организация незаконного въезда в Российскую Федерацию, пребывание на ее территории и транзитный проезд через Российскую Федерацию, как правило, связаны с нарушением ее государственной границы. В свою очередь, противоправное пересечение государственной границы часто является способом незаконной миграции⁴. Таким образом, можно с уверенностью сказать, что безопасность государства в пограничной сфере тесно взаимосвязана с миграционной безопасностью государства.

Для наиболее полного обоснования позиции о признании миграционной безопасности России самостоятельным или факультативным объектом уголовно-правовой охраны вновь обратимся к Стратегии национальной безопасности как к одному из основополагающих нормативных документов в области безопасности. В § 2 «Общественная и государственная безопасность» разд. IV указанного документа определено, что «одним из условий обеспечения национальной безопасности является надежная защита и охрана Государственной границы Российской Федерации», а далее, как уже отмечалось выше, упоминается об основных угрозах интересам и безопасности Российской Федерации в пограничной сфере, где среди других называется организация каналов незаконной миграции.

На основании изложенного можно прийти к выводу, что непосредственным объектом предусмотренного ст. 322 УК РФ преступления является безопасность Российской Федерации в пограничной сфере, под которой понимается состояние защищенности государственной границы от реальных и потенциальных внешних и внутренних угроз. Факультативным непосредственным объектом является миграционная безопасность государства, а в соответствии с диспозицией ч. 2 ст. 322 УК РФ, где упоминается о насилии или угрозе его применения, дополнительным объектом преступного посягательства может быть здоровье человека.

Существуют также проблемы, связанные с неясностью определения в миграционном законодательстве Российской Федерации понятия «принимающая организация», что не позволяет установить круг лиц, ответственных за контроль над соблюдением иностранными туристами законодательства Российской Федерации по въезду в Российскую Федерацию и выезду из Российской Федерации, транзитного проезда через территорию Российской Федерации и условий временного

¹ См., например: Уголовное право России. Особенная часть / под ред. И.Я. Козаченко и др. М., 1998. С. 420.

² См., например: Дьяков С.В. Государственные преступления (против основ конституционного строя и безопасности государства) и государственная преступность. М., 1999. С. 320.

³ Иванов Н.М., Овчинников В.П. Уголовная ответственность и освобождение от ответственности за незаконный переход государственной границы. М., 1968. С. 43; Уголовное право. Особенная часть / под ред. Н.Г. Кадникова М., 2007. С. 764.

⁴ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. А.В. Бриллиантова. М.: Проспект, 2010.

пребывания в Российской Федерации, а также с отсутствием определения обязательств и ответственности принимающих организаций и туроператоров по въезду иностранных граждан в Россию и не осуществляющих дальнейший контроль их нахождения на территории России и за их своевременным выездом¹. Однако в настоящее время в законодательном порядке эти вопросы не урегулированы, что, по нашему мнению, влечет за собой увеличение числа незаконных мигрантов в России, ущемление их прав и свобод в чужой стране, выдачу незаконных (поддельных либо подложных) документов, предоставляющих иностранному гражданину или лицу без гражданства право на въезд в Россию и проживание на ее территории, т.е. способствует совершению преступлений различной степени тяжести иностранными гражданами и в отношении их.

Очевидно, что указанные выше особенности преступлений, связанных с организацией незаконной миграции, свидетельствуют о необходимости разработки частной методики расследования данных преступных деяний, соответствующей требованиям действующего законодательства.

Уголовно-правовая охрана общественных отношений в сфере миграции населения и порядка получения гражданства РФ является относительно новым институтом в отечественном уголовном праве, и от правильной расстановки объектов уголовно-правовой охраны во многом зависит вектор дальнейшего развития как системы обеспечения безопасности личности, общества и государства, так и соответствующей сферы нормативно-правового регулирования.

Литература

1. Гаухман Л.Д. Классификация преступлений: закон, теория, практика. М., 2003.
2. Гусев В.А., Никитенко И.В., Худина Т.Ф. Уголовно-правовые и криминалистические аспекты противодействия преступлениям в сфере незаконной миграции: практ. пособие. Хабаровск: ДВЮИ МВД России, 2011.
3. Дурманов Н.Д. Учение об уголовном законе // Курс советского уголовного права. М., 1970. Т. 1.
4. Дьяков С.В. Государственные преступления (против основ конституционного строя и безопасности государства) и государственная преступность. М., 1999.
5. Иванов Н.М., Овчинников В.П. Уголовная ответственность и освобождение от ответственности за незаконный переход государственной границы. М., 1968.
6. Коган В.М. Логико-юридическая структура советского уголовного закона. Алма-Ата: Казахстан, 1966.
7. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. А.В. Бриллиантова. М.: Проспект, 2010.
8. Комментарий к УК РФ / под ред. В.М. Лебедева. М., 2005.
9. Комментарий к УК РФ / под ред. А.А. Чекалина. М., 2006.
10. Никитенко И.В. Биометрические технологии в обеспечении миграционной безопасности государства // Актуальные проблемы борьбы с транснациональной преступностью и терроризмом: сб. науч. тр. по мат-лам междунар. конф. (20-22 июня 2006 г. КНР). Харбин: Хэйлунцзянский институт профессиональной подготовки офицеров полиции КНР, 2006.

¹ Гусев В.А., Никитенко И.В., Худина Т.Ф. Уголовно-правовые и криминалистические аспекты противодействия преступлениям в сфере незаконной миграции: практ. пособие. Хабаровск: ДВЮИ МВД России, 2011; Худина Т.Ф. Отсутствие ответственности туроператоров как одна из причин роста организации незаконной миграции // Научное обозрение. 2007. № 5. С. 122; Ее же. Некоторые причины роста организации незаконной миграции // Российский следователь. 2008. № 1. С. 27-29; Ее же. Методика расследования преступлений, связанных с незаконным оформлением документов для въезда и проживания в России иностранных граждан и лиц без гражданства: дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2008.

11. Никитенко И.В. Миграционная безопасность государства как объект уголовно-правовой охраны // Научный портал МВД России. 2010. № 3 (9).
12. Теория государства и права: курс лекций / под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. М., 1997.
13. Уголовное право России. Общая и Особенная части / под ред. Н.Г. Кадникова. М., 2006.
14. Уголовное право России. Особенная часть / под ред. И.Я. Козаченко и др. М., 1998.
15. Уголовное право. Особенная часть / под ред. Л.Д. Гаухмана, С.В. Максимова и др. М., 2007.
16. Худина Т.Ф. Методика расследования преступлений, связанных с незаконным оформлением документов для въезда и проживания в России иностранных граждан и лиц без гражданства: дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2008.
17. Худина Т.Ф. Некоторые причины роста организации незаконной миграции // Российский следователь. 2008. № 1. С. 27-29.
18. Шелмаков А.Л. Реализация судебной перспективы по уголовным делам об организации незаконной миграции (статья 322.1 УК РФ) // Миграционное право. 2007. № 4. С. 41-44.

Проблема определения признаков организованной группы

*Фархат Марсимович Абубакиров, доцент
юридического факультета Хабаровской
государственной академии экономики и права,
кандидат юридических наук, доцент*

УДК 343.237

В статье затрагивается проблема определения признаков организованной группы, в частности устойчивости. Для раскрытия данного признака используются положения постановлений Пленума Верховного Суда РФ.

Ключевые слова: организованная группа, признак устойчивости, соучастие, соисполнительство, квалификация преступления.

Преступление признается совершенной организованной группой, если оно совершено устойчивой группой лиц, заранее объединившихся для совершения одного или нескольких преступлений. Опасность такой группы состоит в том, что такую группу труднее разоблачить, поскольку в нее часто включаются сотрудники правоохранительных и контролирующих органов, а также в том, что такие группы совершают преступления систематически и в их орбиту попадает большое число потерпевших.

Родовое понятие данной криминальной деятельности определено в ч. 3 ст. 35 УК РФ. Одной из центральных проблем является определение признаков данной категории совместной преступной деятельности. Законодатель называет качественный признак организованной группы – устойчивость и количественный – объединение двух и более лиц. По этим признакам организованная группа отличается, во-первых, от группы лиц по предварительному сговору (ч. 2 ст. 35 УК РФ); во-вторых, от преступного сообщества (преступной организации) (ч. 4 ст. 35 УК РФ). Для последней характерны следующие признаки: совершение одного или нескольких тяжких либо особо тяжких преступлений структурированной организованной группой или объединением организованных групп, действующих под единым руководством, члены которых объединены в целях совместного совершения

одного или нескольких тяжких либо особо тяжких преступлений для получения прямо или косвенно финансовой или иной материальной выгоды.

Сложность применения квалифицирующего обстоятельства «совершенные организованной группой» вызвана тем, что в уголовно-правовой норме не раскрыто содержание устойчивости. Это понятие через криминологические признаки толкуется в постановлениях пленумов Верховного Суда РФ. В целом, высшей надзорной инстанцией определены характерные черты организованной группы. Но сомнение вызывает следующее положение. В одних судебных разъяснениях нормативного характера указывается: «Под организованной группой, предусмотренной в качестве квалифицирующего признака вымогательства (ч. 5 ст. 148 УК РСФСР), следует понимать устойчивую группу из двух и более лиц, объединенных умыслом на совершение одного или нескольких преступлений. *Как правило*, такая группа тщательно готовит и планирует преступление, распределяет роли между соучастниками, оснащается технически и т.д.»¹. Почти те же признаки названы как квалифицирующие при убийстве: «*Как правило*, такая группа тщательно планирует преступление, заранее подготавливает орудия убийства, распределяет роли между участниками группы»².

В других постановлениях, например, применительно к бандитизму Пленум разъясняет: «Об устойчивости банды могут свидетельствовать, *в частности*, такие признаки, как стабильность ее состава, тесная взаимосвязь между ее членами, согласованность их действий, постоянство форм и методов преступной деятельности, длительность ее существования и количество совершенных преступлений»³. Выделяя характерные черты организованной группы, совершающей кражи, грабежи и разбои, Верховный Суд Российской Федерации разъясняет: «В отличие от группы лиц, заранее договорившихся о совместном совершении преступления, характеризуется, *в частности*, устойчивостью, наличием в ее составе организатора (руководителя) и заранее разработанного плана совместной преступной деятельности, распределением функций между членами группы при подготовке к совершению преступления и осуществлении преступного умысла»⁴.

При сравнении приведенных текстов легко обнаруживается, что они отличаются не только перечнем криминологических признаков, но и лексическими фразами: в первоначально приведенных постановлениях используется словосочетание «как правило», в последующих – «в частности». Не существенное на первый взгляд отличие имеет принципиальное значение. В первом случае перечисленные признаки имеют неопределенный характер и в различном сочетании могут свидетельствовать или, реже, не свидетельствовать о наличии организованной группы. В другом случае (например, ч. 3 п. 15 Постановления от 27 декабря 2002 г. № 29) использование вводного слова «в частности» приводит нас к выводу о том, что все названные признаки обязательны для признания группы организованной. В связи с этим не обоснованно Н. Лопашенко отмечает, что такая ситуация не

¹ Пункт 14 Постановления Пленума Верховного Суда РСФСР от 4 мая 1990 г. № 3 «О судебной практике по делам о вымогательстве» (в ред. Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25 октября 1996 г. № 10).

² Пункт 10 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» (с изм. от 6 февраля 2007 г.).

³ Пункт 4 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17 января 1997 г. № 1 «О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм».

⁴ Пункт 15 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» (с изм. от 6 февраля 2007 г.) // Российская газета. 2003. 18 января.

соответствует действительности и осложняет квалификацию преступления по данному и так редко применяемому признаку¹.

Представляется, для данной формы организованной преступной деятельности характерно сочетание в различной совокупности следующих признаков:

- объединение двух или более лиц, обладающих признаками субъекта преступления;
- устойчивость;
- наличие в группе организатора (руководителя);
- наличие заранее разработанного плана совместной преступной деятельности;
- распределение функций между членами группы при подготовке к совершению преступления и осуществлении преступного умысла.

Устойчивость означает стабильность состава организованной группы, тесную взаимосвязь между ее членами, согласованность их действий, постоянство форм и методов преступной деятельности, длительность существования группы. Возможно совершение и одного преступления, но требующего длительной и основательной подготовки.

Под руководством организованной группой понимается принятие решений, связанных как с планированием, материальным обеспечением и организацией преступной деятельности, так и с совершением конкретных преступлений. Организаторская деятельность (руководство) может выражаться в формировании целей, в разработке общих планов деятельности организованной группы, в подготовке к совершению преступления, а также в иных организационно-распорядительных действиях, направленных на достижение целей, поставленных перед группой (например, распределение ролей между ее членами, организация материально-технического обеспечения, принятие мер безопасности, конспирация, распределение средств, полученных от преступной деятельности).

В тех случаях, когда активные действия лица, направленные на создание организованной группы, в силу их своевременного пресечения правоохранительными органами либо по другим, не зависящим от этого лица обстоятельствам, не привели к результату, они должны быть квалифицированы как приготовительные действия к совершению тяжких или особо тяжких преступлений.

Учитывая, что речь идет о разновидности сложного соисполнительства, судебной практикой предусмотрен и особый порядок уголовно-правовой оценки. При признании преступления совершенной организованной группой действия всех участников, независимо от их роли в преступлении, квалифицируются как соисполнительство без ссылки на ст. 33 УК РФ².

Действия лиц, не состоявших в организованной группе, но оказавших содействие этой группе, следует квалифицировать по соответствующей части ст. 33 и статье Особенной части УК РФ.

В соответствии со следственно-судебной практикой, если лицо подстрекало другое лицо или группу лиц к созданию организованной группы для совершения конкретных преступных действий, но не принимало непосредственного участия в подборе ее участников, планировании и подготовке к совершению преступления либо в его осуществлении, то действия такого лица следует квалифицировать как соучастие в преступлении, совершенном организованной группой, со ссылкой на ч. 4 ст. 33 УК РФ.

Литература

¹ Лопашенко Н. Новое постановление Пленума Верховного Суда РФ по хищениям // Законность. 2003. № 3. С. 35.

² Пункт 15 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое».

Крайняя необходимость как обстоятельство, исключающее преступность деяния в медицинской деятельности

*Светлана Владимировна Замалева, адъюнкт
Дальневосточного юридического института МВД России*

УДК 343.233

В настоящей статье анализируется крайняя необходимость как обстоятельство, исключающее преступность деяния в медицинской деятельности. Автор приходит к выводу о том, что по действующему законодательству спасение жизни одного человека за счет жизни другого расценивается как превышение пределов крайней необходимости. Медицинский работник, умышленно допустивший такое превышение, подлежит уголовной ответственности. Вопрос о допустимости причинения смерти или тяжкого вреда здоровью человека ради спасения нескольких человек в настоящее время так и не нашел однозначного ответа ни в медицине, ни в праве.

Ключевые слова: крайняя необходимость, медицинская деятельность, профессиональные обязанности, вред жизни и здоровью пациента.

Правомерность медицинской деятельности в целом не вызывает каких-либо сомнений. Однако любое медицинское вмешательство, будучи направленным на охрану жизни или здоровья пациента, так или иначе, связано с риском для последнего. Наиболее это выражено в хирургии, а также в процессе внедрения в медицинскую практику новых методов диагностики и лечения. Вопрос о правомерности и обоснованности подобных действий, как правило, возникает при неблагоприятном исходе оказания медицинской помощи, что часто требует надлежащей правовой оценки действий медицинского персонала¹.

Таким образом, в процессе осуществления медицинской деятельности приобретают особое значение два обстоятельства, исключающие преступность деяния: обоснованный риск и крайняя необходимость.

Проанализируем специфику крайней необходимости как обстоятельства, исключающего преступность деяния в медицинской деятельности.

В соответствии со ст. 39 УК РФ не является преступлением причинение вреда охраняемым уголовным законом интересам в состоянии крайней необходимости, то есть для устранения опасности, непосредственно угрожающей личности и правам данного лица или иных лиц, охраняемым законом интересам общества или государства, если эта опасность не могла быть устранена иными средствами и при этом не было допущено превышения пределов крайней необходимости. Превышением пределов крайней необходимости признается причинение вреда, явно не соответствующего характеру и степени угрожавшей опасности и обстоятельствам, при которых опасность устранялась, когда указанным интересам был причинен вред равный или более значительный, чем предотвращенный. Такое превышение

¹ Сергеев Ю.Д., Ерофеев С.В. Неблагоприятный исход оказания медицинской помощи. М.: Иваново, 2001.

влечет за собой уголовную ответственность только в случаях умышленного причинения вреда.

К источникам опасности при крайней необходимости в медицинской деятельности могут быть отнесены:

1) действия сил природы, различных стихий, происходящих в природе (например, землетрясение, наводнение, ураганы, горные лавины, снегопады и т.д., которые создают опасность для жизни и здоровья людей и требуют медицинской помощи для спасения большого количества людей);

2) физиологические, патологические процессы (например, производство аборта по медицинским показаниям, ампутация ноги при гангрене и т.д.);

3) коллизия двух правовых обязанностей: например, нередко медицинский работник поставлен перед выбором: кому в первую очередь оказать медицинскую помощь при дефиците медицинской техники, лекарственных средств, квалифицированного персонала. Либо ставший уже хрестоматийным пример, когда врач, не имея возможности посетить одновременно двух или более пациентов, направляется к тому из них, чье состояние представляется наиболее тяжелым. Факт неоказания медицинской помощи второму пациенту признается актом крайней необходимости. Данная ситуация расценивается по следующему правилу: врач вынужденно причиняет вред, но меньший в целях предотвращения большего. Похожая ситуация возникает, когда в процессе проведения хирургической операции по поводу одного заболевания врач прибегает к лечению другой патологии, обнаруженной лишь во время операции, в отсутствие согласия больного. Если фактическое состояние здоровья больного дает врачу основание предполагать необходимость немедленного вмешательства в процесс развития вновь выявленной патологии в целях предотвращения большего вреда пациенту, такое поведение будет являться актом крайней необходимости¹.

Говоря об опасности как условии причинения вреда в ситуации крайней необходимости в процессе осуществления медицинской деятельности, отметим, что опасность должна быть, во-первых, обусловлена критическим состоянием здоровья пациента. Другими словами, налицо должна быть реальная (действительная) опасность, угрожающая в данный момент и в данном месте охраняемым законом интересам пациента. Ситуация должна быть таковой, что промедление со стороны медицинского работника ставит под угрозу жизнь или здоровье пациента. Соответственно, оказание медицинской помощи в сложившихся условиях имеет неотложный характер. Согласимся с Н.А. Огнерубовым в том, что нельзя отождествлять любую необходимость, связанную с оказанием медицинской помощи, и экстренные ситуации, связанные с ее неотложным характером, которые могут быть обозначены именно как крайняя необходимость и которые характеризуются неординарностью, конфликтностью различных интересов, возможностью разрешения только путем причинения вреда здоровью пациента. Например, при обращении пациента за медицинской помощью к косметологу или пластическому хирургу достаточно сложно говорить о ситуации крайней необходимости, поскольку изначально отсутствует опасность для жизни и здоровья человека².

При этом в профессиональной деятельности медицинских работников встречаются ситуации, когда состояние опасности может длиться довольно продолжительное время, что может быть обусловлено характером заболевания и его клиническим течением. На протяжении всего времени существования опасности

¹ Савич Н.А., Коломийцев А.Ю. Ошибка или преступление: грань правомерности // Сибирский медицинский журнал. 2007. № 2. С. 69.

² Огнерубов Н.А. Проблемы квалификации преступлений в сфере профессиональной деятельности в контексте детерминации обстоятельств, исключаяющих преступность // Социально-экономические явления и процессы. 2011. № 3-4. С. 387.

медицинский работник должен считаться находящимся в состоянии крайней необходимости¹.

Во-вторых, опасность должна быть неустранимой другими средствами и способами. Например, когда у человека перитонит, то нет другого способа его спасти, как сделать хирургическую операцию. Такая же ситуация возникает и при инвазивных медицинских вмешательствах, особенно хирургических операциях, когда фактически неизбежно имеет место нарушение анатомической целостности органов, тканей или их физиологических функций, т.е. причинение телесных повреждений. Однако такое вмешательство, выполненное технически правильно (в соответствии с предусмотренной оперативной технологией) и по неотложным показаниям для предотвращения реальной угрозы жизни больного, не только не является противоправным, но признается общественно полезным и целесообразным. Аналогичная ситуация встречается и при консервативном лечении некоторыми лекарственными средствами, например, в ходе химиотерапии при онкологических заболеваниях, когда неизбежны неблагоприятные побочные эффекты. Будучи направленным на предотвращение наличной и действительной угрозы охраняемому законом праву на жизнь, такое вмешательство, причиняя фактически меньший вред здоровью больного, полностью соответствует условиям правомерности крайней необходимости и исключает преступность деяния².

Кроме того, вред, причиненный в состоянии крайней необходимости, должен быть меньшим, чем предотвращенный. В противном случае ситуация с правовой точки зрения расценивается как превышение пределов крайней необходимости.

Данное условие правомерного причинения вреда в состоянии крайней необходимости породило споры в научной литературе.

Так, по мнению Ф.Ю. Бердичевского, перитонит, вызванный воспалением червеобразного отростка слепой кишки (аппендицитом), полностью оправдывает действия хирурга, берущегося оперировать больного с гемофилией (заболеванием, сопровождающимся нарушением свертываемости крови). В этом случае смерть может наступить в результате кровотечения из операционной раны, т.е. от действий хирурга, а не от заболевания. При этом Ф.Ю. Бердичевский отмечает, что по существу здесь имеет место состояние крайней необходимости, одним из условий которого является учет степени вероятности наступления опасности, предотвращаемой действиями субъекта, и опасности, связанной с самими этими действиями³.

И.В. Ившин же полагает, что приведенный случай не укладывается в условия крайней необходимости, т.к. врач спасал жизнь больного, но фактически в результате его действий наступила смерть. И хотя в случае непроведения операции смерть была бы абсолютно неизбежна, пределы крайней необходимости здесь превышены, поскольку причиненный вред фактически равен предотвращенному⁴. Соглашаясь с данной позицией, некоторые ученые отмечают, что если при наличии нескольких вариантов отражения опасности, грозящей больному, врач выбрал вариант, причиняющий, по его мнению, наименьший вред, с юридической точки зрения само по себе это не означает состояния крайней необходимости, поскольку

¹ Кибальник А.Г., Старостина Я.В. Актуальные проблемы уголовной ответственности медицинских работников. М., 2006. С. 29.

² Огнерубов Н.А. Указ. соч. С. 387.

³ Бердичевский Ф.Ю. Уголовная ответственность медицинского персонала за нарушение профессиональных обязанностей. М., 1970. С. 73.

⁴ Ившин И.В. Обстоятельства, исключющие преступность деяния в сфере профессиональной медицинской деятельности // Медицинское право. 2006. № 1. С. 34.

уголовный закон говорит не о наименьшем вреде при отражении опасности, а о менее значительном по сравнению с предупрежденным¹.

Полагаем, что ситуацию, приведенную Ф.Ю. Бердичевским, необходимо рассматривать через институт обоснованного риска (ст. 41 УК РФ), поскольку спасти жизнь человека (общественно полезная цель) в данном случае без экстренного хирургического вмешательства было невозможно (т.е. цель не могла быть достигнута не связанными с риском действиями (бездействием), в частности, путем применения нехирургических средств). Кроме того, несмотря на рискованные действия врача, как правильно отмечает Ф.Ю. Бердичевский, смерть пациента в данном случае является вероятной, но не необходимой, тогда как в случае отказа от операции смерть – необходимое последствие.

Анализируя крайнюю необходимость в медицинской деятельности, следует остановиться и на вопросе о допустимости причинения вреда жизни и здоровью человека ради спасения другого человека (людей).

В доктрине уголовного права по данному вопросу нет единства мнений.

Так, в свое время Н.С. Таганцев отмечал, что в случае невозможности разрешения естественным путем, когда встает вопрос о спасении матери и ребенка, ситуация может быть решена путем спасения жизни первой за счет жизни второго, и это, по его мнению, «вполне подходит под состояние крайней необходимости»².

Однако большинство ученых советского периода не поддерживали такой подход и считали, что спасение жизни за счет другого не охватывается актом крайней необходимости и является грубым нарушением норм морали и права.

С медицинской точки зрения, сам вопрос о допустимости принесения в жертву жизни одного человека для спасения жизней многих других пациентов является некорректным. Теория деонтологии (врачебной этики) дает однозначный ответ на заданный вопрос: спасение жизни одного пациента за счет другого недопустимо, ибо противоречит основополагающему профессиональному принципу «не навреди»³.

Наиболее остро данный вопрос встал в период развития донорства и трансплантологии в медицине.

Изъятие органов и тканей для последующей трансплантации у живого донора может осуществляться двумя способами: принудительно и добровольно.

В соответствии с Законом РФ от 22 декабря 1992 г. № 4180-1 «О трансплантации органов и (или) тканей человека»⁴ трансплантация (пересадка) органов и (или) тканей человека является средством спасения жизни и восстановления здоровья граждан, а собственно сама эта процедура может быть применена только в случае, если другие медицинские средства не могут гарантировать сохранения жизни больного (реципиента) либо восстановления его здоровья. Трансплантация органов и (или) тканей допускается исключительно с согласия живого донора и при условии, если она не нанесет значительный вред его здоровью (ст. 1)⁵.

Принуждение к изъятию органов и (или) тканей для трансплантации признается уголовно наказуемым деянием и квалифицируется по ст. 120 УК РФ. Только сам человек имеет право распоряжаться своим телом и связанными с ним правами

¹ Глушков В.А. Ответственность за преступления в области здравоохранения. Киев: Высшая школа, 1987; Огнерубов Н.А. Указ. соч. С. 387-388.

² Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Т. 1. Тула, 2001. С. 442, 444, 445.

³ Глашев А.А. Медицинское право. М., 2004. С. 39-42.

⁴ Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. 1993. № 2. Ст. 62.

⁵ Кибальник А.Г., Старостина Я.В. Актуальные проблемы уголовной ответственности медицинских работников. М., 2006. С. 35.

и свободами. Это прямо следует из соответствующих конституционных положений о естественных правах и свободах человека. В специальной литературе также говорится о «презумпции согласия» донора на изъятие его органов и тканей¹.

Однако некоторые ученые полагают, что принудительное изъятие органов или тканей человека во имя спасения жизни другого человека (людей) может быть оправдано.

Так, по мнению А.Н. Красикова, при соблюдении всех условий правомерности крайней необходимости, «насильственные действия, направленные на принуждение человека к тому, чтобы он поступился своими правами и свободами, не могут образовывать состав принуждения к изъятию органов и (или) тканей»².

Данное предложение получило суровую (и вполне справедливую) критику в литературе, поскольку в Конституции РФ сказано, что именно человек, его права и свободы объявлены высшей ценностью, следовательно, основание ставить вопрос о возможности принудительного изъятия органов и тканей у одного человека для спасения (посредством трансплантации) жизни одного или многих людей отсутствует.

Институт крайней необходимости в области трансплантологии имеет свою специфику, поэтому верно высказывание ученых о том, что данный институт должен действовать с оговорками³.

Я. Дргонец и П. Холендер полагают, что «... никому непозволительно производить взятие крови, тканей или органа, хотя бы такое вмешательство и было единственным средством для спасения жизни или здоровья другого человека»⁴.

С.С. Тихонова считает необходимым дополнить ст. 39 УК РФ следующим примечанием: «Причинение вреда жизни и здоровью человека в состоянии крайней необходимости, совершенное в целях изъятия органов или тканей потерпевшего, не исключает преступность деяния»⁵.

М.Д. Шаргородский еще в 1969 г. в своей работе «Научный прогресс и уголовное право», отрицая допустимость спасения жизни одного человека за счет жизни другого, писал: «... разобравши донора на части, можно спасти жизнь не одному, а нескольким лицам, а с точки зрения существующего решения вопроса о крайней необходимости, это следует признать правомерным, так как ценой жизни одного лица спасается жизнь нескольких человек. Вряд ли следует доказывать, что такое решение неприемлемо»⁶.

Иное мнение было высказано в современной уголовно-правовой доктрине. Например, Ю.М. Ткачевский полагает, что в исключительных случаях лишение жизни человека может быть признано актом крайней необходимости, если только таким путем можно предотвратить смерть нескольких людей⁷.

Однако и сегодня актуальны слова М.Д. Шаргородского о том, что «недопустимо спасение жизни одного человека за счет жизни другого», а «трансплан-

¹ См., например: Красновский Г.Н. Биоэтические и уголовно-правовые проблемы в Законе РФ «О трансплантации органов и (или) тканей» // Государство и право. 1993. № 12. С. 70.

² Красиков А.Н. Уголовно-правовая охрана прав и свобод человека в России. Саратов, 1996. С. 92.

³ Павлова Н.В. Уголовно-правовое регулирование медицинской деятельности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 168.

⁴ Дргонец Я., Холендер П. Современная медицина и право. М., 1990. С. 110-111.

⁵ Тихонова С.С. Прижизненное и посмертное донорство в Российской Федерации: вопросы уголовно-правового регулирования. СПб., 2002. С. 114.

⁶ Шаргородский М.Д. Избранные работы по уголовному праву. СПб., 2003. С. 397.

⁷ Курс уголовного права. Общая часть. Т. 1. Учение о преступлении / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. М., 2002. С. 484-485.

тация тканей и органов как живых людей, так и трупов допустима только с согласия, данного при жизни, или с согласия родственников умершего после его смерти»¹.

Анализ действия института крайней необходимости в медицинской деятельности позволяет сделать следующие выводы: во-первых, в случае причинения вреда пациенту при соблюдении всех условий правомерности крайней необходимости в процессе выполнения медицинским работником своих профессиональных обязанностей, уголовная ответственность на основании ст. 39 УК РФ исключается; во-вторых, по действующему законодательству спасение жизни одного человека за счет жизни другого расценивается как превышение пределов крайней необходимости. Медицинский работник, умышленно допустивший такое превышение, подлежит уголовной ответственности. Вопрос о допустимости причинения смерти или тяжкого вреда здоровью человека ради спасения нескольких человек в настоящее время так и не нашел однозначного ответа ни в медицине, ни в праве.

Литература

1. Бердичевский Ф.Ю. Уголовная ответственность медицинского персонала за нарушение профессиональных обязанностей. М., 1970.
2. Глашев А.А. Медицинское право. М., 2004.
3. Глушков В.А. Ответственность за преступления в области здравоохранения. Киев: Высшая школа, 1987.
4. Дргонец Я., Холендер П. Современная медицина и право. М., 1990.
5. Ившин И.В. Обстоятельства, исключающие преступность деяния в сфере профессиональной медицинской деятельности // Медицинское право. 2006. № 1. С. 34.
6. Кибальник А.Г., Старостина Я.В. Актуальные проблемы уголовной ответственности медицинских работников. М., 2006.
7. Красиков А.Н. Уголовно-правовая охрана прав и свобод человека в России. Саратов, 1996.
8. Красновский Г.Н. Биоэтические и уголовно-правовые проблемы в Законе РФ «О трансплантации органов и (или) тканей» // Государство и право. 1993. № 12. С. 70.
9. Курс уголовного права. Общая часть. Т. 1. Учение о преступлении / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. М., 2002.
10. Огнерубов Н.А. Проблемы квалификации преступлений в сфере профессиональной деятельности в контексте детерминации обстоятельств, исключающих преступность // Социально-экономические явления и процессы. 2011. № 3-4. С. 387.
11. Павлова Н.В. Уголовно-правовое регулирование медицинской деятельности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006.
12. Савич Н.А., Коломийцев А.Ю. Ошибка или преступление: грань правомерности // Сибирский медицинский журнал. 2007. № 2. С. 69.
13. Сергеев Ю.Д., Ерофеев С.В. Неблагоприятный исход оказания медицинской помощи. М.: Иваново, 2001.
14. Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Т. 1. Тула, 2001.
15. Тихонова С.С. Прижизненное и посмертное донорство в Российской Федерации: вопросы уголовно-правового регулирования. СПб., 2002.
16. Шаргородский М.Д. Избранные работы по уголовному праву. СПб., 2003.

¹ Шаргородский М.Д. Прогресс медицины и уголовное право // Избранные работы по уголовному праву. С. 412.

Криминалистика и оперативно-разыскная деятельность

Следственные ситуации первоначального этапа расследования убийств, совершенных организованными преступными группами, скрытых инсценировками, и пути их решения

Максим Евгеньевич Степанов, адъюнкт

Дальневосточного юридического института МВД России

УДК 343.985.7

В статье рассматриваются следственные ситуации, характерные для первоначального этапа расследования убийств, совершенных организованными преступными группами, скрытых инсценировками, и алгоритмы действий по их решению.

Ключевые слова: следственная ситуация, убийство, организованная преступная группа, инсценировка, алгоритм действий, оперативно-тактическая комбинация.

Убийства, совершенные организованными преступными группами¹, по праву считаются одним из самых опасных проявлений преступной деятельности. Анализ материалов судебно-следственной практики показывает, что в современных условиях члены ОПГ нередко прибегают к инсценировкам как наиболее изощренному и одновременно надежному способу сокрытия убийств.

Суммируя представленные в научной литературе позиции относительно понятия инсценировки и адаптируя их к нашей теме, можно предложить следующее определение. Инсценировка как способ сокрытия убийства – это умышленная деятельность членов ОПГ, направленная на видоизменение материальной и идеальной картины совершаемого убийства в целях создания видимости иного события. Сущностью инсценировки является фальсификация истинной картины убийства. Для этого участниками преступной группировки создается ложная материальная обстановка, которая, по их мнению, должна свидетельствовать об ином характере произошедшего события. Основные виды инсценировок, реализуемых членами ОПГ, выражаются в придании убийству видимости самоубийства, несчастного случая, тяжелого заболевания и т.д. Так, в г. Санкт-Петербурге была обезврежена ОПГ «черных риэлторов». Согласно материалам следствия, в группировку входил дипломированный врач, добавлявший в спиртные напитки, которые употребляли жертвы, сильнодействующие лекарственные препараты. Смерть потерпевших наступала от остановки сердца в течение получаса после приема жидкости. При этом медицинский диагноз смерти соответствовал ишемической бо-

¹ Далее – ОПГ.

лезни сердца и не вызывал подозрений. Лиц, не желавших употреблять спиртное, преступники, используя численное превосходство, привязывали к кровати, ножом разжимали зубы и вливали жидкость в рот¹.

Сложность выявления убийств, скрытых инсценировками, обусловлена тем, что, избирая такой способ сокрытия, члены ОПГ проводят предварительную подготовку по созданию благоприятных условий для совершения убийства и последующей инсценировки. Во многом этому способствуют организованность преступной группировки, четкое распределение ролей, криминальный опыт, наличие необходимых сил и средств, знание некоторых особенностей профессиональной деятельности сотрудников правоохранительных органов. Как справедливо отмечено в специальной литературе, раскрытие и расследование наиболее опасных проявлений организованной преступности осложнено, прежде всего, сильным организованным единством преступников, подкрепленным, как правило, их высокой профессиональной подготовленностью, наличием коррумпированных связей. Организованная преступность имеет в своих рядах лиц, осведомленных о возможностях оперативно-разыскной деятельности, в том числе и бывших сотрудников правоохранительных органов². Отсутствие современных методик выявления и раскрытия убийств, скрытых подобным образом, лишь усугубляет положение. В связи с этим назрела необходимость углубленного научного анализа обозначенной проблемы, следствием которого должно стать создание и апробация практикой соответствующих методик расследования.

По нашему мнению, ключевую роль в борьбе с рассматриваемой группой преступлений играют следственные ситуации первоначального этапа расследования и пути их решения. Не случайно проблематика следственных ситуаций и разработка на их основе механизмов раскрытия и расследования преступлений, а также рекомендаций по производству следственных действий и оперативно-разыскных мероприятий нашла свое отражение в значительном числе работ ученых-криминалистов.

В частности, анализируя теоретико-методологические аспекты функционирования категории «криминалистическая ситуация», Д.В. Ким отмечает, что первые выраженные признаки ситуационного подхода можно обнаружить в работах конца 60-х – середины 80-х гг. прошлого века (А.Н. Васильев, А.Н. Колесниченко, 1967; В.К. Гавло, 1968; Р.С. Белкин, В.Е. Корноухов, 1972; И.Ф. Герасимов, Л.Я. Драпкин, 1975; В.И. Шиканов, 1976; Н.А. Селиванов, 1977; В.А. Образцов, В.Г. Танасевич, 1979; А.Ф. Облаков, 1985 и др.). В результате развития этих исходных идей возникли понятия «оперативно-розыскная ситуация», «следственная ситуация», «судебная ситуация», «криминалистическая ситуация»³.

Желание ученых всесторонне охарактеризовать понятие следственной ситуации, ее природу и разновидности привело к появлению в криминалистической литературе широкого диапазона определений. Не вдаваясь в анализ многочисленных точек зрения и содержания дефиниций, остановимся на позиции А.М. Кустова. По мнению ученого, следственная ситуация – это система условий и обстоятельств, характеризующих состояние расследования уголовного дела на определенный его момент, обстановку, в которой следователю надлежит действовать в соответствии со своим должностным положением. Конкретная следственная си-

¹ URL: <http://www.businesspress.ru/newspaper/> (дата обращения: 15.09.2012).

² Голубев В.В. Некоторые аспекты использования результатов оперативно-розыскной работы на начальном этапе расследования деяний, совершенных членами преступных сообществ // Проблемы предварительного следствия и дознания. М.: ВНИИ МВД России, 1998. С. 24.

³ Ким Д.В. Теоретические и прикладные аспекты криминалистических ситуаций: монография / под ред. проф. В.К. Гавло. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2008. С. 3.

туация характеризуется совокупностью условий объективного и субъективного характера, а также фактических данных, имеющих значение для установления механизма расследуемого преступления и других обстоятельств произошедшего криминального события и определения порядка дальнейшего расследования¹.

Исследования, проведенные Н.Е. Мерецким, показали, что независимо от вида преступного деяния, предусмотренного уголовным законодательством, для начального этапа расследования, как правило, характерны три группы типичных следственных ситуаций. От их содержания зависит программа действий должностных лиц правоохранительных органов, ориентированная на обоснованное принятие процессуальных решений, правильный выбор оптимального направления расследования.

В ситуациях первой группы имеются сведения, содержание которых недостаточно для принятия процессуального решения о возбуждении уголовного дела.

Следственные ситуации второй группы составляют сведения, в которых достоверно установлен характер противоправного деяния, установлено и задержано лицо (лица), совершившее преступление.

В третью группу входят следственные ситуации, в которых есть информация о преступлении, имеется круг лиц, среди которых находится субъект (несколько заподозренных), совершивший преступление².

Следует отметить, что анализ практики полностью подтверждает данное наблюдение, дает основание согласиться с предложенной Н.Е. Мерецким системой и взять ее за основу.

Таким образом, мы можем выделить следующие типичные следственные ситуации первоначального этапа расследования убийств, совершенных ОПГ, скрытых инсценировками.

Следственная ситуация первой группы. Обнаружен труп потерпевшего, однако внешние признаки, свидетельствующие о криминальном характере наступления смерти, на первый взгляд отсутствуют. Указанная ситуация представляет наибольшую сложность и характеризуется высокой степенью информационного вакуума.

Следственная ситуация второй группы. Обнаружен труп потерпевшего, имеются сведения о том, что убийство замаскировано инсценировкой иного события, имеется группа лиц (лицо), входящих в ОПГ, задержанных и подозреваемых в совершении преступления.

Следственная ситуация третьей группы. Указанная ситуация характеризуется тем, что в распоряжении правоохранительных органов имеется информация о том, что членами ОПГ совершено убийство, способом сокрытия которого избрана инсценировка, а также имеется вероятный круг лиц из числа участников ОПГ, совершивших данное преступление. Анализ следственной практики показывает, что, как правило, подобная информация носит оперативный характер и нуждается в последующей проверке. Можно видеть, что в чем-то ситуации третьей группы перекликаются со следственными ситуациями первой категории. Однако при этом они характеризуются меньшей степенью информационной неопределенности.

Говоря об алгоритмизации действий, направленных на выявление и расследование убийств, совершенных ОПГ, скрытых инсценировками, следует подчеркнуть, что во многом она зависит от специфики той или иной группы следственных ситуаций. Вместе с тем существует общий, стержневой порядок действий, не зависящий от особенностей следственной ситуации. Данный алгоритм доста-

¹ Кустов А.М. Криминалистическое учение о механизме преступления: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1997. С. 114.

² Мерецкий Н.Е. Применение оперативно-тактических комбинаций в раскрытии и расследовании преступлений: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2001. С. 125-126.

точно полно изложен в криминалистической литературе. В частности, А.И. Сотов указывает, что на первоначальном этапе расследования убийств следователь должен:

1) определить, что имело место: а) убийство; б) самоубийство; в) несчастный случай; г) естественная смерть;

2) при наличии обстоятельств, указывающих на противоправное причинение смерти, установить лицо (лиц), причастное к этому деянию, и задержать такое лицо (лиц);

3) собрать как можно больше данных, уличающих виновного, и процессуально закрепить их¹.

Каковы же особенности тактики действий в определенной следственной ситуации? Как уже отмечалось, наибольшую сложность представляют следственные ситуации первой группы. Выявление убийств, совершенных ОПГ, скрытых инсценировками, на этом этапе предполагает, прежде всего, выяснение того, имело ли место событие преступления. Как считает Н.Е. Мерецкий, данный элемент предмета доказывания составляет главный факт. Круг доказательств, устанавливающих событие преступления, сравнительно широк, и далеко не вся имеющаяся информация может одновременно свидетельствовать о событии преступления и о совершении его конкретным субъектом. Необходимая для этого совокупность доказательств должна быть получена путем всестороннего, полного и объективного расследования определенных обстоятельств преступления, таких, как: установление факта противоправного лишения жизни другого человека, причины наступления смерти, а также наличия причинной связи между действиями определенного лица и наступившими последствиями². Безусловно, что для этого следует провести неотложные следственные и иные процессуальные действия. К таким действиям, прежде всего, относятся максимально тщательный осмотр места происшествия, судебно-медицинское исследование трупа, опросы очевидцев произошедшего.

В рамках следственной ситуации второй группы основные усилия сотрудников правоохранительных органов должны быть направлены на скорейшее обнаружение и процессуальное закрепление доказательственной базы вины задержанных участников ОПГ. Поставленная задача решается посредством проведения серий взаимосвязанных следственных действий. Такими комбинациями могут выступать сочетание допросов, очных ставок, обысков, проверок показаний на месте и следственных экспериментов.

Поскольку следственные ситуации третьей группы предусматривают наличие определенной информации о совершенном преступлении, то алгоритм действий сотрудников правоохранительных органов в данном случае будет заключаться в принятии неотложных мер по проверке сведений и их дальнейшей реализации в рамках возбужденного уголовного дела. На первый план здесь выходит проведение оперативно-разыскных мероприятий в сочетании с безупречно налаженным взаимодействием со следствием. Процесс взаимодействия предусматривает незамедлительное возбуждение уголовного дела, с последующей перспективой проведения следственных действий, направленных на закрепление доказательственной базы вины участников ОПГ.

В рамках расследования убийств, совершенных членами ОПГ, скрытых инсценировками, следователь также должен ответить на вопрос: на основании чего

¹ Сотов А.И. Методические основы расследования убийств, совершенных организованной группой // Вестник Московского университета. Сер.11. Право. 1998. № 5. С. 110.

² Мерецкий Н.Е. Обстоятельства, подлежащие доказыванию по преступлениям, совершаемым членами экстремистского сообщества // Право и правопорядок: современные тенденции развития, проблемы обеспечения и охраны: сб. науч. тр. Вып 1. Хабаровск: ДВГУПС, 2012. С. 20.

мы можем выдвинуть версию о причастности к убийству именно организованной преступной группировки? Анализ ряда специальных публикаций и диссертационных исследований¹ позволяет выделить комплекс характерных признаков, свидетельствующих о причастности к убийству членов ОПГ, в частности:

- обнаружение на месте происшествия материальных следов, указывающих на преступную деятельность группы лиц;
- обстоятельства, указывающие на предварительную подготовку убийства, признаки «продуманности» способа и всего механизма преступления; четкое распределение ролей отдельных лиц в этом механизме;
- наличие сведений о причастности жертвы к организованной преступной деятельности или ее контактах с представителями ОПГ;
- наличие оперативно-разыскных данных, свидетельствующих о причастности к убийству преступной группировки, находящейся в оперативной разработке правоохранительных органов;
- характерное внешнее поведение подозреваемых лиц, свидетельствующее об их причастности к ОПГ (вызывающая манера вести себя, исповедование криминальных норм нравственности, запирательство, конфронтация со следователем, круговая порука задержанных и т.д.);
- нежелание свидетелей давать показания по делу, их запуганное поведение, неосведомленность даже по явным фактам, хорошо известным следствию;
- иные признаки организованного противодействия расследованию.

Кроме того, по нашему мнению, представляется эффективным сравнение обнаруженных материальных следов со следами, имеющимися по другим уголовным делам, где уже установлена причастность ОПГ. Такими следами, например, могут быть следы пальцев рук, ДНК-объекты и т.д., оставленные членами группировки при совершении не только убийств, но и других преступлений. Неоценимую помощь следствию в данном случае могут оказать криминалистические учеты.

Изучение проблем организованной преступности все больше и больше приводит нас к выводу о том, что выявление эпизодов ее деятельности в современных условиях только лишь посредством применения уголовно-процессуальных средств не всегда продуктивно. Придерживаясь этой аксиомы, согласимся с Н.П. Яблоковым в том, что «процесс раскрытия преступной деятельности организованных преступных групп и сообществ чаще всего начинается с оперативно-розыскной негласной деятельности, в ходе которой выявляется существование той или иной преступной организации и собираются данные о ее криминальной деятельности»². Как отмечалось выше, деятельность по выявлению убийств, совершенных членами ОПГ, скрытых инсценировками, протекает в условиях информационной неопределенности и активного противодействия расследованию. В данном случае особую актуальность приобретает тактика сочетания следственных действий и оперативных мероприятий. Для реализации обозначенной проблемы представляется целесообразным применение проверочных оперативно-тактических комбинаций.

¹ Бессонов А.А. Расследование убийств, совершенных организованными группами: монография. М., 2006; Белокобыльская О.И. Особенности расследования убийств, совершенных организованными группами: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2005; Быков В.М. Преступная группа: криминалистические проблемы. Ташкент: Узбекистан, 1991; Лавров В.П. Противодействие расследованию преступлений и меры по его преодолению: курс лекций. М.: Академия управления МВД России, 2011; Сотов А. И. Расследование убийств, совершенных организованной преступной группой: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1998.

² Яблоков Н.П. Расследование организованной преступной деятельности. М.: Юристъ, 2002. С. 108.

По мнению Н.Е. Мерецкого, такие комбинации носят осведомительный характер и проводятся в начальный период расследования, когда еще не совсем ясно, совершено правонарушение или преступление. В результате их реализации появляется информация о следах (идеальных или материальных), оставленных на месте, о предполагаемом лице, совершившем данное деяние и т.п. В зависимости от источника и содержания сведений обозначенные комбинации могут состоять из комплекса одновременно проводимых оперативно-разыскных мероприятий в сочетании с осмотром места происшествия и получением регистрационной информации¹.

Думается, что основу предлагаемых комбинаций могут и должны составлять аналитические сведения относительно ОПГ, уже имеющиеся в распоряжении правоохранительных органов. Таким образом, результаты проведения комбинации будут выступать основанием для принятия процессуального решения о возбуждении уголовного дела. После выявления факта замаскированного убийства, проверочные оперативно-тактические комбинации могут трансформироваться в комбинации, направленные на установление непосредственных членов группировки, причастных к его совершению, и иных обстоятельств, подлежащих доказыванию. Эффективность данного подхода применительно к исследуемой проблеме, по нашему мнению, определяется тем, что позволяет максимально использовать потенциал сил и средств, стоящих на вооружении правоохранительных органов.

В заключение отметим, что проблема расследования убийств, совершенных ОПГ, скрытых инсценировками, в силу ее недостаточной методологической разработанности требует углубленного научного обоснования и развития. Поэтому на сегодняшний день решение вопросов, связанных с разработкой научно обоснованной методики расследования обозначенной группы преступлений, требует к себе особого внимания.

Литература

1. Бессонов А.А. Расследование убийств, совершенных организованными группами: монография. М., 2006.
2. Белокобыльская О.И. Особенности расследования убийств, совершенных организованными группами: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2005.
3. Быков В.М. Преступная группа: криминалистические проблемы. Ташкент: Узбекистан, 1991.
4. Голубев В.В. Некоторые аспекты использования результатов оперативно-разыскной работы на начальном этапе расследования деяний, совершенных членами преступных сообществ // Проблемы предварительного следствия и дознания. М.: ВНИИ МВД России, 1998.
5. Ким Д.В. Теоретические и прикладные аспекты криминалистических ситуаций: монография / под ред. проф. В.К. Гавло. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2008.
6. Кустов А.М. Криминалистическое учение о механизме преступления: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1997.
7. Лавров В.П. Противодействие расследованию преступлений и меры по его преодолению: курс лекций. М.: Академия управления МВД России, 2011.
8. Мерецкий Н.Е. Применение оперативно-тактических комбинаций в раскрытии и расследовании преступлений: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2001.
9. Мерецкий Н.Е. Обстоятельства, подлежащие доказыванию по преступлениям, совершаемым членами экстремистского сообщества // Право и правопорядок: современные тенденции развития, проблемы обеспечения и охраны: сб. науч. тр. Вып 1. Хабаровск: ДВГУПС, 2012.

¹ Мерецкий Н.Е. Применение оперативно-тактических комбинаций в раскрытии и расследовании преступлений: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2001. С. 145-146.

10. Сотов А.И. Методические основы расследования убийств, совершенных организованной группой // Вестник Московского университета. Сер.11. Право. 1998. № 5.
11. Сотов А. И. Расследование убийств, совершенных организованной преступной группой: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1998.
12. Яблоков Н.П. Расследование организованной преступной деятельности. М.: Юристъ, 2002.

Электронная подпись: понятие и особенности криминалистического исследования

*Павел Александрович Жердев, преподаватель;
Сергей Викторович Тайнов, адъюнкт
(Дальневосточный юридический институт МВД России)*

УДК 343.982.4

В статье обозначены некоторые особенности криминалистического исследования электронной подписи в системе движения документов, а также приводятся современные возможности компьютерного диагностирования при определении подлинности ключей электронной подписи.

Ключевые слова: криптоанализ, электронная подпись, защита информации.

В настоящее время существует много способов, с помощью которых можно установить подлинность электронного документа и идентифицировать его автора. В рамках криминалистики наиболее перспективными из них являются исследование статичной электронной цифровой подписи (далее – ЭЦП) и исследование динамичной ЭЦП. В отличие от электронно-цифрового ключа, ЭЦП позволяет не только защитить электронный документ от подделки, но и установить лицо, его создавшее.

Анализ нормативно-справочной и специальной литературы показывает, что статичная ЭЦП активно используется для удостоверения и защиты документированной компьютерной информации уже более 20 лет. Технология ЭЦП была разработана для нужд Министерства обороны и органов государственной безопасности.

Появившиеся в последние годы системы криптографической защиты от подделки обычных документов или ценных бумаг хотя и являются надежными способами пресечения ряда преступных посягательств, однако глобальная компьютеризация, возрастающая мощь ЭВМ и современные компьютерные программы содействуют противоправным посягательствам с использованием фальсифицированной ЭЦП.

Деятельность по выявлению преступлений в обозначенной сфере связана со значительными трудностями: отличием данного вида высокотехнологичных противоправных посягательств от «традиционных», сложностью и трудоемкостью решения поставленных задач. В связи с этим требуется применение совокупности мер оперативно-тактического характера, разработка нормативно-правовой базы, регулирующей электронный документооборот в уголовно-процессуальном законодательстве, а также умение сотрудников полиции обнаруживать и фиксировать электронные следы преступлений.

По нашему мнению, успех борьбы с криминальными проявлениями в сфере использования электронных документов, заверенных ЭЦП, передаваемых через телекоммуникационную сеть, зависит от реализации целого комплекса методов по

выявлению сведений о преступлениях, которые, как нам представляется, должны включать в себя следующие элементы:

1) действенную систему оперативно-разыскных мероприятий, позволяющих выявлять преступления в сфере высоких технологий;

2) разработанный порядок по организации преодоления противодействия расследованию, его последствий и привлечения причастных к нему лиц. Так, в частности, при подготовке к совершению преступлений, преступники в целях получения неправомерного доступа к ресурсам информационных сетей и конфиденциальным данным граждан могут использовать различные вредоносные программы, например «анонимизаторы», которые осуществляют переадресацию электронной почты, направляя ее с другого компьютера. Помимо этого преступники применяют «ремейлеры» для анонимной отправки почты, обмениваются между собой паролями и материальными фиксаторами, через которые происходит доставка и передача алгоритмов криптошифрования, открытых или закрытых ключей ЭЦП;

3) систему организационно-методических мероприятий, проводимых работниками и различными службами организаций в целях выявления и предотвращения в системе движения электронных документов с привилегиями ЭЦП злоумышленной утечки информации через компьютерную сеть, а также правовую процедуру взаимодействия с правоохранительными органами в этих целях.

Проверка подлинности документа выполняется путем сканирования микроструктуры подложки документа, считывания записанной на ней информации и проверки ЭЦП изготовителя документа по открытому ключу. При этом изготовление поддельного документа на другой подложке (бланке), изменение его содержания либо содержания паспорта практически невозможны без знания закрытого ключа ЭЦП. Любая подделка или попытка фальсификации какого-либо реквизита документа будет обнаружена при считывании паспорта и ЭЦП, при сопоставлении паспорта с содержанием документа и проверки ЭЦП по открытому ключу.

Правовая база, открывшая возможность к более широкому применению ЭЦП в Российской Федерации, ведет свое начало с 10 января 2002 г., с введения Федерального закона «Об электронной цифровой подписи». В законе электронная цифровая подпись определяется как «реквизит электронного документа, защищенный от подделки, полученный в результате криптографического преобразования информации с использованием закрытого ключа ЭЦП, позволяющий установить отсутствие утраты, искажения или подделки содержащейся в электронном документе информации, а также обладателя электронной цифровой подписи».

Федеральный закон от 6 апреля 2011 г. № 63 «Об электронной подписи» регулирует отношения в области использования электронных подписей (далее – ЭП) при совершении гражданско-правовых сделок, оказании государственных и муниципальных услуг, исполнении государственных и муниципальных функций, при совершении иных юридически значимых действий. В соответствии с этим законом электронная подпись определяется как «информация в электронной форме, которая присоединена к другой информации в электронной форме (подписываемой информации) или иным образом связана с такой информацией и которая используется для определения лица, подписывающего информацию». Кроме того, указанный нормативный акт регулирует использование различных видов электронных подписей, выдачу и использование сертификатов ключа подписи, проверку электронных подписей, оказание услуг удостоверяющих центров, а также аккредитацию удостоверяющих центров.

Несмотря на длительное использование ЭП для удостоверения и защиты документальных сообщений во многих сферах жизнедеятельности общества (оборона, военное строительство, дипломатия, экономика, управление и связь, судопроизводство и др.), законодательная база по обеспечению правовых условий ее при-

менения стала формироваться только с 1995 г. – с момента принятия Федерального закона от 20 февраля 1995 г. № 24 «Об информации, информатизации и защите информации». Впоследствии он утратил силу в связи с принятием Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149 «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». Согласно ст. 1 ныне действующего закона, электронное сообщение, подписанное электронной цифровой подписью или иным аналогом собственноручной подписи, признается электронным документом, равнозначным документу, подписанному собственноручной подписью.

Таким образом, электронная подпись предназначена для идентификации лица, подписавшего электронный документ, и является полноценной заменой (аналогом) собственноручной подписи в случаях, предусмотренных законом. Федеральный закон «Об электронной подписи» устанавливает следующие виды ЭП:

- простая электронная подпись (ПЭП);
- усиленная электронная подпись (УЭП);
- усиленная неквалифицированная электронная подпись (НЭП);
- усиленная квалифицированная электронная подпись (КЭП).

Использование электронной подписи позволяет осуществить:

- контроль целостности передаваемого документа: при любом случайном или преднамеренном изменении документа подпись станет недействительной, потому что вычислена она на основании исходного состояния документа и соответствует лишь ему;

- защиту от изменений (подделки) документа: гарантия выявления подделки при контроле целостности делает подделывание нецелесообразным в большинстве случаев;

- невозможность отказа от авторства, т.е. создать корректную подпись можно, лишь зная закрытый ключ, а он должен быть известен только владельцу, следовательно, владелец не может отказаться от своей подписи под документом;

- доказательное подтверждение авторства документа.

Так как создать корректную подпись можно, лишь зная закрытый ключ, а он должен быть известен только владельцу, то владелец пары ключей может доказать свое авторство подписи под документом. В зависимости от деталей определения документа могут быть подписаны такие поля, как «автор», «внесенные изменения», «метка времени» и т.д.

Анализ возможностей подделки подписей называется криптоанализ. Попытку сфальсифицировать подпись или подписанный документ криптоаналитики называют атакой.

В своих работах зарубежные исследователи Ш. Гольдвассер, С. Микали и Р. Ривест описывают следующие модели атак, которые актуальны и в настоящее время:

- атака с использованием открытого ключа, т.е. криптоаналитик обладает только открытым ключом;

- атака на основе известных сообщений, т.е. противник обладает допустимыми подписями набора электронных документов, известных ему, но не выбираемых им;

- адаптивная атака на основе выбранных сообщений, т.е. криптоаналитик может получить подписи электронных документов, которые он выбирает сам¹.

Кроме того, «...лица, совершающие преступления в сфере высоких технологий, отличаются высоким интеллектуальным уровнем развития, способностью

¹ Goldwasser S., Micali S., Rivest R.L. A Digital Signature Scheme Secure Against Adaptive Chosen-Message Attacks. SIAM Journal on Computing. Apr. 1988. Vol. 17. № 2. P. 281.

быстро и адекватно реагировать на всякое изменение обстановки...»¹. В связи с этим способы и приемы подделки электронной подписи применяются ими посредством других вредоносных компьютерных программ, типа «тройных коней».

В арсенале хакеров есть множество способов, решающих задачу взлома с полной или частичной эффективностью достижения цели. Некоторые из них воздействуют на аппаратную часть защиты – электронный ключ, другие – на программные модули защиты, путем «вживления» в защищенную программу. Нередко взломщики комбинируют несколько различных методов, чтобы добиться максимальной результативности.

Рассмотрим наиболее распространенные способы взлома программно-аппаратной защиты и эффективные методы противодействия:

а) создание аппаратной копии электронного ключа. Воспользовавшись специальными программными или аппаратными средствами, хакеры считывают содержимое микросхемы памяти электронного ключа. Затем они переносят эту информацию в аналогичные микросхемы памяти других электронных ключей;

б) создание эмулятора электронного ключа. Хакер, изучив внутреннюю логику работы электронного ключа, создает некий программный модуль (DLL, драйвер и т.п.), который в той или иной степени воспроизводит (эмулирует) работу ключа. Качественно написанный эмулятор способен воспроизвести работу ключа во всех тонкостях, включая особенности протокола обмена с защищенной программой и генерацию верных ответов, идентифицирующих пользователя.

Создание эмуляторов электронных ключей – это мощный способ взлома программной и аппаратной защиты, получивший достаточно широкое распространение.

В настоящее время выделяют несколько основных элементов защиты электронной подписи.

Во-первых, это использование биометрических технологий для защиты электронной подписи. Защита электронной подписи с помощью биометрических методов реализуется в форме проверки личности непосредственно перед вводом подписи в систему. При этом сравниваются данные биометрической характеристики пользователя, полученные от датчика системы на момент проверки, с контрольным образцом этих данных, хранящимся на предъявленной пользователем микропроцессорной карточке. В результате проверки подтверждается, что лицо, предъявившее карточку, имеет законное право ее применения. Тем самым электронная подпись, введенная с этой карточки, также может считаться подлинной.

Во-вторых, применение цифровых водяных знаков, которые представляют собой специальные метки (графические или временные), внедряемые в файл, в цифровое изображение или цифровой сигнал в целях контроля их правомочного использования. Эти метки не должны восприниматься человеческим глазом или ухом.

В-третьих, преобразование изображения подписи или отпечатков пальцев в цифровой формат. Полученные данные зашифровываются в изображении – для этого на самой фотографии по специальному алгоритму изменяется расположение некоторых цветовых точек.

Резюмируя изложенное, следует сказать, что в самое ближайшее время процессуальный порядок, связанный с использованием электронных документов, заверенных электронной подписью, в качестве доказательств по уголовным, гражданским и арбитражным делам, будет все более актуализироваться. Это объективно приведет к активизации научных исследований электронной подписи в области криминалистики и судебной экспертизы.

¹ Мерещкий Н.Е. Организация проверки сообщения о неправомерном доступе к компьютерной информации // Материалы всероссийской научно-практической конференции: в 2 ч. М.: Академия управления МВД России, 2012. Ч. 1. С. 218.

Литература

1. Вехов В.Б. Основы криминалистического учения об исследовании и использовании компьютерной информации и средств ее обработки: монография. Волгоград: Волгоградская академия МВД России, 2008.
2. Ищенко Е.П. Виртуальный криминал. М.: Проспект, 2011.
3. Мерецкий Н.Е. Организация проверки сообщения о неправомерном доступе к компьютерной информации // Материалы всероссийской научно-практической конференции: в 2 ч. М.: Академия управления МВД России, 2012. Ч. 1. С. 214.
4. Goldwasser S., Micali S., Rivest R.L. A Digital Signature Scheme Secure Against Adaptive Chosen-Message Attacks. SIAM Journal on Computing. Apr. 1988. Vol. 17. № 2. P. 281.

Об основных способах совершения экономических преступлений, связанных с эксплуатацией электротехнического оборудования

Олег Борисович Абакумов, адъюнкт

Дальневосточного юридического института МВД России

УДК 343.985

Раскрывается понятие электроэнергетического комплекса как отрасли экономики Российской Федерации и объекта преступного посягательства. Исследуются вопросы оперативно-разыскной характеристики экономических преступлений, связанных с эксплуатацией электротехнического оборудования. Раскрываются такие элементы оперативно-разыскной характеристики, как личность преступника и способы совершения преступления.

Ключевые слова: электроэнергетический комплекс, объект преступного посягательства, экономические преступления, электротехническое оборудование.

Электроэнергетика является базовой отраслью российской экономики, обеспечивающей электрической и тепловой энергией внутренние потребности народного хозяйства, населения и экспорт электроэнергии в страны СНГ и дальнего зарубежья. От устойчивой и надежной работы отрасли во многом зависит энергетическая безопасность страны. В условиях роста производства в промышленности электроэнергетика становится одним из жизнеобеспечивающих секторов экономики и одним из факторов экономического развития, а ее надежное функционирование – важнейшим условием перехода России к высокому стандарту и уровню жизни.

Статья 3 Федерального закона от 26 марта 2003 г. № 35 «Об электроэнергетике» дает следующее определение электроэнергетики. Это отрасль экономики Российской Федерации, включающая в себя комплекс экономических отношений, возникающих в процессе производства (в том числе производства в режиме комбинированной выработки электрической и тепловой энергии), передачи электрической энергии, оперативно-диспетчерского управления в электроэнергетике, сбыта и потребления электрической энергии с использованием производственных и иных имущественных объектов (в том числе входящих в Единую энергетическую систему России), принадлежащих на праве собственности или на ином предусмотренном федеральными законами основании субъектам электроэнергетики или иным лицам. Электроэнергетика является основой функционирования экономики и жизнеобеспечения. Вышеназванный закон дает также понятие Единой энергетической системы России как совокупности производственных и иных имущественных объектов электроэнергетики, связанных единым процессом производства (в том числе производства в режиме комбинированной выработки элек-

трической и тепловой энергии) и передачи электрической энергии в условиях централизованного оперативно-диспетчерского управления в электроэнергетике.

Любые негативные явления и особенности в ее деятельности могут иметь значительные последствия для динамики развития экономики государства и общества в целом. Политические, социальные и экономические реформы в России продолжаются, и можно сказать, что сегодня они уже приняли необратимый характер. При этом многие традиционные взгляды на насущные проблемы российского общества, естественно, требуют переосмысления. В частности, необходимо четкое представление о дальнейшем экономическом развитии России в контексте обеспечения безопасности в различных сферах. Важнейшей составляющей экономической безопасности России является энергетическая безопасность.

Развитие энергетики остается одним из самых объективных индикаторов развития экономики стран. За последние 30 лет производство электроэнергии в мире выросло более чем в 3 раза и сегодня превышает 15000 млрд кВтч. К сожалению, российскую электроэнергетику нельзя назвать динамично развивающейся. В основном она базируется на научных разработках 20-летней давности. Это неизбежно ведет к увеличению количественного и качественного разрыва с передовыми странами в области развития электроэнергетики, и, как следствие, одной из серьезных проблем в электроэнергетике является проблема износа (старения) силового электротехнического и энергетического оборудования. По оценкам различных экспертов, доля оборудования, подлежащего замене в сетях, составляет около 40 %. Эксплуатация оборудования сверх нормативных сроков приводит к повышению его аварийности в 4-5 раз. Общий показатель износа с учетом морального устаревания в некоторых сетях составляет до 70 %¹.

Правительство Российской Федерации в своем распоряжении от 13 ноября 2009 г. № 1715-р «Об утверждении энергетической стратегии России на период до 2030 года» определяет, что стратегической целью развития электроэнергетики является обеспечение энергетической безопасности страны и регионов. Одно из приоритетных направлений в сфере развития электросетевого комплекса страны – выполнение работ по реконструкции и техническому перевооружению электрических сетей на основе обеспечивающих их надежное и эффективное функционирование новых электросетевых технологий и современного оборудования, соответствующего по своему уровню лучшим зарубежным образцам. В связи с этим планируется привлечение значительных материальных средств как коммерческих организаций, так и средств федерального бюджета.

Однако данное положение обернулось негативной практикой в использовании бюджетных средств, которая выражается в широком распространении фактов их нецелевого использования и расхищения. Значительную роль в этом играют и механизмы коррупции. Масштабы этой практики таковы, что она становится серьезной угрозой национальной и энергетической безопасности. Речь идет уже не об отдельных фактах хищения или воздействия на принятие управленческого решения посредством подкупа чиновников, а о складывающейся системе, которая становится серьезной угрозой интересам страны.

Одной из задач, стоящих перед оперативными аппаратами органов внутренних дел по предупреждению и раскрытию экономических преступлений в электроэнергетическом комплексе, является предупреждение и раскрытие преступлений, связанных с эксплуатацией электротехнического оборудования.

Данный вид преступлений отличается определенной спецификой и поэтому, по нашему мнению, требует уточнения некоторых вопросов оперативно-

¹ URL: www.SIBAI

разыскной характеристики, таких как личность преступника и способы совершения преступлений.

Не вдаваясь в полемику о содержании и соотношении уголовно-правовой, криминалистической, криминологической и оперативно-разыскной характеристики преступления, мы поддерживаем точку зрения В.Ф. Луговика о том, что каждая наука изучает лишь те аспекты преступления, которые значимы для решения стоящих перед ней теоретических и практических задач¹.

Исходя из научных исследований В.Д. Ларичева, оперативно-разыскная характеристика преступления – это научно разработанная система обобщенных данных о наиболее типичных оперативно значимых признаках преступления, проявляющихся в особенностях объекта преступного посягательства, способах совершения преступления, механизме следообразования преступных действий, а также личностных данных субъекта преступления, знание которых является теоретической и информационной базой для разработки основных методических и тактических приемов выявления и раскрытия преступлений².

Преступления экономической направленности, связанные с эксплуатацией электротехнического оборудования, отличаются определенной спецификой, относящейся в первую очередь к субъектам этих преступлений и способам совершения преступных действий.

Специфика оперативно-разыскной деятельности по борьбе с указанными видами преступлений заключается в том, что они, как правило, совершаются лицами, имеющими познания в области устройства, технических характеристик и эксплуатации электротехнического оборудования.

Выявление, оперативная разработка лиц, подозреваемых в совершении данных видов преступлений, требует знания оперативными работниками способов совершения преступлений, технического устройства электротехнического оборудования, а также требует применения всего арсенала оперативно-разыскной работы.

Способы маскировки указанных преступлений включают внесение изменений в техническую документацию электротехнического оборудования, использование поддельных частей, позволяющих идентифицировать оборудование по месту изготовления, году выпуска и т.д.

Изучая практику выявления сотрудниками полиции преступлений экономической направленности, связанных с эксплуатацией электротехнического оборудования в электроэнергетическом комплексе, можно выделить наиболее типичные способы совершения преступлений в данной сфере.

Завладение денежными средствами путем использования подложной технической документации на электротехническое оборудование

Данный способ совершения преступления характеризуется тем, что для совершения мошеннических действий, связанных с продажей электрооборудования, создается юридическое лицо, оформленное на подставных лиц, которые не осведомлены о фактической деятельности организации. В коммерческий банк при открытии расчетного счета организации предоставляется доверенность, которой руководитель организации уполномочивает проводить финансовые операции по расчетному счету одного из участников преступной группы.

Впоследствии осуществляется приобретение электрооборудования, эксплуатировавшегося на протяжении длительного времени, по низким ценам. Затем размещается объявление о продаже нового, качественного электрооборудования.

¹ Луговик В.Ф. Проблемы формирования учения об оперативно-разыскной характеристике преступлений // Оперативник (сыщик). 2006 № 4(9). С.14.

² Ларичев В.Д. Оперативно-разыскная характеристика экономических преступлений: вопросы теории и практики в современных условиях: научный доклад. М.: ВНИИ МВД России, 2008. С. 13.

Участники преступной группы в целях придания оборудованию вида только что произведенного на заводе, осуществляют его незначительный ремонт и замену составных частей активной части электрооборудования. После этого, вступая в сговор с работниками завода, осуществляющего производство оборудования, участники преступной группы изготавливают клише для производства наборной таблички электрооборудования, на которой указываются технические характеристики, серийный номер и год выпуска электрооборудования. Изготавливаются подложные технические паспорта, протоколы испытаний электрооборудования. С использованием клише производится замена старых табличек электрооборудования на новые, в которых искажается год выпуска оборудования, его серийный номер и другие характеристики, способные идентифицировать оборудование. После этого участники преступной группы, используя счет подставной организации, реализуют покупателю эксплуатировавшееся ранее электрооборудование под видом и по цене нового оборудования. Денежные средства, поступившие на счета фирмы, обналичиваются участниками преступной группы с использованием системы банк – клиент с помощью доверенности на совершение финансовых операций.

Завладение денежными средствами путем заключения фиктивных договоров на поставку электрооборудования

Для совершения мошеннических действий создается юридическое лицо, которое регистрируется в установленном законом порядке. Далее участниками преступной группы осуществляется поиск заказчиков на поставку электрооборудования, которые могли бы внести предоплату по договорам поставки.

В этот же период времени осуществляется регистрация аналогичной фирмы с тем же названием, которому присваивается другой идентификационный номер налогоплательщика. Руководство двумя организациями осуществляет один и тот же человек, который является единственным учредителем и наделен большим объемом полномочий в отношении деятельности юридических лиц. После этого директором юридического лица при заключении договоров поставки электрооборудования используются различные идентификационные номера налогоплательщика в целях невозможности в дальнейшем проследить движение денежных средств по расчетным счетам юридических лиц в случае невыполнения условий по договору.

После получения денежных средств на расчетный счет юридического лица в качестве предоплаты за электрооборудование директор, используя свое служебное положение, дающее ему право на распоряжение денежными средствами, осуществляет их обналичивание и распоряжается ими по своему усмотрению на личные нужды. В целях сокрытия факта хищения денежных средств, полученных от заказчиков по заключенным договорам поставки, директор изготавливает фиктивные документы о реорганизации юридического лица в форме слияния с другим юридическим лицом и направляет заказчикам заведомо ложные сведения о реорганизации юридического лица.

Завладение денежными средствами, выделенными для проведения ремонта воздушных линий электропередач главами городских, районных поселений, с использованием служебного положения и подложных документов

В соответствии с ч. 4 ст. 36 Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131 «Об общих принципах местного самоуправления в Российской Федерации» организационно-распорядительными и административно-хозяйственными функциями глава городского поселения уполномочен без доверенности представлять интересы и действовать от имени поселения для решения вопросов местного значения, в том числе по формированию и исполнению бюджета поселения, контролю за его исполнением, организацией освещения улиц поселения.

В соответствии с п. 14 ч. 2 ст. 55 Федерального закона от 21 июня 2005 г. № 94 «О размещении заказов на поставку товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд» заключение муниципального контракта (договора) у единственного подрядчика (исполнителя) возможно при выполнении работ для государственных или муниципальных нужд на сумму, не превышающую установленного Центральным банком Российской Федерации предельного размера – 100 000 руб., согласно указанию ЦБ РФ от 20 июня 2007 г. № 1834-У, по одной сделке, при этом заказы на выполнение одноименных работ могут размещать в течение квартала на сумму, не превышающую 100 000 руб.

Глава администрации городского поселения, осведомленный, что в бюджете городского поселения предусмотрено выделение денежных средств по статье расходов «Уличное освещение» в сумме 175 000 руб., осуществляет поиск индивидуального предпринимателя из числа своих знакомых, которому предлагает заключить фиктивный муниципальный контракт на выполнение работ по установке оборудования и подключения систем наружного освещения в поселении. После заключения муниципального контракта изготавливается фиктивная смета на выполнение работ и составляются акты выполненных работ. При поступлении денежных средств на расчетный счет предпринимателя происходит их обналичивание и передача главе администрации для использования в личных целях.

Получение должностным лицом взятки за незаконные действия путем выдачи фиктивного акта на допуск в эксплуатацию торгового объекта

Способ совершения данного преступления заключается в следующем. Для эксплуатации торгового объекта необходимо получить разрешение в районных электросетях на основании акта на допуск в эксплуатацию, выдаваемого государственным инспектором непромышленной инспекции Управления государственного энергетического надзора Минтопэнерго РФ.

Государственный инспектор, в обязанности которого входит право производить проверку документации и технический осмотр электроустановок для допуска в эксплуатацию, предлагает владельцу торгового объекта составить фиктивный акт на допуск в эксплуатацию торгового объекта при условии передачи ему в качестве взятки денежных средств без проверки торгового объекта. Индивидуальный предприниматель, заинтересованный в получении такого акта, передает денежные средства в виде взятки инспектору.

Получение должностным лицом денежных средств от коммерческой организации за незаконные действия по получению разрешения на увеличение мощности потребляемой электроэнергии на объекте.

Руководитель коммерческой организации обращается к начальнику сетевого района распределительной сетевой компании с просьбой о выделении дополнительной мощности в объеме 300 кВт. При этом поясняет, что на основании договора, заключенного между коммерческой организацией и энергетической компанией два года назад, он уже использовал расчетную мощность в объеме 200 кВт, но в связи с тем, что его организацией планируется увеличение объема выполняемых работ, требуется мощность в объеме 300 кВт.

Начальник сетевого района, осознавая, что занимаемое им служебное положение дает реальную возможность удовлетворить просьбу предпринимателя, в целях получения денежного вознаграждения предлагает предпринимателю лично подготовить пакет документов, необходимых для заключения дополнительного соглашения с энергетической компанией и получения указанной мощности, а именно: технические условия и справку о выполнении технических условий, датированные двумя годами ранее, но при условии, если получит денежное вознаграждение лично, минуя кассу своей организации. Данные документы позволяют коммерческой организации на законных основаниях использовать дополнитель-

ную мощность в объеме 300 кВт, так как они будут действительны, а не просрочены и позволят заключить договор с энергетической компанией на законных основаниях. После того как предприниматель соглашается на условия начальника сетевого участка, он фальсифицирует заявку о выдаче разрешения на увеличение мощности на объекте, заявку на технологическое присоединение к электрическим сетям и акт разграничения балансовой принадлежности путем проставления в данных документах предыдущих периода времени дат. Затем начальник сетевого района, используя служебное положение, регистрирует данные документы «задним числом» и осуществляет их заверение.

Способов совершения преступлений экономической направленности в электроэнергетическом комплексе России существует гораздо больше, чем описано в данной статье. Мы попытались рассказать о наиболее типичных, встречающихся в сегодняшней практической деятельности сотрудников полиции.

Литература

1. Ларичев В.Д. Оперативно-розыскная характеристика экономических преступлений: вопросы теории и практики в современных условиях: научный доклад. М.: ВНИИ МВД России, 2008.
2. Луговик В.Ф. Проблемы формирования учения об оперативно-розыскной характеристике преступлений // Оперативник (сыщик). 2006 № 4(9). С. 14.

Некоторые проблемы правового регулирования содействия граждан органам внутренних дел

*Алексей Владимирович Черкашин, преподаватель
Дальневосточного юридического института МВД России*

УДК 343.985

В статье рассматриваются вопросы правовой квалификации содействия граждан органам внутренних дел с точки зрения трудового законодательства Российской Федерации, а также проблемы правовой и социальной защищенности конфиденентов.

Ключевые слова: содействие граждан, оперативно-розыскная деятельность, трудовой договор, контракт, социальная защищенность.

В деятельности органов внутренних дел агентурная работа, несмотря на постоянный технический прогресс, остается основным орудием противодействия преступности. Положениями Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» предусмотрена такая сфера отношений, как содействие граждан органам внутренних дел. В частности, статья 17 предусматривает, что отдельные лица могут с их согласия привлекаться к подготовке или проведению оперативно-розыскных мероприятий с сохранением по их желанию конфиденциальности факта содействия органам внутренних дел, в том числе по контракту. Таким образом, государство узаконило два основных направления содействия – на контрактной и бесконтрактной основах.

Необходимость законодательного закрепления данной сферы отношений оперативно-розыскной деятельности продиктована развитием современного оперативно-розыскного права и наличием существенных недостатков, имеющих в правоотношениях между конфидентами и органами, осуществляющими ОРД. Еще в октябре 1988 г. во ВНИИ МВД СССР было организовано проведение теоретического семинара «Проблемы правовой защиты агентуры органов внутренних дел». Со времени проведения семинара прошло немало лет, подобные семинары

проводились неоднократно, однако обсуждавшиеся учеными проблемы не потеряли своей актуальности и по сей день.

Несмотря на постоянно трансформирующиеся правовые процессы в сфере оперативно-разыскного нормотворчества, до настоящего времени не обрели окончательного решения многие вопросы. Так, например, действующее законодательство не дает однозначного ответа на вопрос: какими являются данные правоотношения – административными, гражданско-правовыми или трудовыми? Также следует признать, что проблема охраны негласного сотрудничества в настоящее время решена далеко не полностью. В связи с этим хотелось бы остановиться на следующих актуальных вопросах: правовая квалификация содействия граждан с точки зрения трудового законодательства; особенности порядка освобождения от уголовной ответственности лиц, оказывающих содействие органам, осуществляющим ОРД; обеспечение конспирации и нормативное сокращение количества должностных лиц, осведомленных о факте негласного сотрудничества; правовые меры социальной защиты лиц, оказывающих негласное содействие на контрактной основе; и правовые меры социальной защиты лиц, оказывающих негласное содействие кратковременно, эпизодически и долговременно на бесконтрактной основе.

Касательно характеристики отношений рассматриваемой категории с точки зрения трудового законодательства, следует отметить, что среди ученых нет единой позиции относительно правовой природы правоотношений между органами, осуществляющими оперативно-разыскную деятельность, и лицами, оказывающими им содействие. Например, С.Е. Шокин полагает, что «деятельность негласных сотрудников нельзя рассматривать с точки зрения трудового законодательства, следовательно, они не могут быть оформлены трудовым договором. Указанные отношения следует рассматривать как специфические оперативно-разыскные правоотношения, которые возникают в процессе содействия указанных лиц оперативным аппаратам»¹.

Подобную позицию занимают А.Е. Чечетин, А.П. Исиченко и О.А. Вагин, которые считают, что объем прав и гарантий, предоставляемых конфидентам, является усеченным, по сравнению с гарантиями, оговоренными в трудовом законодательстве. Контракт в оперативно-разыскной деятельности по правовой сути существенно отличается от трудового договора, и поэтому лицо, оказывающее содействие, будет выступать как субъект оперативно-разыскных, а не трудовых отношений².

Интересную и обоснованную, на наш взгляд, позицию занимают С.В. Луговик и Н.В. Павличенко³. Они считают, что во взаимоотношениях конфидентов и органов, осуществляющих ОРД, имеют место трудовые правоотношения. Аргументируя свою позицию, авторы ссылаются на ч. 6 ст. 18 ФЗ об ОРД, в которой указано, что «период сотрудничества граждан по контракту с органами, осуществляющими оперативно-разыскную деятельность в качестве основного рода занятий, включается в трудовой стаж граждан».

Разделяя их позицию, можно добавить, что статья 18 ФЗ об ОРД распространяет социальные льготы и гарантии в отношении конфидентов в случае

¹ Шокин С.Е. Защита лиц, оказывающих конфиденциальное содействие органам, осуществляющим оперативно-разыскную деятельность: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владимир: ВЮИ ФСИН, 2005. С. 20.

² Вагин О.А., Исиченко А.П., Чечетин А.Е. Комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности» (постатейный). М.: Деловой двор, 2009.

³ Луговик С.В., Павличенко Н.В. Природа правоотношений между конфидентами и органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность // Оперативник (сыщик). 2011. № 1(26). С. 12.

оформления отношений в соответствии с трудовым законодательством России, соответственно, данные отношения приобретают статус трудовых.

Аргументируя свою позицию, вышеуказанные авторы анализируют ст. 15 Трудового кодекса РФ и выделяют наиболее значимые признаки трудовых отношений, такие как основанность на соглашении; выполнение лицом трудовой функции; обязанность работника подчиняться правилам внутреннего трудового распорядка и обязанность работодателя обеспечить условия труда.

Как видно из проведенного анализа, рассматриваемая категория отношений соответствует трудовым, а отсутствие полного сходства признаков правоотношений, предусмотренных ст. 15 Трудового кодекса РФ, можно объяснить спецификой деятельности и необходимостью сохранения в тайне факта содействия.

Много споров возникает вокруг документов, составляемых при оформлении содействия. Следуя предписаниям ведомственных приказов, при заключении соглашения о конфиденциальном содействии (сотрудничестве) составляется контракт. Правовая суть контракта практически ничем не отличается от трудового договора, но вся проблема в том, что в настоящее время в Трудовом кодексе РФ, предусматривающем перечень документов, оформляемых при устройстве на работу, отсутствует такой документ, как контракт. Оформление трудовых отношений в соответствии с требованиями ТК РФ осуществляется на основании трудового договора. При заключении контракта возникает вопрос, какой договор заключается – трудовой или гражданский? Причина трудностей в том, что по своему характеру и правовым последствиям это абсолютно разные договоры¹. Соответственно, исходя из требований подсудности, от этого зависит порядок рассмотрения возникающих споров – по правилам искового производства (гражданско-правовые отношения) или в порядке производства по делам, вытекающим из административных правоотношений.

Теперь об особенностях оформления отношений данной категории. Теория ОРД выделяет три основных вида содействия – гласное, негласное и анонимное. По характеру и особенностям содействие бывает кратковременным (разовым), эпизодическим и постоянным. Это зависит от конкретной обстановки и складывающейся тактической ситуации. Соответственным образом будут оформляться и отношения: в случае предоставления услуг, обусловленных знаниями, умениями или навыками конфиденентов (либо лиц, оказывающих гласное содействие) – переводчик, эксперт, владелец квартиры, предоставивший жилье для проведения ОРМ, целесообразно составить контракт и тем самым перевести отношения в ранг гражданско-правовых. Ни о каких социальных гарантиях исполнителю со стороны органов внутренних дел речи не идет.

Совершенно под другим углом следует рассматривать конфиденциальное содействие гражданам органам, осуществляющим ОРД, на постоянной, платной основе по контракту с выплатой ежемесячного денежного содержания. Именно в этом случае производится зачет периода сотрудничества граждан в трудовой стаж, и именно с данной категорией конфиденентов целесообразно вместо контракта заключать трудовой договор со всеми вытекающими последствиями.

И в том и в другом случае соблюдается конституционный принцип защиты прав граждан на предмет обращения в суд для решения спорных вопросов. Хотя здесь тоже имеются некоторые нюансы. Несмотря на предусмотренную в законе возможность обращения конфиденентов в суд для решения спорных вопросов, на практике слабо представляется порядок обращения лица в суд с иском заявлением. Слишком специфична и конспиративна деятельность конфиденентов, слишком высока вероятность угрозы расшифровки при обращении в суд, т.к. количест-

¹ Андреева С. Когда нельзя сказать «контракт» // Кадровое дело. 2005. № 2. С. 39.

во лиц, осведомленных о факте негласного сотрудничества, ощутимо возрастет. Возникает вопрос, совершенно ли законодательство, регулирующее правоотношения в данной сфере? Все ли его нормы «работают»?

Приступая к рассмотрению вопроса об особенностях порядка освобождения от уголовной ответственности, необходимо разъяснить положение ч. 4 ст. 18 ФЗ об ОРД, в которой оговорены условия и порядок освобождения лиц от уголовной ответственности: «лицо, из числа членов преступной группы, совершившее противоправное деяние, не повлекшее тяжких последствий, и привлеченное к сотрудничеству органом, осуществляющим оперативно-разыскную деятельность, активно способствовавшее раскрытию преступлений, возместившее нанесенный ущерб или иным образом загладившее причиненный вред, освобождается от уголовной ответственности в соответствии с законодательством Российской Федерации».

На сегодняшний день это единственный правовой документ, регулирующий отношения в данной сфере и вызывающий ряд вопросов: почему положения данной нормы распространяются лишь на членов преступных групп? Почему предусмотрено только освобождение от ответственности, а не смягчение приговора? В реальной практической ситуации довольно проблематично объяснить остальным членам преступной группы, почему равноправный член группы, в отличие от остальных, избежал уголовного наказания. Возникает также вопрос: почему положения данной статьи не отражены в уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве? На наш взгляд, эта мера работает очень слабо и явно нуждается в юридической доработке. Постановка озвученных выше вопросов в части смягчения приговора и увеличения круга субъектов статьи предполагает некоторые пути решений данной проблемы, в частности, внесение поправок в действующее законодательство.

Рассматривая вопрос о конспирации, нельзя не отметить, что это главный способ обеспечения безопасности лиц, сотрудничающих с ОВД, и одно из условий результативности проводимых оперативно-разыскных мероприятий¹. Конспирация переплетается с соблюдением режима секретности. Но эти понятия и деятельность не тождественны. Режим секретности характеризует организационно-правовой аспект деятельности, а конспирация обусловлена явлениями, лежащими в организационно-тактической сфере, и предполагает выполнение определенных правил при осуществлении действий, лежащих в указанной плоскости ОРД.

Учитывая многообразие оперативно-тактических ситуаций, практически невозможно составить исчерпывающий список правил конспирации при работе с конфидентами. Существующий в настоящее время порядок привлечения к негласному сотрудничеству предусматривает необходимость ознакомления с материалами вербовки 5-7 сотрудников различного уровня. Данное обстоятельство ни в коей мере не способствует обеспечению конспирации и угнетающе действует на кандидата к негласному сотрудничеству, которому приходится сообщать о себе подробные сведения. В качестве решения проблемы можно предложить вариант формирования принципов конспирации, которые должны найти свое нормативное закрепление и затрагивать все оперативно-разыскное законодательство. Как вероятный путь решения вопроса можно предложить минимизацию количества лиц, осведомленных о факте негласного содействия конкретного лица посредством оптимизации системы учетов негласных сотрудников и регистрации оперативно-служебных документов.

¹ Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности»: учеб. пособие. 8-е изд., перераб. и доп. / под ред. А.Е. Чечетина. М.: ИМЦ ГУКМВД России, 2004. С. 156.

Очередной вопрос рассматриваемой проблемы – несовершенство правовых мер социальной защиты лиц, оказывающих содействие на контрактной основе. Часть 6 ст. 18 ФЗ об ОРД предусматривает, что период сотрудничества граждан по контракту с органами, осуществляющими оперативно-разыскную деятельность в качестве основного рода занятий, включается в трудовой стаж граждан. Данные лица имеют право на пенсионное обеспечение в соответствии с законодательством Российской Федерации. Необходимо отметить, что данное положение закона реализовать в настоящее время практически невозможно либо крайне затруднительно. Сейчас фактически прекратилось оформление на пенсию лиц, долгое время сотрудничавших с ОВД. Причин много, но одна из главных кроется в действующем пенсионном страховом законодательстве, требующем наличия страхового свидетельства обязательного пенсионного страхования и индивидуального лицевого счета, на котором происходит накопление соответствующих средств. Данные документы у конфиденентов отсутствуют по причине необеспечения ими со стороны органов внутренних дел. Затруднения обеспечения существуют в связи с отсутствием правовой регламентации порядка оформления соответствующих документов. Как вариант решения проблемы необходимы правовая корректировка существующего законодательства в данной сфере отношений и, возможно, создание специальных предприятий, обеспечивающих финансовые вопросы, нужные отчисления и т.д.¹

Еще одна проблема – правовая защита лиц, оказывающих содействие однократно, эпизодически или долговременно, но на бесконтрактной основе. Анализируя существующий порядок отношений, можно сделать вывод, что данная категория конфиденентов самая незащищенная как в правовом плане, так и во всех остальных случаях, вплоть до случаев угрозы жизни и здоровью в связи с выполнением поручений при оказании содействия.

ФЗ об ОРД (ч. 5 ст. 18) установлено, что определенные лица, содействующие раскрытию преступлений, могут получать вознаграждения и иные выплаты. При этом закон не содержит каких-либо нормативных предписаний относительно способов и видов помощи, оказываемой этим лицам. Определяющим здесь является то, что они действительно способствовали раскрытию противоправных деяний. Справедливости ради необходимо отметить, что одним нормативным правовым актом МВД России определен порядок такого поощрения, но, на наш взгляд, он не лишен определенных недостатков. Например, лицам, оказывающим содействие на контрактной основе, или их семьям полагаются так называемые «страховые выплаты» в случае получения увечья или гибели в ходе выполнения заданий; «бесконтрактники» в аналогичных случаях не получают ничего, хотя их деятельность по характеру и специфике в подавляющем большинстве случаев ничем не отличается от их «контрактных коллег»; разовые выплаты, несомненно, никоим образом не компенсируют затраченных усилий по поиску значимой информации.

Рассмотрим такой пример. Конфидент сообщил сведения, использование которых позволило установить и изобличить лиц, совершивших особо тяжкое преступление. Предположим, что этим лицам стало известно об источнике разоблачившей их информации. Они решили отомстить конфиденнту и членам его семьи. Соответственно органы, осуществляющие ОРД, обязаны (при наличии соответствующей информации) принять необходимые меры по предотвращению совершения противоправных действий. Но возникает вопрос: такая защита будет осуществляться в связи с содействием гражданина (ч. 3 ст. 18 ФЗ об ОРД) или же на

¹ В данной статье раскрыть более подробно назначение предприятий невозможно в силу закрытого характера рассматриваемой сферы деятельности.

«общих основаниях», при возникновении угрозы посягательства на жизнь, здоровье или имущество отдельных лиц? От этого зависят последствия правовой защиты.

Решение данной проблемы, а также озвученных выше возможно только на законодательном уровне, посредством принятия соответствующих нормативных актов. Как одним из вариантов решения проблемы нами предлагается два направления законодательного регулирования: введение необходимых норм в Трудовой кодекс РФ и нормативное регулирование условий труда и социальной защиты конфиденентов в отдельной статье ФЗ об ОРД.

Наше предпочтение отдано варианту введения изменений в Федеральный закон об оперативно-розыскной деятельности как наиболее оптимальному и удобному при рассмотрении и решении различных вопросов, возникающих в процессе трудовой деятельности конфиденентов. Важность правового регулирования труда лиц, оказывающих содействие органам, осуществляющим ОРД, обусловлена и тем, что в состоянии пробельности трудового и оперативно-розыскного законодательства сложно обеспечить социальную защиту добровольных помощников.

В завершение рассмотрения вопроса правового регулирования отношений между конфиденентами и органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, необходимо подчеркнуть, что в процессе данной деятельности могут возникать трудовые отношения; с данными лицами (оказывающими содействие на контрактной основе) юридически правильнее заключать трудовой договор; отношения с категорией лиц, оказывающих содействие на бесконтрактной основе, нуждаются в тотальной правовой доработке; целесообразна концентрация всех норм, регулирующих отношения в рассматриваемой сфере, в единый нормативный акт. Значимость конфиденентов в решении задач оперативно-розыскной деятельности несомненна и очевидна. Обеспечение юридически грамотных, всеобъемлющих и затрагивающих многие стороны деятельности конфиденентов правовых норм, безусловно, положительно повлияет на стабилизацию отношений в данной сфере.

Литература

1. Андреева С. Когда нельзя сказать «контракт» // Кадровое дело. 2005. № 2. С. 39.
2. Вагин О.А., Исиченко А.П., Чечетин А.Е. Комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности» (постатейный). М.: Деловой двор, 2009.
3. Луговик С.В., Павличенко Н.В. Природа правоотношений между конфиденентами и органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность // Оперативник (сыщик). 2011. № 1(26). С. 12.
4. Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности»: учеб. пособие. 8-е изд., перераб. и доп. / под ред. А.Е. Чечетина. М.: ИМЦ ГУКМВД России, 2004.
5. Шокин С.Е. Защита лиц, оказывающих конфиденциальное содействие органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владимир: ВЮИ ФСИН, 2005.

Государственное управление: вопросы совершенствования

Нормотворческая функция государства в лесном секторе

*Артем Николаевич Дерюга, доцент кафедры
Дальневосточного юридического института МВД России,
кандидат юридических наук, доцент;
Виталий Владимирович Паршута, старший
оперуполномоченный УМВД России по Хабаровскому краю*

УДК 349.6

В статье проведен сравнительно-правовой анализ нормотворческой функции государства в лесном секторе, по результатам которого установлено, что в настоящее время в российском законодательстве отсутствует понятие незаконной рубки, в связи с чем незаконный характер рубки может быть доказан, а ее виновник привлечен к установленной ответственности лишь в ряде простейших случаев. Предпринята попытка дать определение «незаконной рубки», которое учитывает новые правовые основы заготовки древесины, установленные Лесным кодексом РФ. Обосновываются предложения по совершенствованию Лесного кодекса Российской Федерации.

Ключевые слова: Лесной кодекс РФ, нормотворческая функция государства, лесное законодательство, незаконная рубка леса, охрана леса, защита леса.

Нормотворческая функция государства в лесном секторе заключается в формировании национальной лесной политики, разработке законодательных и нормативных актов, обеспечивающих ее реализацию. Осуществляя нормотворческую функцию и являясь носителем политической власти, государство распоряжается лесами и лесными землями путем как гражданско-правовых, так и административных средств (властных распоряжений).

Проведенный нами анализ нормативных правовых актов в сфере охраны и защиты леса позволяет сделать вывод, что нормотворческая функция государства в указанной сфере реализуется не в полной мере. Приходится констатировать, что современное лесное законодательство далеко от совершенства и не позволяет уполномоченным органам последовательно его применять, в частности, в сфере борьбы с незаконными рубками. Полагаем, что к одному из недостатков современного лесного законодательства следует отнести отсутствие четкого понятий-

ного аппарата, это создает трудности в определении некоторых правовых категорий.

Согласно ч. 1 ст. 92 Лесного кодекса РФ 1997 г., леса подлежали охране от пожаров, незаконных рубок (порубок), нарушений установленного порядка лесопользования и других действий, причинявших вред лесному фонду и не входящим в лесной фонд лесам. Однако ни Лесной кодекс РФ, ни иные нормативные правовые акты Российской Федерации и субъектов РФ, регулирующие лесные отношения, не содержали определения понятия «незаконная рубка».

Лесной кодекс РФ 2006 г. вообще не содержит понятия «незаконная рубка», отсутствует это понятие и в иных нормативных правовых актах, касающихся лесного сектора, принятых после 1 января 2007 г.

Согласно ч. 1 ст. 51 ЛК РФ 2006 г., леса подлежат охране от пожаров, от загрязнения (в том числе радиоактивными веществами) и от иного негативного воздействия, а также защите от вредных организмов. Можно предположить, что под словами «от иного негативного воздействия» подразумевается в том числе охрана лесов от незаконных рубок.

В настоящее время понятие «незаконная рубка» содержится только в Уголовном кодексе Российской Федерации и Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях. УК РФ (ст. 260) предусматривает уголовную ответственность за незаконную рубку лесных насаждений, а также не отнесенных к лесным насаждениям деревьев, кустарников и лиан. КоАП РФ (ст. 8.28) устанавливает административную ответственность за незаконную рубку, повреждение лесных насаждений или самовольное выкапывание в лесу деревьев, кустарников и лиан. Однако определение понятия «незаконная рубка» в УК РФ и в КоАП РФ отсутствует.

До недавнего времени общепринятым определением незаконной рубки была дефиниция, данная в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 5 ноября 1998 г. № 14 «О практике применения судами законодательства об ответственности за экологические правонарушения». «Под незаконной порубкой следует понимать рубку деревьев, кустарников и лиан без лесорубочного билета, ордера или рубку по лесорубочному билету, ордеру, выданному с нарушением действующих правил рубок, а также рубку, осуществляемую не на том участке или за его границами, сверх установленного количества, не тех пород или не подлежащих рубке деревьев, кустарников и лиан, как указано в лесорубочном билете, ордере, до или после установленных в лесорубочном билете, ордере сроков рубки, рубку деревьев, кустарников и лиан, запрещенных к рубке Правилами отпуска древесины на корню в лесах Российской Федерации, утвержденными Постановлением Правительства Российской Федерации от 1 июня 1998 г. № 551, или после вынесения решения о приостановлении, ограничении или прекращении деятельности лесопользователя или права пользования участком лесного фонда».

В настоящее время это определение не может применяться, т.к. Постановление Правительства РФ № 551 отменено¹, при заготовке древесины на основании договоров купли-продажи или приведенных в соответствие с новым Лесным кодексом договоров аренды лесорубочные билеты не предусматриваются.

Кроме того, Лесной кодекс РФ 2006 г. не предусмотрел принятие Правил отпуска древесины на корню в лесах Российской Федерации или Правил рубок. Поэтому в соответствии со ст. 13 Федерального закона от 4 декабря 2006 г.

¹ Постановление Правительства РФ от 13 марта 2008 г. № 169 «Об изменении и признании утратившими силу некоторых решений Правительства Российской Федерации по вопросам, регулирующим лесные отношения» // Собрание законодательства РФ. 2008. № 12. Ст. 1130.

№ 201-ФЗ «О введении в действие Лесного кодекса Российской Федерации»¹ Правила отпуска древесины на корню в лесах Российской Федерации и Правила рубок, утвержденные Постановлением Правительства Российской Федерации от 1 июня 1998 г. № 551, фактически утратили силу.

В мае 2008 г. в Государственную думу был представлен законопроект № 59491-5 «О внесении изменений в Лесной кодекс Российской Федерации», предусматривавший внесение определения незаконной рубки непосредственно в Лесной кодекс Российской Федерации. Но законопроект был возвращен авторам без рассмотрения в Государственной Думе в связи с отсутствием заключения Правительства Российской Федерации. Таким образом, официальное или хотя бы общепризнанное определение того, что такое незаконная рубка, отсутствует до сих пор.

В связи с этим незаконный характер рубки может быть доказан, а ее виновник привлечен к установленной ответственности лишь в ряде простейших случаев (например, в случае самовольной рубки на землях лесного фонда, землях особо охраняемых природных территорий, землях обороны или в городских лесах). В случаях, когда разрешительные документы есть, но рубка произведена с нарушением их требований или требований действующего законодательства, сверх установленного количества, или же сами разрешительные документы выданы с нарушениями, доказать незаконный характер рубки оказывается сложно или даже невозможно. Это способствует тому, что виновными в незаконных рубках чаще всего признаются граждане, действующие сами по себе (как одиночки, не вовлеченные в организованную преступную деятельность), как правило, из-за нищеты и безысходности. В то же самое время незаконная (с грубейшими нарушениями действующего законодательства, с последующей деградацией лесов) заготовка древесины под видом санитарных рубок или ухода за лесами, имеющая значительно большие масштабы и наносящая лесному фонду значительно больший ущерб, обычно не влечет за собой никакой ответственности.

Прежде чем планировать организационно-правовые меры по обеспечению борьбы с незаконными рубками, необходимо определить, на какие именно виды незаконных рубок будет ориентироваться эта борьба. В настоящее время в России можно условно выделить три основных типа незаконных рубок (границы между этими типами условны).

1. Самовольные рубки, осуществляемые гражданами для собственных нужд (отопление жилищ, заготовка строительных материалов для мелких построек и текущего ремонта и т.д.). Ущерб, наносимый единичной самовольной рубкой данного типа, обычно невелик, но при этом самовольные рубки данного типа имеют наиболее массовый характер. Общий объем самовольной заготовки древесины гражданами для собственных нужд в настоящее время можно оценить примерно в 20 млн кубометров в год (по состоянию на начало 2008 г.), или около 10 % от ежегодного объема официальной заготовки древесины в лесах России.

2. Самовольные рубки, осуществляемые гражданами и предпринимателями для продажи или переработки заготовленной древесины, т.е. кража леса в целях получения дохода. От предыдущего вида самовольных рубок эти отличаются масштабами, а также технической оснащенностью тех, кто их проводит. Лесозаготовители, осуществляющие заготовку древесины в коммерческих целях, получили неофициальное название «черные лесорубы». Как правило, они обеспечены техникой для заготовки древесины, транспортом для ее вывозки, имеют неформальные связи с работниками правоохранительных органов, а при необходимости – охрану, иногда вооруженную. Общий объем коммерческой самовольной заго-

¹ Собрание законодательства РФ. 2006. № 50. Ст. 5279.

товки древесины в России в настоящее время можно оценить примерно в 10 млн кубометров в год (по состоянию на начало 2008 г.), или около 5 % от ежегодного объема официальной заготовки древесины в лесах России.

3. Рубки, проводящиеся на основании разрешительных документов, но с грубыми нарушениями действующих правил, приводящими к образованию неучтенной или неправильно учтенной древесины. К таким рубкам относятся рубки на площади, превышающей разрешенную (включая рубки за границами отведенных лесосек), получение излишков древесины при некачественном отводе и таксации лесосек, заготовка древесины в большем объеме или лучшего качества при неправильном проведении выборочных рубок, заготовка лучшей древесины под видом ухода за лесами или проведения санитарных рубок. Общий объем неучтенной или неправильно учтенной древесины, заготавливаемой за счет подобных нарушений, можно оценить не менее чем в 20 млн кубометров в год (по состоянию на начало 2008 г.), или около 10 % от ежегодного объема официальной заготовки древесины в лесах России.

Максимальный ущерб лесам и лесному хозяйству России наносят именно незаконные рубки третьего типа, главным образом заготовка лучшей древесины под видом санитарных рубок или ухода за лесами. Они не только наносят значительный материальный ущерб лесам, но и ведут к деградации лесного хозяйства как такового, вплоть до его почти полного исчезновения: действительно необходимый уход за лесами подменяется разорительной для леса заготовкой древесины, а работники лесного хозяйства превращаются в привилегированных (не ограниченных соблюдением правил) лесозаготовителей.

Таким образом, древесина, заготовленная незаконно, составляет не менее 25 % от ежегодного объема официальной заготовки древесины в лесах России, или не менее 20 % от общего объема рубок¹. По нашему мнению, вышеуказанная ситуация складывается из-за несовершенства лесного законодательства², в частности, необходимо дать определение незаконной рубки. Предлагаем следующую дефиницию: под незаконной рубкой следует понимать рубку лесных насаждений (деревьев, кустарников, лиан в лесах) без договора аренды лесного участка, договора купли-продажи лесных насаждений, договора, предусмотренного частью 3 статьи 19 настоящего Кодекса, лесной декларации, а также рубка, осуществляемая не на том участке или за его границами, сверх установленного количества, не тех пород или не подлежащих рубке деревьев, кустарников и лиан, как указано в договоре аренды лесного участка, договоре купли-продажи лесных насаждений, договоре, предусмотренном частью 3 статьи 19 настоящего Кодекса, лесной декларации, до или после установленных в договоре аренды лесного участка, договоре купли-продажи лесных насаждений, договоре, предусмотренном частью 3 статьи 19 настоящего Кодекса, лесной декларации сроков рубки лесных насаждений, рубка деревьев и кустарников, заготовка древесины которых не допускается, или после вынесения решения о приостановлении, ограничении или прекращении деятельности лица, использующего леса, или права пользования лесным участком, аренды лесного участка.

Предложенное определение основывается на том же принципе, что и определение Пленума Верховного Суда от 5 ноября 1998 г. № 14, но учитывает новые правовые основы для заготовки древесины, установленные Лесным кодексом 2006 г. По нашему мнению, «основные понятия», и прежде всего вышеуказанное определение, должны содержаться в гл. 1 Лесного кодекса Российской Федерации, что позволит единообразно квалифицировать противоправные деяния в сфе-

¹ Ярошенко А.Ю., Комарова А.Ф., Крейдлин М.Л. К двухлетнему юбилею нового Лесного кодекса Российской Федерации. М.: ОМННО «Совет Гринпис», 2009.

² Петров В.В. Экологическое право России: учеб. для вузов. М., 1995. С. 282.

ре охраны леса, а значит, упорядочить меры по противодействию незаконным заготовкам и обороту древесины.

Кроме того, необходимо внести в Лесной кодекс Российской Федерации следующие дополнения:

1) пункт 1 ст. 51 изложить в следующей редакции:

Статья 51. Общие положения об охране и о защите лесов.

1. Леса подлежат охране и защите от незаконных рубок, пожаров, от загрязнения (в том числе радиоактивными веществами), от вредных организмов, а также иного негативного воздействия;

2) ввести ст. 52.1:

Статья 52.1. Охрана и защита лесов от незаконных рубок и других нарушений лесного законодательства.

Охрана и защита лесов от незаконных рубок и других нарушений лесного законодательства осуществляется наземными и аэрокосмическими методами органами государственной власти, органами местного самоуправления, в пределах их полномочий, определенных в соответствии со статьями 81-84 настоящего Кодекса, а также их территориальными органами и подведомственными учреждениями. Порядок охраны и защиты лесов от незаконных рубок и других нарушений лесного законодательства устанавливается Правительством Российской Федерации¹.

Литература

1. Петров В.В. Экологическое право России: учеб. для вузов. М., 1995.
2. Ярошенко А.Ю., Комарова А.Ф., Крейдлин М.Л. К двухлетнему юбилею нового Лесного кодекса Российской Федерации. М.: ОМННО «Совет Гринпис», 2009.

¹ По мнению автора, незаконную рубку можно считать не меньшим вредным воздействием на лес, чем пожары или загрязнение. Порой данный фактор является более негативным.

Зарубежный опыт

Законодательство Украины и Республики Беларусь о правонарушениях в сфере финансов

*Светлана Андреевна Полякова, преподаватель
Дальневосточного юридического института МВД России*

УДК 342.951

В статье предпринята попытка сравнить законодательство Российской Федерации, устанавливающее ответственность в сфере финансов, с аналогичным законодательством Украины и Республики Беларусь. Рассмотрены схожие и отличительные нормы, а также положительный опыт правового регулирования.

Ключевые слова: Украина, Республика Беларусь, правонарушение, финансы, штраф, налоги, бюджетная система.

Подчас разобраться во всех хитросплетениях современных правоотношений позволяет детальное исследование истории развития национального законодательства, а также сравнительный анализ его с законодательством других государств. Это касается и правового регулирования в сфере финансов.

Эволюционный анализ российского финансового законодательства позволяет сделать вывод о том, что оно развивалось исключительно в контексте исторических событий и изменений, связанных с особенностями российского государственного устройства. Положения нормативных правовых актов до современного периода оставляли желать лучшего, поскольку были несовершенными, противоречивыми и поэтому неэффективными. Вместе с тем законодательство в этой области медленно, но все-таки развивалось, хотя и в контексте административно-правового регулирования, которое стало своеобразным трамплином для финансово-правовых актов.

Чтобы лучше разобраться в современном правовом регулировании финансовых отношений, обратимся к сравнительному анализу законодательства таких близких нам стран, как Украина и Республика Беларусь.

Для вышеназванной цели сначала проанализируем нормы Кодекса Украины об административных правонарушениях 1985 г. (с изменениями и дополнениями,

внесенными 7 июля 2011 г.)¹ и Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях 2003 г. (по состоянию на 28 декабря 2009 г.)².

Кодифицированный нормативный акт Украины был принят в 1984 г. и, несмотря на свой «возраст», является действующим до сих пор. Интересующая нас область отношений регулируются гл. 12 «Административные правонарушения в отрасли торговли, общественного питания, сфере услуг, отрасли финансов и предпринимательской деятельности». Сравнивая ее с Кодексом об административных правонарушениях РФ (гл. 15), можно отметить, что КоАП Украины, в отличие от российского закона, административные финансовые правонарушения объединяет с правонарушениями в сфере торговли, общественного питания, услуг и предпринимательской деятельности. Кроме того, в нем под административными правонарушениями в сфере финансов подразумеваются еще и те, которые связаны с выпуском ценных бумаг, осуществлением банковской деятельности и др. На наш взгляд, это не совсем правильно, поскольку более детальная их регламентация позволяет быстрее решить возникшие на практике вопросы, а также уяснить порядок рассмотрения спорных правоотношений, понять границы прав и обязанностей контролирующих органов, способных привлекать к юридической ответственности.

Анализируемая глава Кодекса Украины об административных правонарушениях содержит 55 составов. В контексте исследуемой проблемы из них можно выделить только 27, а именно ст. 162-166. Интересным представляется тот факт, что законодательство Украины, в отличие от российского (ст. 15.14, 15.15 и 15.16 КоАП РФ), предусматривает два состава административных правонарушений в бюджетной сфере. Это статья 164¹² «Нарушение законодательства о бюджетной системе Украины» и статья 164¹⁴ «Нарушение законодательства в сфере общеобязательного государственного пенсионного страхования». Гипотезы этих норм предусматривают отличные друг от друга условия исполнения правил поведения, диспозиции содержат абсолютно разные деяния. Отличия проявляются и в порядке наложения мер ответственности, в размерах штрафов, а также в субъектах, привлекаемых к ответственности. Так, ст. 15.15 КоАП РФ установлено наложение административного штрафа на должностных лиц в размере от четырех тысяч до пяти тысяч рублей, на юридических лиц – от сорока тысяч до ста тысяч рублей. Следовательно, субъектами данных правонарушений могут быть как физические, так и юридические лица, а статья 164¹⁴ КоАП Украины предусматривает наказание в виде штрафа на должностных лиц от ста пятидесяти до трехсот пятидесяти необлагаемых минимумов доходов граждан, т.е. субъектами данного правонарушения могут быть только физические (должностные) лица. Кроме того, КоАП РФ устанавливает административный штраф в твердых денежных суммах, а КоАП Украины – в необлагаемых минимумах доходов.

Что же касается банковской сферы, то КоАП Украины содержит две статьи. Это статья 166⁵ «Нарушение банковского законодательства, нормативно-правовых актов Национального банка Украины или осуществление рискованных операций, которые угрожают интересам вкладчиков или других кредиторов банка», и статья 166⁸ «Осуществление банковской деятельности без банковской лицензии». За совершенные такого рода проступки установлена ответственность в виде штрафа. КоАП РФ содержит только одну статью (ст. 15.26) и устанавливает альтернативную санкцию: предупреждение или административный штраф.

Обратимся к аналогичному кодексу Республики Беларусь, который содержит гл. 11 под названием «Административные правонарушения в области финан-

¹ URL: <http://www.audiozakon.com.ua>

² URL: <http://pravo.levonevsky.org>

сов, рынка ценных бумаг и банковской деятельности». Как видим, в ней нашел отражение меньший круг отношений. В Белорусском кодексе содержатся составы, предусматривающие правонарушения, связанные с расчетами посредством национальной и иностранной валюты, например, ст. 11.1 «Незаконное принятие иностранной валюты в качестве платежного средства», ст. 11.2 «Нарушение установленного порядка осуществления валютных операций», ст. 11.5 «Нарушение порядка открытия счетов за пределами Республики Беларусь», 11.7 «Нарушение порядка ведения кассовых операций», ст. 11.18 «Уклонение от погашения кредиторской задолженности», ст. 11.53 «Осуществление незаконных финансовых операций» и др. В качестве положительного момента можно отметить то, что в КоАП Беларуси, так же, как и в КоАП РФ, в сравнении с Кодексом Украины, содержится самостоятельная глава с более детальной регламентацией правонарушений и мер ответственности.

Помимо рассмотренных кодифицированных нормативных актов финансовые отношения в Украине и Республике Беларусь регулируются Бюджетным кодексом Республики Беларусь 2008 г.¹, Налоговым кодексом Украины 2010 г.², Налоговым кодексом Республики Беларусь 2002 г.³.

Ответственность за нарушение бюджетного законодательства Республики Беларусь установлена гл. 26 «Ответственность за нарушение бюджетного законодательства» разд. X Бюджетного кодекса «Основы контроля за соблюдением бюджетного законодательства и ответственность за его нарушение». Так, согласно ст. 133, под нарушением бюджетного законодательства понимается неисполнение либо ненадлежащее исполнение требований, установленных настоящим Кодексом и иными актами бюджетного законодательства по составлению, рассмотрению, утверждению, исполнению бюджетов, а также требований законодательства при получении и использовании бюджетных средств.

К сожалению, в российском законодательстве содержится не очень подробное определение бюджетного правонарушения. В соответствии со ст. 281 Бюджетного кодекса РФ нарушением бюджетного законодательства, которое влечет применение к нарушителю мер принуждения, признается неисполнение либо ненадлежащее исполнение установленного Кодексом порядка составления и рассмотрения проектов бюджетов бюджетной системы, а также неисполнение либо ненадлежащее исполнение обязанности по осуществлению бюджетного контроля.

Примерно такая же, как в Кодексе Украины, трактовка бюджетного нарушения закреплена ст. 133 БК Республики Беларусь. Положительным в правовом регулировании этих государств, на наш взгляд, является отнесение к нарушению бюджетного законодательства неисполнение требований законодательства при получении и использовании бюджетных средств, которое отсутствует в российском законодательстве.

Сравнивая Бюджетный кодекс Республики Беларусь с Бюджетным кодексом Российской Федерации, можно сделать вывод, что в Беларуси предусматриваются несколько иные меры ответственности. Так, ст. 134 устанавливается, что к нарушителям могут применяться следующие меры принуждения: приостановление либо ограничение финансирования расходов за счет бюджетных средств; взыскание бюджетных средств; приостановление расчетов по банковским счетам; начисление и взыскание пени; иные меры.

Бюджетный кодекс РФ (ст. 282) в качестве мер закрепляет предупреждение о ненадлежащем исполнении бюджетного процесса; блокировку расходов; изъяс-

¹ <http://www.tamby.info/kodeks/bk.htm>

² <http://taxman.org.ua>

³ <http://www.tamby.info/kodeks/nk.htm>

тие бюджетных средств; приостановление операций по счетам в кредитных организациях; наложение штрафа; начисление пени; иные меры.

Как видим, и в одном, и в другом кодексе перечень мер не является исчерпывающим.

Отличие рассматриваемых кодексов состоит еще и в том, что Бюджетный кодекс РФ содержит намного больше оснований применения мер принуждения за нарушение бюджетного законодательства, к которым относит нецелевое использование бюджетных средств; несвоевременное перечисление бюджетных средств; несвоевременное представление отчетов и других сведений, связанных с исполнением бюджета; финансирование расходов, не включенных в бюджетную роспись, и др.¹.

Обратимся к налоговому законодательству. В Налоговом кодексе Украины в разд. II содержится гл. 11 под названием «Ответственность». В ней закрепляется дефиниция «налоговое правонарушение», устанавливаются виды юридической ответственности и основания привлечения. Положительно, что в украинском законе финансовая ответственность рассматривается как самостоятельный вид юридической ответственности, это, на наш взгляд, позволяет избежать конкуренции норм и путаницы в правоприменительной деятельности уполномоченных органов. Однако определение налогового правонарушения, содержащегося в Налоговом кодексе РФ, является более точным, лаконичным и емким.

В настоящее время анализируемые кодексы содержат одинаковое количество составов правонарушений, которые отличаются друг от друга, за исключением нескольких составов (например, ст. 116 НК РФ и ст. 117 НК Украины, ст. 117 НК РФ и ст. 118 НК Украины). По нашему мнению, это объясняется особенностями исторического развития и законодательства России и Украины в период после распада СССР.

Налоговый кодекс Республики Беларусь не содержит специального раздела или главы о налоговых правонарушениях и об ответственности за их совершение. Несмотря на это, нас заинтересовала глава 5 «Способы обеспечения исполнения налогового обязательства, уплата пеней» и глава 6 «Принудительное исполнение налогового обязательства, взыскание пеней». Но в них не устанавливаются составы налоговых правонарушений, а также меры ответственности за их совершение. Законодателем делается только акцент на реализации институтов «способы обеспечения исполнения налогового обязательства» и «уплата пени».

Таким образом, сравнительный анализ действующих нормативных правовых актов России, с одной стороны, Украины и Республики Беларусь, с другой, позволяет нам представить более полную картину о правовом регулировании в сфере финансов, спрогнозировать дальнейшее совершенствование законодательства в этой сфере, а также сделать вывод о том, что и в Украине, и в Беларуси так же, как и в России, финансовому законодательству уделяется большое внимание, что позволяет достигать наилучшего результата в правоприменении.

¹ См. подробнее: ст. 283 Бюджетного кодекса РФ.

Трибуна молодых ученых

О некоторых проблемах в деятельности участковых уполномоченных полиции, связанных с пребыванием трудовых мигрантов в жилом секторе городской инфраструктуры

*Федор Васильевич Буренок, адъюнкт
Санкт-Петербургского университета МВД России*

УДК 351.74

В статье затрагиваются вопросы обеспечения контроля участковым уполномоченным полиции за соблюдением режима пребывания иностранных граждан, проживающих на территории административного участка, который он обслуживает. Делается акцент на взаимодействии участкового с миграционными службами.

Ключевые слова: участковый уполномоченный полиции, мигранты, административный участок, иностранные граждане и лица без гражданства.

В последнее время в обществе активно дискутируется тема присутствия мигрантов в социальной, экономической и политической жизни нашей страны. И это не случайно, так как представить современный российский город без участия трудовых мигрантов (иностранцев рабочих) практически невозможно. В соответствии с Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) под привлечением к трудовой деятельности иностранного гражданина или лица без гражданства понимается их допуск к выполнению любых работ или оказанию различных услуг либо иное использование труда иностранцев, лиц без гражданства в РФ¹.

Согласно п. 4 ст. 13 Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации», работодатель и заказчик работ (услуг) имеют право привлекать и использовать иностранных работников только при наличии соответствующего разрешения на привлечение и использование иностранных работников. В свою очередь, иностран-

¹ Пункт 1 примечания к ст. 18.15 КоАП РФ.

ные граждане могут осуществлять трудовую деятельность также только при наличии разрешения на работу. При этом они обязаны зарегистрироваться по месту жительства или встать на учет по месту пребывания¹.

Местом жительства иностранного гражданина или лица без гражданства в РФ признается жилое помещение, по адресу которого данные лица зарегистрированы в установленном законом порядке².

Местом пребывания иностранного гражданина или лица без гражданства в РФ считается жилое помещение, не являющееся местом жительства, а также иное помещение, учреждение или организация, в которых иностранный гражданин или лицо без гражданства находятся и (или) по адресу которых данные лица встали на учет в установленном законом порядке³.

Как представляется, в приведенных определениях слово «место» является ключевым и означает ограниченное пространство (участок земной поверхности), занимаемое иностранными гражданами, лицами без гражданства в пределах административно-территориальной единицы районного, городского, регионального масштабов РФ.

В контексте представленной темы необходимо подчеркнуть, что правоохранительная деятельность участковых уполномоченных полиции так же строится по административно-территориальному признаку. Участковый уполномоченный полиции (далее – УУП) является сотрудником полиции, выполняющим задачи по защите жизни, здоровья, прав и свобод граждан РФ, иностранных граждан, лиц без гражданства, по противодействию преступности, охране общественного порядка, собственности и обеспечению общественной безопасности на своем административном участке. Административный участок – это часть территории муниципального образования, обслуживаемой органом внутренних дел, закрепленная за участковым уполномоченным полиции в установленном порядке. Размеры и границы административного участка определяются и, при необходимости, пересматриваются начальником территориального органа МВД России с учетом численности населения, состояния оперативной обстановки, особенностей территории и административного деления района, города и иного муниципального образования.

Таким образом, становится очевидным, что присутствующие на территории России мигранты находятся в поле зрения участковых уполномоченных полиции. Обеспечение контроля за соблюдением иностранными гражданами и лицами без гражданства режима пребывания и проживания на территории административного участка является обязанностью УУП. Также участковый уполномоченный полиции путем предоставления информации, исполнения поручений (запросов) и оказания физической поддержки содействует сотрудникам территориальных органов Федеральной миграционной службы России (далее – ТО ФМС России) в противодействии нарушениям законодательства в сфере миграции.

¹ Федеральный закон от 18 июля 2006 г. № 109-ФЗ «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации».

² Пункт 3 ч.1 ст. 2 Федерального закона от 18 июля 2006 г. № 109-ФЗ «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации».

³ Федеральный закон от 20 марта 2011 г. № 42-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета. 2011. 25 апреля.

Иностранный гражданин или лицо без гражданства являются незаконно находящимися на территории РФ и несут ответственность согласно законодательству РФ в случае¹:

- въезда на территорию РФ с нарушением установленных законом РФ правил;
- отсутствия документов, подтверждающих право на пребывание (проживание) в РФ;
- утраты документов, подтверждающих право на пребывание (проживание) в РФ, и несвоевременного уведомления об этом компетентных органов (в частности, ТО ФМС России);
- уклонения от выезда из РФ по истечении срока пребывания (проживания) в РФ;
- нарушения правила транзитного проезда через территорию РФ.

Следует отметить, иностранные граждане (лица без гражданства), находящиеся незаконно в пределах административного участка, способствуют формированию криминального климата в районе и в целом ухудшают оперативную обстановку. Можно предположить, что прогнозируемые риски, связанные с незаконной миграцией, наиболее вероятны в местах скопления мигрантов. В связи с этим уровень профессиональной компетентности участкового уполномоченного полиции приобретает особую значимость. Ведь он не просто должен знать территорию своего административного участка, а владеть информацией о его особенностях, о системе дорог, расположении и режиме работы организаций, учреждений, предприятий всех форм собственности, регулярно совершать профилактический обход территории обслуживаемого участка. Профилактический обход включает в себя проверку жилого сектора (в том числе подъездов, чердачных и подвальных помещений жилых домов, пустующих и подлежащих сносу строений), промышленных, производственных и административных зданий режимных объектов; посещение лиц, состоящих на профилактических учетах в органах внутренних дел; ознакомление с жильцами квартир, с объектами, расположенными на административном участке.

Практика показывает, что ограниченные в средствах и мерах социальной поддержки мигранты вынуждены снимать квартиры с невысокой оплатой, близко расположенные к возможному месту работы. Причем хозяева квартир сочувственно относятся к мигрантам.

Не секрет, что современный рынок съемного жилья изобилует предложениями. При всем богатстве выбора мигранты в своем большинстве предпочитают действовать по отлаженной схеме – арендуемое жилье или сведения о подходящих вариантах передают друг другу по родственным, земляческим и иным устойчивым социальным связям. Если же плата за поднаем квартиры не устраивает мигрантов, они увеличивают число постояльцев либо пытаются убедить хозяев быть к ним снисходительнее. В большинстве случаев хозяева идут на уступки, так как избавиться от «мигрантов-квартирантов» в действительности не просто. Арендуемые помещения мигранты основательно адаптируют под себя, явно не рассчитывая на скорый выезд. Н.Н. Нуралиев, описывая проблемы трудовой миграции из Таджикистана в Россию, указывает: «Мигранты живут кучно, на одной

¹ Часть 1 ст. 25.10 Федерального закона от 15 августа 1996 г. № 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» (в ред. от 6 декабря 2011 г.).

жилплощади селятся много человек. Квартиры, которые они снимают, часто не отвечают самым минимальным санитарно-гигиеническим стандартам»¹.

Под сочувствием хозяев к мигрантам подразумевается не столько сострадание и толерантное отношение к ним, сколько безразличие хозяев к своей собственности, прямая заинтересованность в получении денег (иных материальных благ) за сдачу своих квартир. При этом их не настораживает возможность наступления общественно опасных последствий. Социальное положение таких людей обычно невысокое: в большинстве случаев это люди, злоупотребляющие алкоголем, неработающие (иждивенцы) либо занимающиеся низкоквалифицированным и малооплачиваемым трудом, и уровень их материального достатка зависит от возможности распоряжаться определенным имуществом (комнатой, квартирой и т.д.).

Близость места пребывания (проживания) к месту работы мигрантов является существенным показателем. В первую очередь это сопряжено с прогнозированием вероятных «неприятностей», в частности, встречи с полицией. Мигранты стараются избегать контактов с сотрудниками полиции. «Чтобы реже встречаться с полицией, нужно соблюдать несколько простых правил. Например, в метро избегать привокзальных станций. Громко с земляками на улице не разговаривать. На остановке общественного транспорта в руках держать солидную газету или томик Пушкина. Стараться походить на местных жителей: волосы опустить или плеер дешевый купить в палатке»². Дело доходит до выработки особых планов следования, в которых мигранты учитывают время и маршруты пешеходных и автомобильных патрулей полиции, открытость местности, график движения общественного транспорта.

Мотивация иностранцев (лиц без гражданства) к избеганию случайных встреч представителей МВД России пояснений не требует, особенно если существуют противоречия с законом. При этом форменная одежда сотрудников органов внутренних дел (ОВД) выступает в качестве «тревожного маячка». Форма полицейских подчеркивает государственно-властный характер их деятельности, официальность в общении с людьми. Не исключение и участковый уполномоченный полиции, который, выполняя служебные обязанности на закрепленном за ним административном участке, должен находиться в форменном обмундировании, кроме случаев исполнения специальных задач в рамках проведения оперативно-разыскных мероприятий.

Законность нахождения иностранного гражданина, лица без гражданства в месте пребывания (проживания) подтверждается наличием соответствующих документов. Участковый уполномоченный полиции вправе проверять документы, удостоверяющие личность граждан, если имеются данные, дающие основания подозревать их в совершении преступления или полагать, что они находятся в розыске, либо если имеется повод к возбуждению в отношении этих граждан дела об административном правонарушении, а равно если имеются основания для их задержания в случаях, предусмотренных федеральным законом³. Если предъявленные документы имеют признаки подделки, участковый имеет право изымать их.

Профессиональная компетентность УУП включает знание образцов документов, бланков, печатей, штампов, утвержденных действующими нормативными правовыми актами РФ в сфере миграции, а также умение выявлять признаки их подделки. Это важно потому, что многие мигранты из Средней Азии и Кавказа

¹ Нуралиев Н.Н. Проблемы трудовой миграции из Таджикистана в Россию // Социологические исследования. 2005. № 8. С. 68-72.

² Боброва О. Москові робота е // Новая газета. 2002. 14 ноября.

³ Подпункт 2 п. 1 ст. 13 гл. 3 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции».

прибегают при регистрации на территории РФ к помощи посредников, «в роли которых выступают государственные и частные агентства по трудоустройству и частные вербовщики (родственники, представители национальных диаспор и др.) как в России, так и в стране происхождения. Имеются случаи, когда посредники «делают» мигрантам фальшивую регистрацию и разрешение на работу»¹. Подделка миграционных документов в последнее время приобретает системный, «конвейерный» характер. В связи с этим 15 декабря 2011 г. в ходе «прямой линии с Путиным» одной из острых тем стал вопрос о регистрации граждан (в том числе иностранцев) по месту жительства. По словам В.В. Путина, наказание за нарушение правил может быть ужесточено вплоть до уголовного. В первую очередь это должно коснуться тех, кто десятками прописывает приезжих на своей жилплощади. «Мы ничего другого не придумаем, кроме того, чтобы ужесточать ответственность вплоть до уголовной. На мой взгляд, ничего страшного нет, если мы пойдем на ужесточение правил, требований регистрации», – отметил В.В. Путин².

На сегодняшний день предоставление жилого помещения или транспортного средства либо оказание иных услуг иностранному гражданину или лицу без гражданства, находящимся в РФ с нарушением установленного порядка или правил транзитного проезда через ее территорию, всего лишь влечет наложение административного штрафа: на граждан в размере от двух тысяч до четырех тысяч рублей; на должностных лиц – от двадцати пяти тысяч до тридцати тысяч рублей; на юридических лиц – от двухсот пятидесяти тысяч до трехсот тысяч рублей (ч. 3 ст. 18.9 КоАП РФ).

О проблеме миграции, ужесточении правил регистрации мигрантов и о введении уголовной ответственности за нарушение миграционных норм В.В. Путин также написал в своей статье «Россия: национальный вопрос». «Надо посмотреть, все ли необходимые для контроля такого поведения людей нормы содержатся в Административном и Уголовном кодексах, в регламентах органов внутренних дел. Речь идет об ужесточении права, введении уголовной ответственности за нарушение миграционных правил и норм регистрации. Иногда достаточно предупредить. Но если предупреждение будет опираться на конкретную правовую норму, оно будет более действенно»³.

При обработке жилого сектора участковым уполномоченным полиции особое внимание следует обращать на возможное проживание иностранцев-нелегалов в местах, не приспособленных для жилья (бытовки, рабочие и хозяйственные помещения), а также выявлять иностранцев без определенного места жительства, занимающихся бродяжничеством. Часто мигранты вынуждены соглашаться на неудовлетворительные условия проживания под давлением работодателя, по соображениям экономии средств или из-за проблем с самостоятельным обустройством. Как правило, выделяемое работодателем жилье представляет собой переоборудованные грузовые контейнеры на территории стройки либо место непосредственно в строящемся или реконструируемом здании. Обычно там отсутствуют нормальные санитарно-гигиенические условия, горячая вода и душ, в связи с этим появляется риск возникновения и распространения различных заболеваний, угрожающих здоровью самих мигрантов и окружающему населению.

На расширенном заседании комитета Совета Федерации по социальной политике 21 февраля 2012 г. глава Роспотребнадзора Г.Г. Онищенко предложил запретить расселение гастарбайтеров в подвалах жилых домов и внимательнее сле-

¹ Хьюман Р.В. Эксплуатация трудовых мигрантов в российском строительном секторе. URL: <http://www.hrw.org/sites/default/files/reports/russia0209ruweb.pdf> (дата обращения: 28.11.2011).

² Российская газета. 2011. 15 декабря.

³ Независимая газета. 2012. 23 января.

доть за условиями их труда и проживания. Он считает, что при приеме на работу трудовых мигрантов необходимо соблюдать «показатели минимального стандарта». Г. Онищенко отметил, что подобные условия проживания делают нелегальных мигрантов разносчиками многих опасных инфекционных заболеваний. «Если он нелегальный мигрант, значит, он ни в какое медицинское учреждение никогда не придет», – сказал главный государственный санитарный врач РФ, подчеркнув, что отсутствие медицинской помощи угрожает не только самим гастарбайтерам, но также и окружающим¹.

Статистика ужасает: например, в 2011 г. в России выявили 6114 трудовых мигрантов с опасными инфекционными и вирусными заболеваниями, при этом более чем у 1,2 тыс. из них была обнаружена ВИЧ-инфекция, а более чем у 2,6 тыс. – туберкулез. Но самое главное, что опасность представляют те, кто проживают в подвалах и иных помещениях нежилого фонда, их выявить невозможно².

При посещении места работы иностранного гражданина, участковый уполномоченный полиции вправе требовать от представителя проверяемого объекта всю необходимую информацию, позволяющую определить, в чьих интересах и по поручению кого на объекте проверки осуществляется трудовая деятельность иностранцами, с ведома кого они проживают (находятся) по данному адресу.

В.В. Путин на встрече 29 февраля 2012 г. с представителями Общероссийского народного фронта, доверенными лицами, политологами и журналистам заявил: «Есть возможность применять достаточно жесткие средства, если люди нарушают режим регистрации. И придется, наверное, на это пойти не только в интересах местных жителей, но и в интересах экономики, в интересах самих мигрантов, потому что иначе они попадают в абсолютно зависимое положение, и их труд используют почти как рабский. Потому что, как животных, людей собирают в подвалах каких-то и содержат. Это недопустимо в современном обществе»³.

Установление личности человека, совершившего административное правонарушение (в том числе в сфере миграции), – обязательное условие привлечения его к ответственности. Для идентификации правонарушителя УУП может использовать возможности регистрационного учета населения. Когда установить личность правонарушителя на месте не представляется возможным, «сомнительный» гражданин доставляется участковым в дежурную часть территориального отдела полиции, где возможно идентифицировать его личность и проверить по централизованным учетам ИЦ, АИС «Криминал». После доставления человека в дежурную часть, оперативный дежурный обязан принять от должностного лица, осуществившего доставление, письменный рапорт или рапорт с протоколом об административном правонарушении, установить личность доставленного лица, его возраст и место его жительства⁴. При наличии информации о возможной причастности иностранного гражданина к противоправным деяниям, а также в случае, если иностранный гражданин доставлен без документов либо с документами, которые содержат признаки поддельных, в установленном порядке проводится проверка указанных лиц по линии НЦБ Интерпола при МВД России⁵.

¹ URL: <http://novchronic.ru/8960.htm> (дата обращения: 24.02.2012).

² Там же.

³ URL: <http://putin2012.ru/events/356> (дата обращения: 01.03.2012).

⁴ Пункт 6.2 приказа МВД РФ от 1 апреля 2009 г. № 248 «Об утверждении наставления о порядке исполнения обязанностей и реализации прав милиции в дежурной части органов внутренних дел Российской Федерации после доставления граждан». URL: <http://www.garant.ru/hotlaw/federal/199365/> (дата обращения: 29.01.2012).

⁵ Пункт 29 приказа МВД РФ от 1 апреля 2009 г. № 248.

Резюмируя вышесказанное, можно с большой долей вероятности сказать, что коэффициент полезного действия (КПД) службы УУП по противодействию незаконной миграции складывается из результатов деятельности каждого участкового уполномоченного полиции на вверенном ему административном участке. Данный КПД УУП, несомненно, выше, когда налажено правильное и непрерывное взаимодействие с ТО ФМС России. Взаимодействие УУП и сотрудников ТО ФМС России в противодействии незаконной миграции есть организованная совместная деятельность этих служб по исполнению государственных функций контроля и надзора за соблюдением положений миграционного законодательства РФ иностранными гражданами и лицами без гражданства, в ходе которой мероприятия, осуществляемые участковым уполномоченным полиции на своем административном участке, функционально связаны с работой ТО ФМС. При этом на УУП возлагаются следующие обязанности:

1. Вести списочный учет постоянно проживающих на административном участке иностранных граждан.

2. Ежедневно собирать и фиксировать информацию о квартирах (частных домах), сдаваемых в аренду, в том числе иностранным гражданам и лицам без гражданства.

3. Знать места проживания иностранных граждан, включая объекты жилого и социального назначения, где могут фактически быть зарегистрированы и проживать иностранные граждане.

4. Ежемесячно осуществлять проверки их фактического проживания. Проверка может осуществляться путем непосредственного посещения как постоянно, так и временно проживающего иностранного гражданина и лица без гражданства. Такие посещения особенно необходимы в то время, когда у иностранца истекает срок действия разрешения на временное проживание или вида на жительство.

5. По письменным запросам подразделений ФМС России в отношении лиц, обратившихся по вопросу приобретения гражданства Российской Федерации, проводить проверку фактического проживания данных лиц по месту регистрации, а также подтверждения их трудовой деятельности. О результатах проверки в месячный срок направлять рапорт инициатору запроса.

6. Лицам, получившим статус беженца или вынужденного переселенца, разъяснять правила пребывания (проживания) на территории Российской Федерации.

7. Разъяснить иностранным гражданам, имеющим вид на жительство, их обязанность не позднее чем за шесть месяцев до истечения срока окончания вида на жительство обратиться в ФМС России по вопросу продления срока его действия и предупредить об ответственности за проживание по недействительному документу¹.

8. Регулярно, не реже одного раза в квартал, контролировать соблюдение должностными и физическими лицами, выступающими в качестве принимающей стороны², обязанностей, связанных с пребыванием (проживанием) иностранных граждан, лиц без гражданства и осуществлением ими трудовой деятельности.

¹ Приказ ФМС России от 29 февраля 2008 г. № 41 «Об утверждении Административного регламента по предоставлению Федеральной миграционной службой государственной услуги по выдаче иностранцам и лицам без гражданства вида на жительство в Российской Федерации». URL: <http://www.fms.gov.ru/documents/residence/> (дата обращения: 29.01.2012).

² В соответствии с Федеральным законом от 20 марта 2011 г. № 42-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» принимающая сторона – гражданин РФ, постоянно проживающие в РФ ино-

9. Поддерживать деловые контакты с администрацией и отделами кадров предприятий, учреждений и организаций, привлекающих иностранную рабочую силу. Проверять рабочие помещения, территории использования иностранной рабочей силы этими предприятиями, учреждениями и организациями в целях выявления принятых на работу иностранных граждан, не имеющих разрешения на работу либо на пребывание в данной местности.

10. Проводить работу в жилом секторе по выявлению иностранных граждан, проживающих без регистрации или соответствующих документов.

11. Иметь сведения обо всех гражданах, получивших разрешение на приглашение иностранных граждан на въезд в РФ, разъяснять им правила пребывания иностранных граждан в РФ, порядок их регистрации, передвижения и выезда за пределы РФ по истечении определенного срока пребывания, напоминать об ответственности за допущенные нарушения.

12. Информировать о выявленных нарушениях в установленном порядке ТО ФМС России, пресекать незаконные действия должностных и физических лиц, связанные с пребыванием, регистрацией, использованием труда мигрантов.

13. Принимать участие в розыске иностранных граждан, скрывшихся от учета ОВД и ФМС России.

14. Вести учет правонарушений, совершаемых иностранцами (лицами без гражданства) на обслуживаемом административном участке.

Участковые уполномоченные полиции, вступая в отношения с иностранными гражданами и лицами без гражданства, обязаны проявлять бдительность, быть тактичными, выдержанными, корректными и вежливыми, помнить об исполнении служебного долга.

Успешное решение участковым задач по обеспечению режима пребывания иностранных граждан или лиц без гражданства в пределах своего административного участка зависит от добросовестного отношения к исполнению своих служебных обязанностей, от уровня их правовой культуры и юридической грамотности, от профессионализма, опытности и даже от человеческих качеств. Ведь участковый уполномоченный – должностное лицо ОВД, которое находится ближе всех к населению и которое первым стремится на помощь каждому, кто нуждается в его защите от преступных и иных противоправных посягательств.

Литература

1. Воронкова В., Гладарева Б., Сагитова Л. Милиция и этнические мигранты: практика взаимодействия. СПб.: Алтей, 2011.
2. Зубач А.В., Кокорев А.Н. Административная деятельность органов внутренних дел в вопросах и ответах. М.: Московский ун-т МВД России; Щит-М, 2006.
3. Нуралиев Н.Н. Проблемы трудовой миграции из Таджикистана в Россию // Социологические исследования. 2005. № 8. С. 68-72.

иностранного гражданина или лицо без гражданства, юридическое лицо, филиал или представительство юридического лица, федеральный орган государственной власти, орган государственной власти субъекта РФ, орган местного самоуправления, дипломатическое представительство либо консульское учреждение иностранного государства в РФ, международная организация или ее представительство в РФ либо представительство иностранного государства при международной организации, находящейся в РФ, у которых иностранный гражданин или лицо без гражданства фактически проживает или осуществляет трудовую деятельность (находится). В качестве принимающей стороны в отношении членов своей семьи могут выступать также иностранный гражданин или лицо без гражданства, относящиеся к высококвалифицированным специалистам и имеющие в собственности жилое помещение на территории РФ.

Уголовная ответственность лиц, выполняющих охранную и детективную функцию: история и современность

Роман Евгеньевич Швецов, аспирант Хабаровской государственной академии экономики и права

УДК 343.3/.7

В статье идет речь о проблемных вопросах привлечения лиц, выполняющих охранную и детективную деятельность, к уголовной ответственности за превышение полномочий, в частности, сопровождавшееся применением насилия.

Ключевые слова: частная детективная и охранная деятельность, применение насилия, тяжкие последствия, превышение полномочий.

Возрождение в России частной детективной деятельности (сыска) пришлось на конец XX в., когда принятие 11 марта 1992 г. Закона РФ «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации» положило начало ее развитию как нового элемента негосударственной правоохранительной системы РФ.

Частная детективная и охранная деятельность была официально узаконена и стала одной из быстро развивающихся отраслей предпринимательства.

Вместе с тем в УК РФ 1996 г. были введены специальные нормы о превышении полномочий служащими частных охранных и детективных служб – ст. 203 «Превышение полномочий служащими частных охранных или детективных служб».

Для привлечения к уголовной ответственности, кроме обязательных действий по превышению полномочий, было необходимо наличие такого признака объективной стороны, как применение насилия или угроза его применения. Если же названный признак отсутствовал, то частные охранники и детективы не подлежали привлечению не только к уголовной, но и административной ответственности, т.к. КоАП РСФСР 1984 г. не содержал норм об ответственности частных детективов и охранников. Они могли привлекаться к уголовной ответственности только за самостоятельные преступления (ст. 137-139 УК РФ). С принятием КоАП РФ в 2001 г. вышеназванные лица стали привлекаться к административной ответственности по ст. 20.16 «Незаконная частная детективная или охранная деятельность».

Анализ законодательства и правоприменительной практики показывает тенденцию расширения оснований уголовной ответственности за служебные правонарушения.

Следует отметить, что в течение 12 лет с момента принятия УК РФ 1996 г. статья 203 не претерпевала значительных изменений, и только в 2008 г. Федеральный закон № 272-ФЗ (вступил в силу 1 января 2010 г.) изложил данную статью в новой редакции:

«Статья 203. Превышение полномочий частным детективом или работником частной охранной организации, имеющим удостоверение частного охранника, при выполнении ими своих должностных обязанностей

1. Совершение частным детективом или работником частной охранной организации, имеющим удостоверение частного охранника, действий, выходящих за пределы полномочий, установленных законодательством Российской Федерации, регламентирующим осуществление частной охранной и детективной деятельности, и повлекших существенное нарушение прав и законных интересов граждан и (или) организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства...

2. То же деяние, совершенное с применением насилия или с угрозой его применения либо с использованием оружия или специальных средств и повлекшее тяжкие последствия...».

Вследствие необходимости защиты более широкого круга отношений, разумно поступил законодатель при определении последствий преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 203 УК РФ, признав таковыми «существенное нарушение прав и законных интересов граждан и (или) организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства» и одновременно преобразовав признак «применение насилия или угрозы его применения» из конструктивного в квалифицирующий (ч. 2 ст. 203 УК РФ). Тем самым стала обеспечиваться охрана значительно более широкого круга социально значимых отношений и ценностей¹.

«Существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства» – юридическая конструкция, несовершенная в той части, в которой она игнорирует иерархию охраняемых законом ценностей. Охватывая своим содержанием всевозможные разновидности вреда, эта конструкция не способствует обеспечению дифференциации ответственности в зависимости от характера общественно опасных последствий².

В абз. 2 п. 18 Постановления Верховного Суда РФ от 16 октября 2009 г. № 19 данная конструкция получила разъяснение: под существенным нарушением прав граждан или организаций следует понимать нарушение прав и свобод физических и юридических лиц, гарантированных общепризнанными принципами и нормами международного права, Конституцией Российской Федерации (например, права на уважение чести и достоинства личности, личной и семейной жизни граждан, права на неприкосновенность жилища и тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, а также права на судебную защиту и доступ к правосудию, в том числе права на эффективное средство правовой защиты в государственном органе и компенсацию ущерба, причиненного преступлением, и др.). Под нарушением законных интересов граждан или организаций Верховный Суд РФ рекомендует понимать, в частности, создание препятствий в удовлетворении гражданами или организациями своих потребностей, не противоречащих нормам права и общественной нравственности (например, создание должностным лицом препятствий, ограничивающих возможность выбрать в предусмотренных законом случаях по своему усмотрению организацию для сотрудничества). При оценке существенности вреда Верховный Суд предлагает учитывать степень отрицательного влияния противоправного деяния на нормальную работу организации, характер и размер понесенного ею материального ущерба, число потерпевших граждан, тяжесть причиненного им физического, морального или имущественного вреда и т.п.

Вышеприведенные судебные разъяснения даны применительно к составам преступлений, предусмотренных ст. 285 и 286 УК РФ. Но можно предположить, что эти рекомендации могут приниматься во внимание и при применении ч. 1 ст. 203 УК РФ. Правда, такое расширение сферы действия источника судебной власти допустимо с оговорками, прежде всего связанными с социально-правовой природой совершенного преступления, и поправками на его объект, форму вины, другие существенные признаки³.

¹ Безверхов А.Г. Тенденции развития отечественного законодательства о служебных правонарушениях: продолжение уголовно-правового анализа // Российская юстиция. 2010. № 8. С.2.

² Там же.

³ Безверхов А. Оценка изменений уголовного законодательства о служебных правонарушениях и практики его применения // Уголовное право. 2010. № 3. С.3.

Несмотря на вышеуказанные изменения, при квалификации данного состава возникают проблемы.

Понятием насилия охватывается широкий круг соответствующих действий. В других статьях УК РФ законодатель выделяет насилие, опасное для жизни или здоровья, или угрозу применения такого насилия и насилие, не опасное для жизни или здоровья, или угрозу применения такого насилия. При этом в п. 21 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» разъясняется, что под насилием, не опасным для жизни или здоровья, следует понимать побои или совершение иных насильственных действий, связанных с причинением потерпевшему физической боли либо с ограничением его свободы (связывание рук, применение наручников, оставление в закрытом помещении и др.). Под насилием, опасным для жизни или здоровья, следует понимать такое насилие, которое повлекло причинение тяжкого и средней тяжести вреда здоровью потерпевшего, а также причинение легкого вреда здоровью, вызвавшего кратковременное расстройство здоровья или незначительную стойкую утрату трудоспособности. Представляется, что данным разъяснением следует руководствоваться и при определении насилия в ч. 2 ст. 203 УК РФ. Таким образом, понятием насилия в ч. 2 ст. 203 УК РФ охватываются обе отмеченные его разновидности. Кроме того, угроза применения названных видов насилия также квалифицируется по ч. 2 ст. 203 УК РФ. Важно отметить, что норма, изложенная в ч. 2 ст. 203 УК РФ, конкурирует как целое и часть с теми нормами, в которых устанавливается ответственность за отдельные разновидности насилия, например, ст. 111, 112 и др. При такой конкуренции предпочтение при квалификации должно отдаваться норме-целому, т.е. изложенной в ч. 2 ст. 203 УК РФ. Вместе с тем в теории уголовного права и судебно-следственной практике выработано правило, в соответствии с которым, если УК РФ за конкретную разновидность насилия, охватываемую нормой-частью, предусматривает более строгое наказание, то соблюдение принципа справедливости диктует необходимость квалификации содеянного по совокупности преступлений.

В санкции ч. 2 ст. 203 УК РФ предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок до семи лет. Представляется, что с учетом отмеченного правила превышение полномочий, сопровождавшееся применением насилия, выразившегося в причинении тяжкого вреда здоровью, предусмотренного любой из частей ст. 111 УК РФ, должно квалифицироваться по совокупности преступлений, тем более это касается убийства (ст. 105 УК РФ). Остальные разновидности вреда здоровью, исходя из сравнения санкций, дополнительной квалификации не требуют¹. Но судебная практика говорит об обратном. Так, Гагаринский районный суд г. Москвы квалифицировал действия Кашенова В.В. по совокупности преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 112, ч. 2 ст. 203 УК РФ. Это свидетельствует о недостаточной разработанности научной доктрины в данном вопросе.

Из буквального толкования ч. 2 ст. 203 УК РФ следует, что обязательным условием ответственности за превышение полномочий, сопровождавшееся применением насилия или угрозой его применения либо использованием оружия или специальных средств, должно являться наступление тяжких последствий в результате содеянного.

В связи с этим необходимо обратить внимание на ряд моментов. Прежде всего на то, что к числу таких последствий могут быть отнесены причинение вреда здоровью нескольких потерпевших, причинение тяжкого вреда здоровью, убийство и т.д.

¹ Шнитенков А.В. Комментарий к главе 23 Уголовного кодекса Российской Федерации «Преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях». М.: Юстицинформ, 2011. С.17.

При этом, как указывалось выше, понятием насилия охватываются любые его разновидности. Если оно выразилось в причинении тяжкого вреда здоровью потерпевшего или в убийстве последнего, то такие последствия, безусловно, правомерно признавать тяжкими. При нанесении, например, побоев или причинении легкого вреда здоровью потерпевшего возникает вопрос о возможности квалификации содеянного по ч. 2 ст. 203 УК РФ. Неоспорим факт, что виновным было применено насилие, но можно ли считать его последствия тяжкими? Если нет, то в таком случае преступление должно быть квалифицировано по ч. 1 ст. 203 УК РФ и по совокупности преступлений (ст. 116 и 112).

Отсюда можно сделать следующие выводы. Либо законодатель посчитал, что не все действия, связанные с применением насилия или угрозой его применения, а равно использованием оружия или специальных средств, должны влечь ответственность по ч. 2 ст. 203 УК РФ. В таком случае требуется дополнительно установить наличие тяжких последствий. Либо при внесении изменений в ч. 2 ст. 203 УК РФ была допущена неточность, выразившаяся в том, что вместо союза «и» следовало использовать союз «или». Тогда все перечисленные в ч. 2 ст. 203 УК РФ признаки являлись бы альтернативными. В настоящее время суды при рассмотрении преступлений по ст. 203 УК РФ в случае применения насилия, не повлекшего тяжких последствий, квалифицируют действия виновных лиц по совокупности ч. 1 ст. 203 и ст. 116 УК РФ¹.

В заключение важно отметить, что в настоящее время нет должной и точной законодательной, а также доктринальной позиции по квалификации преступлений, предусмотренных ч. 1 и 2 ст. 203 УК РФ, в связи с этим возникают проблемы у органов дознания и судов при принятии решений по данным уголовным делам. Указанные вопросы нуждаются в разрешении на доктринальном и законодательном уровне.

Литература

1. Безверхов А. Оценка изменений уголовного законодательства о служебных нарушениях и практики его применения // Уголовное право. 2010. № 3.
2. Безверхов А.Г. Тенденции развития отечественного законодательства о служебных правонарушениях: продолжение уголовно-правового анализа // Российская юстиция. 2010. № 8.
3. Бодрягина О., Фетисов А. Ох, рьяно взялись за охрану // ЭЖ-Юрист. 2008. № 50.
4. Кузнецов А.П., Изосимов С.В. Ответственность за превышение полномочий служащими частных охранных или детективных служб // Юрист. 2008. № 11, 12.
5. Пономарев А.Ю. Проблемы осуществления охранно-сыскными структурами правоохранительной деятельности // Административное право и процесс. 2008. № 5.
6. Шаронов С.А., Мелихов В.М., Гайдым И.В. Договорное регулирование услуг частной охранной деятельности: науч.-практ. пособие // Подготовлено для СПС «КонсультантПлюс», 2009.
7. Шнитенков А.В. Комментарий к главе 23 Уголовного кодекса Российской Федерации «Преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях». М.: Юстицинформ, 2011.

Особо охраняемые природные территории как объекты уголовно-правовой защиты

Светлана Александровна Выходцева, старший следователь

¹ Кузнецов А.П., Изосимов С.В. Ответственность за превышение полномочий служащими частных охранных или детективных служб // Юрист. 2008. № 11. С. 7.

УДК 343.3/.7

Данная статья посвящена проблемам уголовно-правовой защиты особо охраняемых природных территорий и природных объектов (комплексов), имеющих международный статус.

Ключевые слова: особо охраняемые природные территории, природные объекты, природные комплексы, уголовно-правовая защита, водно-болотные угодья, территории традиционного природопользования.

Современная система особо охраняемых природных территорий в настоящее время насчитывает 13 117 объектов, включая 102 государственных природных заповедника, 43 национальных парка, 71 государственный природный заказник федерального значения, а также 2197 государственных природных заказников регионального значения, 7297 памятников природы (в том числе 32 – федерального значения), 61 природный парк (регионального значения), 92 дендрологических парка и ботанических сада, 169 лечебно-оздоровительных местностей и курортов. Кроме того, уже создано 3085 объектовых категорий особо охраняемых природных территорий федерального, регионального и местного значения.

В соответствии с Федеральным законом от 14 марта 1995 г. № 33-ФЗ «Об особо охраняемых природных территориях» современная система особо охраняемых природных территорий определяет семь основных категорий таких территорий, которые отличаются друг от друга поставленными перед ними задачами, особенностями правового статуса, режимом особой охраны и статусом природоохранных учреждений:

- 1) государственные природные заповедники, в том числе биосферные;
- 2) национальные парки;
- 3) природные парки;
- 4) государственные природные заказники;
- 5) памятники природы;
- 6) дендрологические парки и ботанические сады;
- 7) лечебно-оздоровительные местности и курорты.

Кроме того, Правительство РФ, соответствующие органы исполнительной власти субъектов РФ, органы местного самоуправления могут устанавливать и иные категории особо охраняемых природных территорий (территории, на которых находятся памятники садово-паркового искусства, охраняемые береговые линии, охраняемые речные системы, охраняемые природные ландшафты, биологические станции, микрозаповедники, экологические коридоры и другие).

Государственными природными заповедниками являются природоохранные, научно-исследовательские и эколого-просветительские учреждения, имеющие целью сохранение и изучение естественного хода природных процессов и явлений, генетического фонда растительного и животного мира, отдельных видов и сообществ растений и животных, типичных и уникальных экологических систем (ст. 6 ФЗ «Об особо охраняемых природных территориях»).

Национальные парки являются природоохранными, эколого-просветительскими и научно-исследовательскими учреждениями, территории (акватории) которых включают в себя природные комплексы и объекты, имеющие особую экологическую, историческую и эстетическую ценность, и предназначены для использования в природоохранных, просветительских, научных и культурных целях и для регулируемого туризма (ст. 12 ФЗ «Об особо охраняемых природных территориях»).

Природные парки – природоохранные рекреационные учреждения, находящиеся в ведении субъектов РФ, территории (акватории) которых включают в себя природные комплексы и объекты, имеющие значительную экологическую и эстетическую ценность, и предназначены для использования в природоохранных, просветительских и рекреационных целях (ст.18 ФЗ «Об особо охраняемых природных территориях»).

Государственными природными заказниками являются территории (акватории), имеющие особое значение для *сохранения или восстановления* природных комплексов или их компонентов и поддержания экологического баланса.

Памятники природы – уникальные, невозполнимые, ценные в экологическом, научном, культурном и эстетическом отношении природные комплексы, а также объекты естественного и искусственного происхождения (ст. 25 ФЗ «Об особо охраняемых природных территориях»).

Дендрологические парки и ботанические сады являются природоохранными учреждениями, в задачи которых входит создание специальных коллекций растений в целях *сохранения разнообразия* и обогащения растительного мира, а также осуществление научной, учебной и просветительской деятельности (ст. 28 ФЗ «Об особо охраняемых природных территориях»).

Лечебно-оздоровительные местности и курорты. Территории (акватории), пригодные для организации лечения и профилактики заболеваний, а также отдыха населения и обладающие природными лечебными ресурсами (минеральные воды, лечебные грязи, рапа лиманов и озер, лечебный климат, пляжи, части акваторий внутренних морей, другие природные объекты и условия), могут быть отнесены к лечебно-оздоровительным местностям (ст. 31 ФЗ «Об особо охраняемых природных территориях»).

В целях уголовно-правовой защиты в Уголовном кодексе РФ предусмотрена ст. 262 «Нарушение режима особо охраняемых природных территорий, природных объектов», которая предусматривает уголовную ответственность за нарушение режима заповедников, заказников, национальных парков и других особо охраняемых природных территорий, повлекшее причинение значительного ущерба.

Кроме указанных в Федеральном законе «Об особо охраняемых природных территориях» особо охраняемыми территориями являются территории традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ. Так, в ст. 1 Федерального закона от 7 мая 2001 г. № 49-ФЗ «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» такими территориями являются особо охраняемые природные территории, образованные для ведения традиционного природопользования и традиционного образа жизни коренными малочисленными народами Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации. На наш взгляд, данное положение противоречит законодательству об особо охраняемых природных территориях. Согласно Федеральному закону «Об особо охраняемых природных территориях», особо охраняемыми природными территориями являются участки земли, водной поверхности и воздушного пространства над ними, где располагаются природные комплексы и объекты, которые имеют особое природоохранное, научное, культурное, эстетическое, рекреационное и оздоровительное значение, которые изъяты решениями органов государственной власти полностью или частично из хозяйственного использования и для которых установлен режим особой охраны. Целями создания особо охраняемых природных территорий является сохранение уникальных и типичных природных комплексов и объектов, достопримечательных природных образований, объектов растительного и животного мира, их генетического фонда, изучение естественных процессов в биосфере и контроль за изменением ее состояния,

экологическое воспитание населения. С этой же целью на особо охраняемых природных территориях устанавливается особый режим охраны, за нарушение которого предусматривается административная и уголовная ответственность. Территории же традиционного природопользования созданы с целью защиты исконной среды обитания и традиционного образа жизни малочисленных народов, сохранения и развития самобытной культуры малочисленных народов. И несмотря на то, что в ст. 4 Закона «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» определено, что целью указанного закона является и сохранение на территориях традиционного природопользования биологического разнообразия, все же территориями традиционного природопользования являются природные территории, образованные для ведения традиционного образа жизни коренными малочисленными народами, используя природные ресурсы, а не для сохранения в нетронутом виде природных комплексов и объектов, что является целью создания заповедников как особо охраняемой природной территории.

На наш взгляд, территории традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации не должны являться особо охраняемыми природными территориями в связи с диаметрально противоположными целями их создания.

Для решения данного вопроса Министерством регионального развития РФ был подготовлен проект федерального закона «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации». В данном проекте были устранены противоречия, имевшие место в двух законах. Под территориями традиционного природопользования в нем понимались участки земли, акватории с особыми условиями использования, на которых располагаются природные комплексы и объекты, используемые для осуществления традиционного природопользования. Однако данный закон до настоящего времени не одобрен Правительством РФ.

Особо хотелось затронуть проблему охраны флоры и фауны на водно-болотных угодьях (далее – ВБУ). ВБУ не входят в систему особо охраняемых природных территорий (далее – ООПТ). В Законе «Об особо охраняемых природных территориях РФ» нет указания на такую категорию ООПТ, как водно-болотные угодья. Однако в последние годы проблема сохранения и защиты водно-болотных угодий вышла на одно из первых мест в системе приоритетов охраны окружающей среды. В настоящее время многие типы водно-болотных угодий России (многие речные системы, южные травянистые болота и торфяники, экосистемы морей, омывающих берега западных частей страны) сильно нарушены. Основным механизмом охраны водно-болотных угодий на международном уровне в настоящее время является Конвенция о водно-болотных угодьях, имеющих международное значение, главным образом в качестве местобитаний водоплавающих птиц (Рамсар, 2 февраля 1971 г.). В рамках конвенции создан Список водно-болотных угодий международного значения, находящихся под особой охраной Конвенции. Россия (в составе СССР) присоединилась к Рамсарской конвенции в 1975 г. Постановлением Правительства РФ от 13 сентября 1994 г. № 1050¹ утвержден список из 35 Рамсарских угодий России общей площадью около 10 млн га и даны указания к определению границ ВБУ и разработке положений о ВБУ, определению порядка природопользования и охраны данных водно-болотных угодий. В большинстве своем водно-болотные угодья международного значения находятся в границах различных особо охраняемых природных территорий (заповедников, заказников, национальных парков и т.п.), на которые распространяется осо-

¹ СПС «КонсультантПлюс».

бый режим охраны, присущий данной категории ООПТ, и соответственно любое нарушение режима охраны данной территории, где расположено ВБУ международного значения, повлекшее причинение значительного ущерба, подпадает под юрисдикцию ст. 262 УК РФ. Однако не все водно-болотные угодья международного значения находятся в границах особо охраняемых природных территорий и соответственно не подпадают под уголовно-правовую защиту. В среднем всего около 60 % площади Рамсарских угодий занято охраняемыми территориями различного статуса¹. Некоторые Рамсарские угодья (Веселовское водохранилище, Бреховские острова (внутренняя дельта Енисея), дельта реки Горбита) вообще не имеют природоохранного статуса, а другие (Маньч-Гудило, Кандалакшский залив, Парапольский дол, озеро Болонь и др.) частично находятся в границах особо охраняемых природных территорий.

Кроме водно-болотных угодьев международного значения, некоторые российские особо охраняемые природные территории также имеют международный статус. Так, статус объекта Всемирного наследия ЮНЕСКО на основании Конвенции об охране Всемирного культурного и природного наследия имеют 30 российских ООПТ, в числе которых 12 государственных природных заповедников и 5 государственных природных национальных парков, которые включены в состав 10 объектов Всемирного природного наследия (девственные леса Коми, озеро Байкал, вулканы Камчатки, Центральный Сихотэ-Алинь, Золотые горы Алтая, Западный Кавказ, Убсунурская котловина, Куршская коса, остров Врангеля, Плато Путорана)². Территории всех перечисленных объектов находятся в границах особо охраняемых природных территорий, за исключением «Озера Байкал», у которого из 8,8 млн га занимаемой территории в границах особо охраняемых природных территорий (а именно заповедника «Байкальский», «Баргузинский», «Байкало-Ленский», национальных парков «Прибайкальский», «Забайкальский, заказников «Фролихинский», «Кабанский» и частично национального парка «Тункинский») находится только 2,8 млн га, часть «Озера Байкал» в 6 млн га находится вне границ особо охраняемых природных территорий, и противоправные действия, совершенные на этих территориях, не подпадают под действие ст. 262 УК РФ. Данные обстоятельства указывают на несовершенство законодательства в сфере охраны особо охраняемых природных территорий. В силу имеющегося особого международного статуса данных объектов они должны подлежать уголовно-правовой защите.

Проведенный опрос работников правоохранительных органов и природоохранных учреждений показало, что 90 % респондентов на вопрос «Необходимо ли введение уголовной ответственности за нарушение режима особой охраны природных объектов, имеющих международное значение» ответили положительно.

В силу того, что ВБУ международного значения и объекты всемирного природного наследия все-таки частично находятся в границах особо охраняемых природных территорий, их необходимо отнести к природным объектам и комплексам международного значения с последующей их усиленной уголовно-правовой защитой.

Под природным объектом международного значения, на наш взгляд, должны пониматься естественные экологические системы, природные ландшафты и составляющие их элементы, сохранившие свои природные свойства, находящиеся под особой охраной государства, имеющие установленный режим охраны, подпадающие под защиту международных конвенций.

¹ Wetlands International global site. URL <http://russia.wetlands.org/OurWetlands/OverviewofallwetlandswithRamsarstatus/tabid/610/language/ru-RU/Default.aspx> (дата обращения: 19.01.2012).

² Тысяча чудес света. Памятники природы и культуры. Объекты Всемирного наследия ЮНЕСКО. СПб.: ООО «СЗКЭО», 2007. С. 227-248.

Под природным комплексом международного значения должны пониматься функционально и естественно связанные между собой природные объекты, объединенные географическими и иными соответствующими признаками, находящиеся под охраной государства, имеющие установленный режим охраны, подпадающие под защиту международных конвенций.

В целях оптимизации уголовно-правовой защиты особо охраняемых природных территорий целесообразно расширить предмет ст. 262 УК РФ, включив в него природные комплексы и объекты международного значения.

Литература

1. Тысяча чудес света. Памятники природы и культуры. Объекты Всемирного наследия ЮНЕСКО. СПб.: ООО «СЗКЭО», 2007.

Об особенностях отдельных стадий контрольно-ревизионного производства в органах внутренних дел

*Светлана Леонардовна Завьялова, преподаватель
Дальневосточного юридического института МВД России*

УДК 35.078.3

В статье автор определяет финансовый контроль в органах внутренних дел как специфический вид административно-процессуальной деятельности, раскрывает особенности контрольно-ревизионного производства в Министерстве внутренних дел Российской Федерации, подчеркивает его значение в достижении основной цели финансового контроля – выявление и предупреждение нарушений в финансово-хозяйственной деятельности.

Ключевые слова: финансовый контроль, административное расследование, контрольно-ревизионное производство, акт контрольно-проверочного мероприятия.

В настоящее время в финансовой сфере меняются границы правового регулирования, возрастает роль экономических регуляторов, появляются новые их виды.

Финансовый контроль мы рассматриваем как один из видов поэтапно осуществляемой административно-процессуальной деятельности в Министерстве внутренних дел, который нашел свое воплощение в форме контрольно-ревизионного производства, состоящего из нескольких, последовательно сменяющих друг друга стадий, содержание и некоторые особенности которых будут проанализированы в данной статье.

Правовые основы и процедуры осуществления финансового контроля в Министерстве внутренних дел определены ведомственными и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и муниципальными правовыми актами органов местного самоуправления (например, Закон Республики Саха (Якутия) от 22 марта 2006 г. 320-3 № 653-III «О государственном финансовом контроле в Республике Саха (Якутия)»¹, Решение Хабаровской городской думы от 21 февраля 2012 г. № 545 «Об утверждении Положения

¹ Якутские ведомости. 2006. № 29.

о бюджетном процессе в городском округе «г. Хабаровск»¹, Положение о контрольно-счетной палате города Благовещенска²). Вместе с тем некоторые вопросы, возникающие в ходе осуществления указанного нами вида административно-процессуальной деятельности в органах внутренних дел, либо вообще не урегулированы, либо урегулированы не полностью. Предложенная система стадий призвана выстроить нормативную модель осуществления контрольно-ревизионного производства в целях решения возникающих при проведении финансового контроля вопросов и быстрого достижения окончательного результата – выявление и устранение нарушений в ведении финансово-хозяйственной деятельности.

Итак, контрольно-ревизионное производство имеет пять обязательных стадий: 1) возбуждение дела (подготовительный этап, составление плана проведения проверочного мероприятия); 2) административное расследование (проведение проверочного мероприятия, составление акта контрольно-проверочного мероприятия и заключения); 3) рассмотрение дела компетентным органом по существу и вынесение решения (изучение материалов финансового контроля, принятие решения, направление дела по подведомственности); 4) пересмотр решения по делу (рассмотрение начальником территориального органа МВД России рапорта (жалобы) сотрудников и служащих; принятие решения по результатам рассмотрения рапорта (жалобы) сотрудников и служащих); 5) исполнение решения, принятого по результатам рассмотрения материалов контрольно-проверочных мероприятий, или контроль за исполнением предложений, направленных на устранение выявленных в ходе проверочных мероприятий нарушений финансово-хозяйственной деятельности.

Стадия пересмотра решения, принятого по результатам контрольно-проверочного мероприятия в порядке надзора в органах внутренних дел, не развита и имеет факультативный характер.

В рамках данной статьи представляется возможным проанализировать наиболее актуальные вопросы осуществления контрольно-ревизионного производства на первых двух стадиях.

В рассматриваемом нами производстве поводом для его возбуждения является план работы контролеров (ревизоров Министерства внутренних дел РФ, Пенсионного фонда РФ, инспекторов Счетной палаты РФ и Федеральной службы по финансово-бюджетному надзору). Следовательно, для начала первой стадии контрольно-ревизионного производства не обязательно наличие события нарушения при осуществлении финансово-хозяйственной деятельности (если сравнивать с возбуждением дела об административном правонарушении, то в соответствии со ст. 28.1 КоАП РФ возбуждение дела связано с наличием определенных поводов и оснований, для установления которых необходимо осуществление, например, проверочных действий, определяющих наличие либо отсутствие правонарушения).

Отличительной особенностью контрольно-ревизионного производства является то, что помимо повода основанием для его возбуждения служит наличие предписания, указывающего ревизуемый объект, вид и сроки проведения контрольно-проверочного мероприятия и субъект, его осуществляющий. Подготовка к проведению ревизий и проверок составляет первый – *подготовительный* этап. Наименование его обусловлено содержанием: подготовка к проведению проверочного мероприятия, которая выражается в ознакомлении с нормативными документами ревизуемого субъекта и регламентирующими проведение финансового контроля в МВД России.

¹ Хабаровские вести. 2012. 6 марта.

² Решение Благовещенской городской думы от 30 марта 2006 г. № 12/34 // Благовещенск. 2006. № 15.

Следующим шагом данной стадии мы видим *составление плана проведения проверочного мероприятия*. Наряду с планом мы предлагаем составлять и программу (в содержание которой включать проверку соответствия остатка денежных средств в кассе и содержания хозяйственных операций, соблюдения установленного порядка ведения бухгалтерского учета) проведения ревизии, проверки, мониторинга (в случае, если этот вид контроля будет осуществляться). Указанная программа будет способствовать обеспечению законности, лучшей организации проведения контрольно-проверочного мероприятия финансового контроля.

Таким образом, задача, решаемая на первой стадии (*возбуждение контрольно-ревизионного производства*), – установление поводов и оснований для возбуждения дела. Вторая стадия – *административное расследование*.

В теории административного права единого мнения относительно правовой сущности так называемой предварительной проверки или понятия проверочного мероприятия не имеется. Одни авторы осуществление каких-либо проверочных действий относят к стадии «возбуждение дела об административных нарушениях»¹. Другие считают, что предварительная проверка вообще не входит в структуру производства по делам об административных правонарушениях, а является его предварительным этапом².

Как уже было отмечено, конечная цель контрольно-ревизионного производства – это выявление и предупреждение нарушений в финансово-хозяйственной деятельности органов внутренних дел. Для достижения этой цели необходимо проведение напрямую уже названных нами форм финансового контроля, а именно: ревизии, мониторинга, проверки, в ходе которых осуществляется сбор и анализ бухгалтерской отчетности. Указанные действия направлены на выяснение всех обстоятельств ведения финансово-хозяйственной деятельности и проверку соответствия бухгалтерского учета законодательству. Отсюда следует, что данную стадию можно назвать административным расследованием, первым этапом которого является осуществление самого проверочного мероприятия (ревизия, проверка, мониторинг).

В научных кругах вот уже длительное время существует дискуссия относительно понятия «административное расследование». Как указывает И.О. Филоненко, этот термин «сегодня можно рассматривать в двух аспектах: в узком смысле – как факультативную стадию, регламентированную ст. 28.7 КоАП России, и в широком смысле – как стадию, характерную для всех дел об административных правонарушениях, связанную с установлением обстоятельств, необходимых для разрешения дела по существу»³. Созвучные идеи можно встретить в работах Ю.В. Пивченко⁴, Е.А. Клокова⁵.

Утверждения о наличии самостоятельной стадии «административное рас-

¹ Пивченко Ю.В. Возбуждение дела об административном правонарушении: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2005. С. 26; Филоненко И.О. Возбуждение и административное расследование милицией дел об административных правонарушениях в сфере оборота алкогольной продукции: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2003. С. 30-34.

² Зрелов А.П. Административное расследование нарушений законодательства в области налогов и сборов: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. С. 39; Шевченко Е.В. Административная ответственность за нарушение бюджетного законодательства: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2009. С. 161.

³ Филоненко И.О. Возбуждение и административное расследование милицией дел об административных правонарушениях в сфере оборота алкогольной продукции: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2003. С. 86.

⁴ Пивченко Ю.В. Указ. соч. С. 24.

⁵ Клоков Е. А. Административное расследование в органах внутренних дел: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2005. С. 33, 58.

следование» можно обнаружить в работах С.М. Штефана¹, В.А. Лория².

Мы не согласны с мнением некоторых исследователей, трактующих применение административного расследования очень ограниченно: только при выявлении административных правонарушений, перечисленных в ч. 1 ст. 28.7 КоАП РФ³. На наш взгляд, здесь уместен вопрос к законодателю о выборе правонарушений, для которых необходимо административное расследование, и почему оно не применяется, например, при производстве об административных правонарушениях в области таможенного дела, в области финансов и на рынке ценных бумаг? Но, даже если исходить из обозначенной точки зрения, в указанной статье среди требующих административного расследования правонарушений указаны и размещение заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг и т.д. Такие нарушения часто выявляются в ходе проведения контрольно-проверочных мероприятий, что влечет целый ряд последствий, связанных с увеличением сроков подготовки актов ревизий, приглашением должностных лиц или специалистов в определенных экономических дисциплинах, с дополнительными исследованиями по разным финансовым направлениям. Нетрудно заметить, что такая работа, будучи достаточно объемной, явно выходит за пределы просто проверочного мероприятия, направленного на сбор информации. Согласно ст. 28.7 КоАП РФ, административное расследование проводится в случаях, если после выявления административного правонарушения осуществляется экспертиза. Из практического опыта следует, что в большинстве ревизуемых подразделений при проверке работы тыловых служб необходима правовая экспертиза заключенных договоров (при выполнении ремонтных и строительных работ, о приобретении продукции и т.д.).

Таким образом, полагаем, что административное расследование является обязательной стадией контрольно-ревизионного производства и факультативной – в производстве по делам об административных правонарушениях. В обоих случаях этот блок следует за первой стадией – возбуждением дела. На наш взгляд, административное расследование в контрольно-ревизионном производстве следует рассматривать как особый порядок изучения данных финансово-хозяйственной деятельности в целях выяснения всех обстоятельств дела, выявления и устранения финансовых нарушений, а также установления причин и условий их совершения. Изложенное, на наш взгляд, подтверждает верность названия данной стадии «*административное расследование*» и ее первого этапа – *проведение проверочного мероприятия*.

На втором этапе указанной стадии осуществляется самое важное, на наш взгляд, действие – проверяющими (ревизорами Министерства внутренних дел, инспекторами Счетной палаты, Пенсионного фонда, Федеральной службы финансово-бюджетного надзора) составляется акт по результатам проведенных проверочных мероприятий. Соответственно, это главное действие контрольно-ревизионного производства обуславливает название этапа – *составление акта контрольно-проверочного мероприятия*.

Акт проведенной ревизии составляется в трех экземплярах, из которых первый после подписания направляется ревизором в контрольно-ревизионное под-

¹ Штефан С.М. Проблемы производства по делам об административных правонарушениях, подведомственных органам внутренних дел // Производство по делам об административных правонарушениях в органах внутренних дел. Киев, 1983. С. 69.

² Лория В.А. Административный процесс и его кодификация. Тбилиси, 1986. С. 9.

³ Филоненко И.О. Указ. соч. С. 103–105; Клоков Е. А. Понятие административного расследования в современном российском законодательстве // Международные юридические чтения: мат-лы науч.-практ. конф. Омск, 2003. Ч. 3. С. 27-30; Шевченко Е.В. Административная ответственность за нарушение бюджетного законодательства: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2009. С. 158.

разделение (во внутренних войсках – руководителю подразделения, назначившего ревизию), проводившее ревизию, второй – остается в обревизованном подразделении, третий – направляется руководителю подразделения, вышестоящего по отношению к проверенному.

В необходимых случаях для оформления результатов проверки отдельных вопросов финансово-хозяйственной деятельности составляется так называемый промежуточный акт. Изложенные в нем факты включаются в общий акт ревизии со ссылкой на приложения.

Несмотря на то, что акт ревизии или проверки не является процессуальным документом, содержащаяся в нем информация предопределяет весь последующий механизм проведения рассматриваемого нами производства. В связи с этим первостепенное значение имеет соответствие изложенных в документе фактов законодательству, регламентирующему осуществление финансово-хозяйственной деятельности в органах внутренних дел, а также объективность и полнота информации. В то же время данный документ завершает процедуру изучения и исследования финансовой документации, предваряющую рассмотрение ее результатов начальником УМВД по субъектам Российской Федерации и дальнейшее принятие решения.

Заключительным этапом проведения административного расследования является истребование проверяющими плана мероприятий по устранению нарушений, выявленных в ходе ревизии, проверки, мониторинга.

На этом же этапе составляется заключение – итоговый документ, содержащий информацию по всем проверенным вопросам. Таким образом, третий этап следует назвать *«составление заключения»*.

Подводя итог, отметим, что, несмотря на большое количество принятых нормативных актов для осуществления финансового контроля, в органах внутренних дел необходим механизм организации контрольно-ревизионного производства. Рассмотренные в данной статье стадии предложенного нами контрольно-ревизионного производства будут способствовать достижению основной цели финансового контроля в Министерстве внутренних дел, а именно: выявлению и предупреждению нарушений в финансово-хозяйственной деятельности.

Литература

1. Зрелов А.П. Административное расследование нарушений законодательства в области налогов и сборов: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005.
2. Клоков Е. А. Административное расследование в органах внутренних дел: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2005.
3. Клоков Е. А. Понятие административного расследования в современном российском законодательстве // Международные юридические чтения: мат-лы науч.-практ. конф. Омск, 2003. Ч. 3. С. 27-30.
4. Лория В.А. Административный процесс и его кодификация. Тбилиси, 1986.
5. Пивченко Ю.В. Возбуждение дела об административном правонарушении: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2005.
6. Филоненко И.О. Возбуждение и административное расследование милицией дел об административных правонарушениях в сфере оборота алкогольной продукции: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2003.
7. Шевченко Е.В. Административная ответственность за нарушение бюджетного законодательства: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2009.
8. Штефан С.М. Проблемы производства по делам об административных правонарушениях, подведомственных органам внутренних дел // Производство по делам об административных правонарушениях в органах внутренних дел. Киев, 1983. С. 69.

Страницы истории

Репатриация граждан СССР из Северной Маньчжурии в 1935 г.

*Сергей Юрьевич Яхимович, преподаватель Дальневосточного
юридического института МВД России*

УДК 94(571.6)

В статье рассматриваются проблемы завершения первого этапа пребывания СССР на КВЖД и вызванной данным фактом репатриации большей части колонии советских граждан из Северной Маньчжурии в 1935 г.

Ключевые слова: Китайско-Восточная железная дорога (КВЖД), Маньчжурия, советские граждане, реэмиграция, репатриация.

Китайско-Восточная железная дорога (КВЖД) как база российского присутствия в Маньчжурии с самого начала своего строительства в конце XIX в. являлась серьезным раздражителем для Японской империи, имевшей на эту территорию свои стратегические виды. Сегодня подобная внешнеполитическая ситуация в данном регионе давно в прошлом, но актуальность ее сохраняется в связи с постепенным стиранием из памяти наших соотечественников грандиозной эпопеи многотысячного российского населения Маньчжурии в первой половине XX в. В связи с этим целью статьи является рассмотрение причин и хода одного из эпизодов советско-японского противостояния в зоне Китайско-Восточной магистрали, а также его последствий в виде очередного массового исхода русского населения из Маньчжурии и попытки адаптации в СССР.

Сам факт существования и исчезновения подавляющей части сообщества советских граждан на территории Северной Маньчжурии в 1924-1935 гг., называемого в историографии колонией, следует связывать с функционированием КВЖД и политической ситуацией вокруг дороги. Новый виток соперничества в Северо-Восточном Китае, уже с Советской Россией, у Японии начался после того,

как СССР в 1924 г. заключил с Китайской Республикой и ее автономией Трех Восточных Провинций (ТВП) равноправные договоры. Помимо всего прочего, эти дипломатические акты предусматривали особые соглашения по Китайско-Восточной магистрали, определявшие статус дороги как совместного советско-китайского коммерческого предприятия¹. Японские власти остались недовольны этими договорами, так как дело касалось укрепления почти потерянных к 1920 г. советских позиций на КВЖД, являвшейся главным конкурентом принадлежавшей Японии Южно-Маньчжурской железной дороги (ЮМЖД).

С этого момента тайная и явная японская политика в Маньчжурии с новой силой была направлена на вытеснение из нее СССР². Хронологически это вылилось в два этапа – до оккупации японскими войсками Маньчжурии в конце 1931 – начале 1932 г. и после – до 1935 г. При этом до 1928 г. Япония действовала через сильно зависевшего от ее финансирования маньчжурского диктатора маршала Чжан Цзолиня, результатом чего были его частые конфликты с советской частью руководства КВЖД. После убийства японскими спецслужбами Чжан Цзолиня его сын и преемник Чжан Сюэлян, формально признав над собой власть гоминьдановского правительства Чан Кайши, занял как строго антияпонскую позицию, так и антисоветскую, что вызвало, в частности, его провальный вооруженный конфликт с СССР на КВЖД в 1929 г., а через два года развязало руки Японии в деле полной оккупации Маньчжурии. Вместе с тем Южно-Маньчжурская и Китайско-Восточная железные дороги как крупнейшие транспортные артерии региона продолжали вести ожесточенную конкурентную борьбу за грузопотоки китайского экспорта и импорта³. Таким образом, в маньчжурской политике в отношении КВЖД до 1932 г. активно участвовали три основные стороны. После того как в результате японской агрессии в 1932 г. было провозглашено марионеточное государство Маньчжоу-Го (с 1934 г. – империя Маньчжоу-Ди-Го), фактически на дороге столкнулись интересы уже только СССР и Японии, которая полностью контролировала политико-экономическую жизнь новой страны на Северо-Востоке Китая⁴.

В 1930-х гг. ситуация вокруг Китайско-Восточной железной дороги менялась стремительно и не в пользу Советского Союза, что подтолкнуло его в конечном итоге к продаже магистрали. Данный факт был обусловлен рядом разнохарактерных причин. Экономические показатели дороги в 1920-х гг., даже несмотря на конфликты с маньчжурскими милитаристами, были достаточно хорошими для того, чтобы СССР решил отказаться от ее солидной прибыли и царского наследия в виде крупной инфраструктуры и капиталовложений. Однако китайские власти, делая крупные финансовые займы за рубежом, развернули в Маньчжурии активное железнодорожное строительство с выходом линий на собственные порты. До конца 1920-х гг. это строительство сдерживалось японо-китайской конкуренцией в данной области⁵. Вскоре Япония стала сама активно вкладывать деньги в многочисленные новые китайские железнодорожные магистрали, которые значительно оттягивали грузопотоки от КВЖД, т.к. на них действовали более низкие тарифы на перевозки, не считая потерь от соперничества с ЮМЖД⁶. Наконец, япон-

¹ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-6081. Оп. 1. Д. 100. Л. 1-13. См. также: Советско-китайские отношения. 1917-1957: сборник документов. М., 1959. С. 82-98.

² Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Ф. П-2. Оп. 1. Д. 111. Л. 28.

³ ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 178. Л. 7.

⁴ Аблова Н.Е. КВЖД и российская эмиграция в Китае: международные и политические аспекты истории (первая половина XX в.). М., 2005. С. 245.

⁵ ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 111. Л. 32-47.

⁶ Там же. Д. 241. Л. 45-70.

цы, после оккупации Маньчжурии соединив разрозненные китайские магистрали, построили практически параллельную КВЖД железнодорожную линию, которая еще больше снизила реальные доходы дороги¹.

Другой причиной явилось кардинальное изменение политической обстановки в регионе. Советский Союз, отстаивая свое право на дорогу в начале 1920-х гг., рассчитывал с этого плацдарма оказывать свое влияние на революционное движение в Китае, но в 1930-х гг. возможности такого влияния в Маньчжурии сильно уменьшились. «При новом порядке дорога потеряла для Коминтерна свое значение», – констатировали правящие круги Маньчжоу-Го². Кроме того, вследствие быстрого усиления Японии СССР мог лишиться КВЖД в результате ее силового захвата японо-маньчжурскими войсками, идти на открытое военное столкновение с которыми советская сторона была тогда не готова. Об очередной такой реальной опасности член политбюро ЦК ВКП(б) Л.М. Каганович, ссылаясь на секретные источники, докладывал И.В. Сталину в сентябре 1933 г.³.

В таких условиях, чтобы разрядить напряжение в регионе и хоть что-то получить за дорогу, Советский Союз решил продать ее Маньчжоу-Го, понимая, что управлять ей станет Япония. Об этом решении нарком иностранных дел СССР М.М. Литвинов заявил 2 мая 1933 г. японскому послу в Москве⁴. Фактически уже с этого момента политика советской части правления дороги была направлена не на ее развитие, а на выкачивание из предприятия как можно больших средств в минимально короткие сроки, включая переброску части различного совместного советско-китайского имущества КВЖД в Советский Союз. В 1930-х гг. с дороги в СССР под видом ремонтных работ безвозвратно уводились целые составы⁵. Часть из них была куплена еще царским правительством для России и принадлежала непосредственно СССР, но большинство являлись собственностью дороги, на имущество которой начали посягать японские военные власти. В начале 1933 г. в Советский Союз при помощи секретных агентов ОГПУ было переправлено 83 локомотива, 194 пассажирских и 3200 грузовых вагонов, множество дефицитных материалов на общую сумму в 9 млн зол. руб.⁶. В результате правительство Маньчжоу-Го перекрыло границы с СССР в районах станций Маньчжурия и Пограничная⁷.

Окончательно договор о переуступке магистрали был заключен в Токио 23 марта 1935 г. после долгих переговоров и торга⁸. Объясняя свое решение китайской компартии, из Москвы по линии Коминтерна сообщали: «СССР, твердо и неуклонно ведя борьбу за мир во избежание взрыва мировой войны, предложил продажу КВЖД Маньчжоу-Го, [он] сделал этот шаг, чтобы расстроить планы империалистов»⁹. Однако все понимали, что у Советского Союза не было выхода и

¹ Глушаков П.И. Маньчжурия. Экономико-географическое описание. М., 1948. С. 148-149; Терентьев Н. Очаг войны на Дальнем Востоке. М., 1934. С. 122-124.

² Великая Маньчжурская империя: к десятилетнему юбилею. Харбин, 1942. С. 287.

³ Сталин и Каганович. Переписка. 1931-1936 гг. М., 2001. С. 342-343.

⁴ Внешняя политика СССР: сборник документов. Т. 4 (1935 – июнь 1941 гг.). М., 1946. С. 15 – 16.

⁵ Великая Маньчжурская империя... С. 285.

⁶ Молодяков В.Э. Россия и Япония: рельсы гудят. Железнодорожный узел российско-японских отношений (1891-1945): историческое исследование. М., 2006. С. 373; Хабаровские чекисты. История в документах и судьбах / авт.-сост. А.С. Колесников. Хабаровск, 2011. С. 56.

⁷ Великая Маньчжурская империя... С. 285.

⁸ Балакшин П.П. Финал в Китае: возникновение, развитие и исчезновение белой эмиграции на Дальнем Востоке. Т. 1. Сан-Франциско – Париж - Нью-Йорк, 1958. С. 167-168.

⁹ ВКП(б), Коминтерн и Китай: Документы. Т. IV. ВКП(б), Коминтерн и советское движение в Китае. 1931–1937: в 2-х ч. Ч. 1. М., 2003. С. 352.

на этом этапе схватки за КВЖД он уступил. Договор о переуступке прав СССР на дорогу в пользу Маньчжоу-Ди-Го влез в 16 статей, после чего она стала официально именоваться Северо-Маньчжурской железной дорогой (СМЖД)¹. Ее продали за символическую цену в 140 млн японских иен, из которых только 46,7 млн иен должны были быть выплачены СССР наличными с рассрочкой на три года до 23 марта 1938 г., а на остальную сумму поставлены товары из Японии и Маньчжоу-Ди-Го². Сверх этого еще 30 млн иен полагалось к выплате компенсаций уволенным советским железнодорожным служащим. Японское правительство в отдельной ноте выступало в качестве гаранта перед Советским Союзом за денежно-товарные платежи маньчжурской стороны³. Несмотря на то, что КВЖД была «продана за сумму, по крайней мере, в двадцать раз меньшую», как вспоминал бывший агент службы сборов дороги И.С. Ильин⁴, японо-маньчжурская сторона окончательно погасила свою задолженность за нее только в январе 1940 г.⁵.

В рядах белой эмиграции продажа КВЖД вызвала неоднозначную реакцию. С одной стороны, это воспринималось ими как поражение большевиков, а с другой – России. Патриотические чувства всколыхнули сердца большинства эмигрантов, загнанных в бытовую тупик. И.С. Ильин, рассуждая в своем дневнике об эмигрантской прессе тех дней, отмечал: «Сколько низости и подхалимства они изливают на своих страницах по случаю "величайшего события – переходе СМЖД к Маньчжоу-Ди-Го". Ах, какая мерзость!»⁶. Общее настроение русской эмиграции по поводу массовой репатриации советских граждан в 1935 г. было неоднозначным по сравнению с подобным актом в 1929 г. Многие эмигранты с грустью наблюдали этот процесс, т.к. вместе с советскими гражданами из Маньчжурии уходили и русский престиж, и часть русской культуры, а они оставались один на один с новыми японо-маньчжурскими властями⁷. Многие советские граждане, напротив, по их собственным воспоминаниям, готовились к отъезду на родину, которую не видели много лет, с волнительным энтузиазмом⁸. Так, Е.Н. Берковская, которой на момент отъезда было 12 лет, описывала в мемуарах эту новость так: «Я помню, когда, наконец, решился вопрос с нашим возвращением в Россию, хотя еще не знали, куда и как, мама, несмотря на то, что была полная, крупная, подхватила меня, затанцевала со мной, кружась со словами: «Ну мы едем! Наконец-то мы едем!»⁹.

Вместе с решением политических проблем вставал не менее важный вопрос, непосредственно касающийся судеб советских граждан, которые в основном обслуживали проданную дорогу. Состояние советской колонии в Северной Маньчжурии в 1932-1935 гг. изменялось от положения на КВЖД. В ходе советско-китайского конфликта 1929 г., японской оккупации Маньчжурии и последующих сокращений штатов служащих дороги численность советских граждан заметно

¹ Документы внешней политики СССР. Т. 18 (1 января – 31 декабря 1935 г.). М., 1973. С. 204-213 (далее - ДВП СССР).

² Впоследствии новые японские хозяева КВЖД с лихвой окупили затраты на ее покупку. Только за 1938 г. эксплуатация дороги принесла более 142 млн иен чистой прибыли. Интенсивно осуществлялись и военные перевозки // Буркова В.Ф. Китайско-Восточная железная дорога: история строительства и эксплуатации. URL: <http://www.transsib.ru/history-kvzd.htm> (дата обращения: 07.03.2012).

³ Внешняя политика СССР. С. 13-14; ДВП СССР. С. 207-209, 629.

⁴ ГАРФ. Ф. Р-6599. Оп. 1. Д. 2. Л. 31.

⁵ Внешняя политика СССР. С. 344, 477-478, 480-482.

⁶ ГАРФ. Ф. Р-6599. Оп. 1. Д. 2. Л. 30.

⁷ Печерица В.Ф. Восточная ветвь русской эмиграции. Владивосток, 1994. С. 16.

⁸ Писаревская Я.Л. Две России в Маньчжурии: социальная адаптация и реэмиграция (20-е – начало 30-х гг.) // Новый исторический вестник. 2000. № 2. С. 64-66.

⁹ Берковская Е.Н. Судьбы скрещенья. Воспоминания. М., 2008. С. 110.

сократилось – с 50 тыс. чел. во второй половине 1920-х гг.¹ до 30 тыс. чел. к середине 1930-х гг.². Основная часть советской колонии по-прежнему базировалась в харбинской провинции, где в 1932 г. граждан СССР насчитывалось 26 663 чел.³ (из них 21 839 чел. непосредственно в Харбине⁴). В условиях оккупационного режима и новой власти в лице Маньчжоу-Го советские граждане вновь после конфликта 1929 г. испытали на себе нелегкие времена, связанные с вытеснением СССР из Северной Маньчжурии, и в первую очередь с Китайско-Восточной магистралю. Японская жандармерия и маньчжурская полиция с 1933 г. все чаще проводили обыски и аресты советских подданных, что было вызвано, с одной стороны, активизацией усилий по дезорганизации работы дороги и принуждению Советского Союза к уходу с нее, с другой – непрекращающейся активностью нелегальных партийной и комсомольской советских организаций в регионе⁵.

Другой серьезной угрозой для советских граждан, как и для всего остального населения Маньчжурии, еще с 1920-х гг. было хунхузничество⁶, вызванное нищетой местных жителей. На приблизительно тридцатимиллионное население Маньчжоу-Ди-Го приходилось около 300 тыс. хунхузов, которые буквально терроризировали всю страну, в том числе и колонию советских граждан, главным образом в зоне КВЖД⁷. Банды хунхузов регулярно нападали на поезда, станции, в результате чего советские граждане подвергались грабежам и насилию, захватам в заложники, пыткам, нередко и убийствам. После японской оккупации действия бандитских групп заметно оживились⁸. Только в 1935 г. хунхузами в Маньчжурии было сожжено 74 железнодорожные станции и совершено нападение на 131 поезд, а 73 поезда по их вине потерпели крушение. Людские потери составили 350 убитых и 650 тяжелораненых железнодорожников и пассажиров, еще 451 человек похищен⁹. Работа Китайско-Восточной магистрали была дезорганизована. В отношении советских граждан японские власти не только не пресекали подобные действия, но нередко и сами нанимали хунхузов для террора на КВЖД, используя их в качестве рычага давления на СССР¹⁰.

Положение советских граждан, имевших отношение к дороге, в официальном договоре 1935 г. регламентировалось в ст. 3, 10, 11 и 13. После подписания соглашения правительство Маньчжоу-Ди-Го имело право уволить с КВЖД

¹ ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 1. Д. 218. Л. 6; ф. Р-849. Оп. 1. Д. 23. Л. 2.

² Шкаренков Л.К. Агония белой эмиграции. М., 1987. С. 147.

³ Дорощева М.А. К вопросу об адаптации русского населения в Маньчжурии при японской оккупации // Тихоокеанская Россия в истории российской и восточноазиатских цивилизаций (Пятое Крушановские чтения, 2006 г.): в 2 т. Т. 2. Владивосток, 2008. С. 197.

⁴ Мелихов Г.В. Российская эмиграция в международных отношениях на Дальнем Востоке (1925-1932). М., 2007. С. 16.

⁵ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 613. Оп. 3. Д. 51. Л. 117; ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 424. Св. 2. Л. 48-50, 93-102. См. также: ДВП СССР. С. 171, 624-625, 628.

⁶ Хунхузы («краснобородые») – китайские бандиты, активно действовавшие в Маньчжурии и на российском Дальнем Востоке в сер. XIX – сер. XX вв. / Сухачёва Г.А. Хунхузничество в Маньчжурии и Приморье: использование его разными политическими силами (20-е гг. XX в.) // Тихоокеанская Россия в истории российской и восточноазиатских цивилизаций (Пятое Крушановские чтения, 2006 г.): в 2 т. Т. 2. Владивосток, 2008. С. 253.

⁷ Великая Маньчжурская империя... С. 287-288.

⁸ ГАРФ. Ф. Р-6599. Оп. 1. Д. 2. Л. 16-20; д. 3. Л. 130-130 об.; ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 692. Л. 202.

⁹ Белоусов С.Р. Дважды перевербован // Проблемы Дальнего Востока. 1992. № 1-3. С. 140.

¹⁰ Аварин В. «Независимая» Маньчжурия. Л., 1934. С. 104.

(СМЖД) любого из советских граждан по своему усмотрению, предупредив их об этом за три месяца. После увольнения за рядовыми сотрудниками дороги в течение месяца сохранялись их служебные квартиры (за высшими управленцами – в течение двух месяцев), и два месяца они могли находиться на территории Маньчжурии для устройства своих личных дел. По истечении этого срока они с семьями и личным имуществом должны были выехать на родину. Проезд по КВЖД до советской границы был для них бесплатным, а дорога обязалась организовать транзитные перевозки таких пассажиров, их багажа и грузов¹.

Руководство дороги обязалось выплатить уволенным советским служащим все виды денежного довольствия и даже переводить в Советский Союз пенсии тем, кто их успел заработать. Четвертую часть единовременного пособия по увольнению советские граждане получали на руки в маньчжурской валюте по курсу рубля КВЖД либо по своему желанию переводили его в советские банки. Остальную сумму власти Маньчжоу-Ди-Го должны были перевести в три этапа за два года в СССР. Советские подданные для получения платежей на родине снабжались специальными именованными казначейскими обязательствами от имени маньчжурского правительства². При этом хождение иностранной валюты в Советском Союзе было запрещено, и в дальнейшем, в результате валютных операций при получении сумм в банках СССР, бывшие служащие дороги теряли в деньгах на курсе советского рубля. Оставляемая в короткие сроки недвижимость КВЖД и распродаваемое по бросовым ценам имущество и частное жилье советских граждан оказывались в руках японской администрации. По данным И.С. Ильина, уже к концу мая 1935 г. только в Харбине японцы завладели 1,5 тыс. прекрасных домов и квартир выехавших советских граждан³. Часть имущества, которое советские граждане не успевали продать, или то, что не подлежало ввозу в СССР (например, многое из литературы), раздавалось знакомым, в том числе и эмигрантам⁴.

Японские и маньчжурские власти изначально были настроены на увольнение с дороги подавляющего большинства советских граждан, и после подписания договора 23 марта 1935 г. основная их часть, по условиям соглашения, покинула Северную Маньчжурию в течение пяти месяцев, к сентябрю этого года. По данным НКВД СССР, только за 1935 г. из Маньчжоу-Ди-Го было эвакуировано 21 340 советских граждан⁵. Эти сведения косвенно подтверждаются статистическими данными Центрального управления народно-хозяйственного учета (ЦУНХУ) по миграции населения в союзных республиках СССР. За 1935 г. только в РСФСР из иностранных государств въехали 21 481 чел., а учитывая то, что в указанном году крупных перемещений населения на границах СССР более нигде не наблюдалось, то, скорее всего, большинство из этого числа являлись советскими репатриантами из Маньчжурии⁶. Многие исследователи называют цифры в 21-25 тыс. чел., вернувшихся в СССР в 1935 г.⁷.

¹ ДВП СССР. С. 206, 210-211, 213.

² ДВП СССР. С. 211-212.

³ ГАРФ. Ф. Р-6599. Оп. 1. Д. 3. Л. 11-12.

⁴ Берковская Е.Н. Указ соч. С. 112.

⁵ Аблажей Н.Н. Масштабы и последствия возвратной миграции из Китая в СССР // Сибирское общество в контексте модернизации. XVIII-XX вв.: сб. мат-лов конф. / под ред. В.А. Ламина. Новосибирск, 2003. URL: <http://history.nsc.ru/kapital/> (дата обращения 25.09.2011).

⁶ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 1562. Оп. 20. Д. 57. Л. 1-2 об.

⁷ Аблажей Н.Н. Указ. соч.; Дорофеева М.А. Указ. соч. С. 197; Стефан Д. Русские фашисты: трагедия и фарс в эмиграции. 1925-1945. М., 1992. С. 211; Чернолуцкая Е.Н. Российская реэмиграция из Китая // Россия и АТР. 1996. № 2. С. 76.

Однако в столь короткий срок всем уволенным с дороги гражданам Советского Союза маньчжурские власти не смогли обеспечить своевременную перевозку, поэтому возвращение в СССР еще нескольких тысяч членов советской колонии продолжалось в 1936-1937 гг. Небольшое количество совграждан осталось жить и работать в Маньчжурии, но их было уже не так много, как прежде. По мнению исследователей, в 1939-1942 гг. там оставалось от 1 до 2,5 тыс. советских граждан, в основном дипломатических и хозяйственных работников с членами семей¹. Еще более 2 тыс. советских людей отказались вернуться в Советский Союз и были лишены его гражданства. На родине они были объявлены «невозвращенцами» и пополнили ряды эмигрантов. Репатриация граждан СССР носила не только массовый, но и принудительно-мобилизационный характер, в результате чего советская колония в Северной Маньчжурии фактически уже к 1936 г. перестала существовать в прежнем многочисленном виде. По воспоминаниям очевидца событий В.В. Катенина, в 1935 г. «преобладающая часть советских граждан (а их было около 30 тыс. на обслуживании дороги) уехали на Родину»².

Выезжавшие из Маньчжоу-Ди-Го отправлялись эшелонами и прибывали в Иркутск, где специально созданная правительственная комиссия Совнаркома по репатриации советских граждан с КВЖД³ проводила на сборном пункте их «филтрацию». Вторым эшелонам 19 мая 1935 г. Харбин покинул последний советский управляющий КВЖД Ю.В. Рудый и большая часть руководства дороги⁴. Всего из Северной Маньчжурии в ходе экстренной эвакуации советских граждан за май – июнь 1935 г. в Советский Союз было отправлено 104 эшелона⁵. Поскольку основная масса прибывших были железнодорожниками, то большинство членов правительственной комиссии составляли представители Наркомата путей сообщения, поэтому ее также именовали в документах как комиссию НКПС⁶. От Дальневосточного краевого комитета (Далькрайкома, или ДКК) ВКП(б) в правительственную комиссию вошли Г.Х. Егизаров (Тер-Егизарьянц) – последний секретарь Северо-Маньчжурского комитета (СМК) ВКП(б) и Я.Л. Ростовский (Романовский). Комиссия закончила свою основную работу в конце августа 1935 г.⁷, что говорит не только об ее оперативности, но и о том, что подавляющее большинство советской североманьчжурской колонии эвакуировалось в Сибирь к этому времени.

После проверки каждому репатрианту оформляли документы и выдавали назначение на работу или определение к месту жительства. В обеспечение этой процедуры руководители Уссурийской (УЖД) и Забайкальской железных дорог в мае 1935 г. получили указание от своего наркома незамедлительно обеспечивать репатриированных служащих КВЖД суточным денежным довольствием за счет НКПС, проездными документами и, в случае необходимости, теплушками для провоза личного имущества от советской границы до Иркутска. Те, кто отношения к дороге не имел, проездными документами по территории Союза ССР не снабжались. Вещей (от одежды и посуды до мебели) совграждане везли действительно очень много, зная о дефиците на товары широкого потребления в СССР, поэтому на советских пограничных станциях в Приморье и Забайкалье они неред-

¹ Дорофеева М.А. Указ. соч. С. 197; Стефан Д. Указ. соч. С. 211.

² Катенин В.В. Воспоминания. URL: <http://www.memorial.krsk.ru/memuar/Katenin/2.htm> (дата обращения 20.04.2011).

³ РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 23. Д. 1116. Л. 1.

⁴ Берковская Е.Н. Указ. соч. С. 113.

⁵ Чугуевский Л.И. 100-летие Харбина // Проблемы Дальнего Востока. 1998. № 3. С. 120.

⁶ ГАХК. Ф. Р-730. Оп. 3. Д. 67. Л. 156, 188.

⁷ Там же. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 706. Св. 139. Л. 82.

ко обращались с просьбами о выделении для их транспортировки отдельных вагонов-теплушек. Перемещение бывших советских служащих КВЖД к месту работы комиссией тщательно отслеживалось и контролировалось. В телеграмме на имя начальника УЖД предлагалось не задерживать оформление проездных документов репатриантам, предупреждать следующих из Маньчжурии об обязательной их явке в Иркутск, а также извещать комиссию НКПС по телеграфу о времени выезда, номере вагона, называть фамилии и должности каждого из них¹. Репатриация советских граждан из Маньчжоу-Ди-Го обошлась правительству СССР в общей сложности более чем в 4,7 млн руб.².

Бывших «кэвэжэдинцев», как репатрианты сами себя называли, перебросили на различные железные дороги Советского Союза. География их распределения была достаточно обширной – от Ленинграда до Дальнего Востока³. Тем более что на советских железнодорожных магистралях ощущался дефицит специалистов высокого уровня, какими являлись многие репатрианты из Маньчжурии. Так, военный начальник УЖД Л.В. Лемберг докладывал первому секретарю Далькрайкома ВКП(б) Л.И. Лаврентьеву (Картвелишвили), что «на 1 мая 1935 г. недостаток штатов достигнет 6119 человек квалифицированных рабочих, ИТР [инженеров – С.Я.] и счетно-финансовых работников»⁴. Эта дорога, как наиболее близкая к КВЖД, ранее часто пополнялась выбывшими по разным причинам из Северной Маньчжурии железнодорожниками. По подсчетам автора, только с июля 1934 г. по апрель 1935 г. на УЖД прибыло работать 97 бывших сотрудников Китайско-Восточной магистрали, а всего в 1920–1930-х гг. около 550 чел.⁵, однако кадров по-прежнему не хватало.

По мнению советского руководства, на фоне общего ужесточения в СССР репрессивной административно-командной политической системы, особенно после убийства в 1934 г. С.М. Кирова, все репатрианты нуждались в скрупулезной проверке на предмет шпионажа и преданности партийной линии⁶. Вызвано это было рядом факторов. Прежде всего следует отметить, что вместе с репатриацией совграждан в 1930-х гг. параллельно проходил процесс реэмиграции русского населения из Северо-Восточного Китая. Небольшая часть эмигрантов, подвергшаяся влиянию советской пропаганды и искренне доверявшая информации об успехах социалистического строительства в СССР, решила вернуться на родину. Еще одной причиной, побудившей их к такому шагу, являлось ужесточение политического режима в Маньчжурии, вызванное японской оккупацией.

Реэмиграция проходила в двух вариантах – легальном и нелегальном. В первом случае, согласно специальному постановлению политбюро ЦК ВКП(б) от 10 марта 1935 г., прибывавшие в Советский Союз реэмигранты оформляли гражданство через ЦИК СССР в Москве по телеграфному представлению генконсула в Харбине М.М. Славуцкого⁷. Второй, ускоренный путь, выбирали в основном молодые эмигранты, разошедшиеся в оценках Советского Союза со своими родителями. По воспоминаниям уроженца Харбина Г.М. Литвинова, среди них в начале 1930-х гг. появилось стихийное движение, получившее название «хождение под проволоку», заключающееся в самовольном переходе границы и проникновении в

¹ Там же. Ф. Р-730. Оп. 3. Д. 67. Л. 156, 188, 191, 210-217.

² Аблажей Н.Н. Указ. соч.

³ РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 23. Д. 1176. Л. 22-39; д. 1177. Л. 16-17; ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 708. Л. 9-39; ф. Р-730. Оп. 3. Д. 67. Л. 34-41, 49-70.

⁴ ГАХК. Ф. Р-730. Оп. 3. Д. 67. Л. 153.

⁵ Там же. Л. 173 об., 176; д. 84. Л. 51-63 об.

⁶ РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 23. Д. 1116. Л. 9-10; ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 706. Св. 139. Л. 8-9.

⁷ Молодяков В.Э. Указ. соч. С. 387-388.

СССР для последующей легализации¹. Практически все они попадали в руки ОГПУ (с 1934 г. НКВД) и получали тюремные сроки, тем более что различные белоэмигрантские организации таким же образом активно забрасывали на советскую территорию диверсионно-шпионские группы из Маньчжурии. Известны и случаи выявления резидентов японской разведки из числа завербованных в Маньчжоу-Го советских граждан, вернувшихся в Советский Союз. В начале 1930-х гг. Дальневосточное управление ОГПУ успешно разработало несколько операций по раскрытию таких агентов из советских граждан, прибывших в СССР для работы в отраслях народного хозяйства и службы в армии². Подобные факты и общая атмосфера нагнетания военной угрозы на Дальнем Востоке требовали исключительной ревизии советских репатриантов из Маньчжоу-Ди-Го в 1935 и последующие годы.

Дополнительную проверку и учет по партийной линии проходили вернувшиеся на родину члены ликвидированных в 1935 г. СМК ВКП(б) и СМК ВЛКСМ. Как и все остальные советские репатрианты, партийцы и комсомольцы обязаны были прибыть в распоряжение правительственной комиссии НКПС. Исключение составляли только некоторые члены партии и союза молодежи, которые в Иркутск не следовали и сразу прибывали в Хабаровск в распоряжение Далькрайкома ВКП(б), где после тщательной проверки им оформляли документы. Всем остальным запрещалось самовольно приезжать в Москву или Хабаровск для оформления партийных документов, т.к. для этого вводился специальный порядок, установленный еще в 1920-х гг. Он был обусловлен подпольным положением ВКП(б) и ВЛКСМ в Маньчжурии, при котором членство в организациях там документально практически не оформлялось, а весь учет велся на секретной базе Далькрайкома ВКП(б) в Хабаровске и в московской ЦКК (Центральной контрольной комиссии) ВКП(б). Коммунисты и комсомольцы, задействованные в работе секретного характера на территории Северной Маньчжурии, по возвращении в Советский Союз давали подписку о неразглашении государственной тайны и об обязательном оповещении парторганов в течение двух лет о своем перемещении по стране. В случае нарушения этих обязательств они подвергались ответственности во внесудебном порядке, согласно постановлению ЦИК СССР от 26 мая 1927 г.³.

Североманьчжурская партийная организация на момент прекращения ее деятельности в связи с эвакуацией советской колонии в 1935 г., по подсчетам автора, насчитывала 956 чел. (из них 490 кандидатов в члены партии)⁴, комсомольская организация – 1591 чел. (из них 401 кандидат в члены ВЛКСМ)⁵. По указаниям секретаря ЦК ВЛКСМ члены североманьчжурского комсомола должны были сначала приступить к назначенной комиссией Совнаркома работе и только потом сдавать в местные политотделы железных дорог или первичные ячейки заявление о новом оформлении в организации, автобиографию, два-три поручительства от членов партии или комсомола и выданное в Маньчжурии перед отъездом открепительное удостоверение – так называемую «шелковку» (справку о принадлежности к ВЛКСМ)⁶. Местные органы направляли этот пакет документов и собственную информацию о заявителе в ЦК ВЛКСМ, который одновременно запрашивал личные дела комсомольцев из Хабаровска. При ЦК была создана «тройка»

¹ Литвинов Г.М. «Нас долго еще звали китайцами». URL: <http://www.russianchina.org/articles/2011/03/25/3335> (дата обращения 25.03.2011).

² Операции под кодовыми названиями «Автомобилисты», «Трактористы», «Харбинцы» и «Эмигранты». См.: Хабаровские чекисты... С. 29-31.

³ РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 23. Д. 1067. Л. 38; ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 594. Св. 107. Л. 96.

⁴ ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 594. Св. 107. Л. 114-119, 158-193.

⁵ РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 23. Д. 1177. Л. 105-152, 176-182, 192-202.

⁶ Там же. Д. 730. Л. 72, 79; д. 917. Л. 148; д. 1067. Л. 38; д. 1116. Д.15-16, 22-39.

– комиссия по оформлению в члены комсомола прибывших из Маньчжурии, которая рассматривала дела, принимала решение и в случае положительного результата выписывала документы и пересылала их в первичную организацию для вручения заявителю. До тех пор, пока эта процедура не была завершена, репатриированные комсомольцы членами ВЛКСМ официально не являлись¹. Экстренная эвакуация из Маньчжурии внесла путаницу в делах и явилась причиной личных трагедий молодых советских людей. На местах многие комсомольские функционеры не знали, как поступать с прибывшими с КВЖД комсомольцами, и просто отказывали им в приеме в организацию, обращаясь за разъяснениями в ЦК ВЛКСМ. Иногда получить поручительство от трех членов ВКП(б) или комсомола было не всегда возможно, и бывшим североманьчжурским комсомольцам часто приходилось доказывать не только свое членство в организации, но и честное имя².

Аналогично дело обстояло и с членами партии. Проверка прибывавших в СССР членов СМК ВКП(б) осуществлялась в ЦКК ВКП(б) или по ее указанию специальной комиссионной «тройкой» в Далькрайкоме, действовавшей с начала 1934 г.³ В Далькрайкоме хранилось большинство партийных документов коммунистов, выезжавших в Маньчжурию, там же оформлялись партбилеты на вступающих в партию непосредственно в СМК ВКП(б). Получить свои партдокументы североманьчжурские коммунисты могли только, вернувшись в СССР, и после прохождения «чистки» в Москве (за небольшим исключением, в Хабаровске). На линии КВЖД они получали только книжечку с номером без каких-либо специальных данных, на которой делались отметки о плате партийных взносов, с которой партийцы и возвращались в Советский Союз. Иногда это были справки о подтверждении партийной принадлежности или стажа⁴. В любом случае членов ВКП(б) на родине ждала серьезная проверка, как выполнявших партийную работу «за рубежом, т.е. в тех условиях, когда не всегда имеются письменные документы», – писалось в одном из ответов Далькрайкома в марте 1935 г. на запрос по делу о харбинской коммунистке П.Н. Столбовой⁵.

В СССР адаптация бывших жителей советской колонии в Северной Маньчжурии была недолгой и закончилась трагически. Перемена более высокого уровня жизни в зоне КВЖД на тяжелую бытовую ситуацию в Советском Союзе явилась первым шоком для многих репатриантов. На новых местах жительства к ним часто относились как к эмигрантам⁶. Однако это было далеко не самым страшным. Политическое недоверие к этой части советских граждан постепенно стало выливаться в преследования различного рода их как «классово-чуждых и антисоветски настроенных элементов»⁷. Подлинная трагедия для бывших жителей советской колонии в Северной Маньчжурии разыгралась в 1937–1938 гг., когда они одними из первых явились жертвами начавшегося «большого террора» в СССР. В атмосфере нагнетания в стране шпиономании и разоблачения «врагов народа» во всесоюзном масштабе Нарком внутренних дел СССР Н.И. Ежов издал приказ № 00593 от 20 сентября 1937 г., в котором требовал произвести до 25 декабря беспрецедентный арест абсолютно всех бывших «харбинцев» и членов их семей.

¹ Там же. Д. 1116. Л. 2-3, 8-10; д. 1176. Л. 22-39, 45-47; ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 594. Св. 107. Л. 110-113.

² Там же. Д. 1176. Л. 41, 52; д. 1229. Л. 89-120, 125-142; ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 706. Св. 139. Л. 30, 35-36.

³ ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 424. Св. 62. Л. 2-54, 93-119; д. 552. Л. 22, 100, 102.

⁴ Там же. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 692. Л. 66, 326-331; д. 708. Л. 24, 101-102.

⁵ Там же. Д. 708. Л. 241-242.

⁶ Писаревская Я.Л. Указ. соч. С. 66-68.

⁷ ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 692. Л. 77-81.

Согласно приказу, первая категория арестованных – «наиболее ярые антисоветчики (японские шпионы и диверсанты)», подлежали расстрелу, вторая категория – менее опасные, заключению в тюрьмы и лагеря сроком на 8–10 лет¹. Масштабы репрессий в отношении советских граждан, прибывших с линии КВЖД, освещает еще один документ – «Доклад комиссии ЦК КПСС Президиуму ЦК КПСС по установлению причин массовых репрессий против членов и кандидатов в члены ЦК ВКП(б), избранных на XVII съезде партии» от 9 февраля 1956 г., реабилитировавший, среди прочих, необоснованно репрессированных «харбинцев»².

В приказе отмечалось, что органами НКВД было учтено до 25000 человек «харбинцев». Из них только за 1937 г. было репрессировано 4,5 тыс. чел.³. К концу 1938 г. внесудебными «тройками» было рассмотрено дел на 30 938 арестованных «харбинцев», из которых 19 312 чел. расстреляны, 10 669 чел. осуждены к лишению свободы, и материалы еще на 756 чел. переданы в суды или возвращены к доследованию. Уголовному преследованию подвергались лица старше 15 лет⁴. В это число входили граждане СССР, репатриированные в основном в 1929–1935 гг., а также эмигранты, пожелавшие вернуться на родину и принять советское гражданство. Таким образом, тотальные репрессии затронули практически всех эвакуированных из Северной Маньчжурии советских граждан и реэмигрантов. «Волна арестов катилась дальше, набирая силу. Харбинцев рубили под корень», - вспоминала Е.Н. Берковская⁵.

Резюмируя сказанное, отметим, что продажа Советским Союзом КВЖД была вынужденным шагом во избежание ее прямого захвата японской армией. Результатом этого явилась массовая репатриация советских граждан и реэмиграция желающих вернуться на родину русских эмигрантов. Исход советской колонии из Северной Маньчжурии осуществлялся в режиме эвакуации в сжатые сроки. В СССР все репатрианты прошли проверку и учет, после чего были распределены на работу по различным железным дорогам и другим государственным учреждениям. Адаптации репатриантов на родине не получилось по причине того, что в 1937–1938 гг. практически все они были репрессированы органами НКВД, став одними из первых жертв начавшегося в стране «большого террора».

Литература

1. Аблажей Н.Н. Масштабы и последствия возвратной миграции из Китая в СССР // Сибирское общество в контексте модернизации. XVIII–XX вв.: сб. мат-лов конф. / под ред. В.А. Ламина. Новосибирск, РИЦ НГУ, 2003.

2. Аблова Н.Е. КВЖД и российская эмиграция в Китае: международные и политические аспекты истории (первая половина XX в.). М.: НП ИД «Русская панорама», 2005.

3. Аварин В. «Независимая» Маньчжурия. Л.: Партиздат, 1934.

4. Белоусов С.Р. Дважды перевербован // Проблемы Дальнего Востока. 1992. № 1–3. С. 131–151.

5. Балакшин П.П. Финал в Китае: возникновение, развитие и исчезновение белой эмиграции на Дальнем Востоке. Т. 1. Сан-Франциско – Париж - Нью-Йорк: Кн.-во «Сириус», 1958.

6. Берковская Е.Н. Судьбы скрещенья: воспоминания. М.: Возвращение, 2008.

7. Великая Маньчжурская империя: к десятилетнему юбилею. Харбин: Издание государственной организации Кио-ва-кай и Главного бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи, 1942.

¹ Макаров В.Г. Русский философ Николай Сетницкий: от КВЖД до НКВД // Вопросы философии. 2004. № 3. С. 141–142.

² URL: <http://www.alexanderyakovlev.org/db-docs> (дата обращения 27.09.2011).

³ Макаров В.Г. Указ. соч. С. 141.

⁴ URL: <http://www.alexanderyakovlev.org/db-docs> (дата обращения 27.09.2011).

⁵ Берковская Е.Н. Указ. соч. С. 224.

8. ВКП(б), Коминтерн и Китай: Документы / Т. IV. ВКП(б), Коминтерн и советское движение в Китае. 1931–1937: в 2-х ч. Ч. 1. М.: Российская политическая энциклопедия, 2003.
9. Внешняя политика СССР: сборник документов. Т. 4 (1935 – июнь 1941 гг.). М.: Типография газеты «Правда» им. Сталина, 1946.
10. Глушаков П.И. Маньчжурия. Экономико-географическое описание. М.: ОГИЗ, 1948.
11. Документы внешней политики СССР. Т. 18 (1 января – 31 декабря 1935 г.). М.: Изд-во полит. лит., 1973.
12. Дорофеева М.А. К вопросу об адаптации русского населения в Маньчжурии при японской оккупации // Тихоокеанская Россия в истории российской и восточноазиатских цивилизаций (Пятые Крушановские чтения, 2006 г.): в 2 т. Т. 2. Владивосток: Дальнаука, 2008. С. 197-204.
13. Макаров В.Г. Русский философ Николай Сетницкий: от КВЖД до НКВД // Вопросы философии. 2004. № 3. С. 136-157.
14. Мелихов Г.В. Российская эмиграция в международных отношениях на Дальнем Востоке (1925–1932). М.: Русский путь; Вико-М, 2007.
15. Молодяков В.Э. Россия и Япония: рельсы гудят. Железнодорожный узел российско-японских отношений (1891-1945): историческое исследование. М.: АСТ: Астрель: Хранитель, 2006.
16. Печерица В.Ф. Восточная ветвь русской эмиграции. Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-та, 1994.
17. Писаревская Я.Л. Две России в Маньчжурии: социальная адаптация и реэмиграция (20-е – начало 30-х гг.) // Новый исторический вестник. 2000. № 2. С. 52-70.
18. Советско-китайские отношения. 1917–1957: сборник документов. М.: Изд-во Восточной литературы, 1959.
19. Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936 гг. М.: Российская политическая энциклопедия, 2001.
20. Стефан Д. Русские фашисты: трагедия и фарс в эмиграции. 1925–1945. М.: СП «Слово», 1992.
21. Сухачева Г.А. Хунхузничество в Маньчжурии и Приморье: использование его разными политическими силами (20-е гг. XX в.) // Тихоокеанская Россия в истории российской и восточноазиатских цивилизаций (Пятые Крушановские чтения, 2006 г.): в 2 т. Т. 2. Владивосток: Дальнаука, 2008. С. 253-262.
22. Терентьев Н. Очаг войны на Дальнем Востоке. М.: Партийное издательство, 1934.
23. Хабаровские чекисты. История в документах и судьбах / авт.-сост. А.С. Колесников. Хабаровск: Частная коллекция, 2011.
24. Чернолуцкая Е.Н. Российская реэмиграция из Китая // Россия и АТР. 1996. № 2. С. 74-81.
25. Чугуевский Л.И. 100-летие Харбина // Проблемы Дальнего Востока. 1998. № 3. С. 116-122.
26. Шкаренков Л.К. Агония белой эмиграции. М., 1987.

Есть мнение...

**Принцип уголовного процесса «язык судопроизводства»:
содержание и проблемы реализации**

*Александр Владимирович Каркавин, адъюнкт
Дальневосточного юридического института МВД России*

УДК 343.131

В статье проанализировано содержание принципа уголовного процесса «язык судопроизводства», рассмотрены проблемы, связанные с реализацией данного принципа, приведены мнения ученых, затронут исторический аспект вопроса, а также внесены предложения по разграничению понятий «официальный» и «государственный язык» и их нормативному закреплению.

Ключевые слова: принципы уголовного судопроизводства, язык судопроизводства, официальный язык, государственный язык.

Законодатели, закрепляя положение о языке, на котором осуществляется судопроизводство, исходили из понятия особой системы слов, используемой народом или нацией (по форме), и средством общения и выражения мыслей (по содержанию)¹.

С учетом того, что уголовное судопроизводство представляет собой реализацию государственной власти, предполагается, что оно должно использовать для этого государственный язык.

Наиболее сложным является вопрос о выборе государственного языка. Государственными могут быть провозглашены как несколько языков, (например, в Канаде, Швейцарии и ряде других стран), так и один язык (например, в Великобритании, Германии, России). Ф. Капоторти по данному вопросу указывал:

¹ Александров А.С. Введение в судебную лингвистику. Н. Новгород, 2003. С. 147.

«... решение о том, что язык одной группы признается государственным языком, при некоторых обстоятельствах может стать источником постоянных противоречий, поскольку может нарушить политическое равновесие в отношениях между различными группами населения... С другой стороны, решение признать все языки в качестве государственных в общем может оказаться невыполнимым, особенно в тех странах, где говорят на многих языках, даже если учесть только финансовые затраты, которые были бы связаны с таким решением... Во многих странах широко распространена та точка зрения, что объединение народа, духовное единение нации и необходимость сохранения национальной индивидуальности требуют, чтобы лишь один язык был объявлен государственным»¹.

Следует отметить, что прогресс общества, численный рост населения определяют в конечном счете развитие самого государственного языка. Однако относительную самостоятельность как общественное явление и, следовательно, способность к внутреннему совершенству государственный язык обретает только тогда, когда развивается его носитель.

По мнению Е.В. Тренина, носителями государственного языка являются субъекты, вступающие в языковые общественные отношения. К носителям государственного языка, учитывая его двоякую юридико-фактическую природу, могут быть отнесены субъекты двух видов:

1) хранящие, воспроизводящие государственный язык, реализующие свое естественное право иметь общенациональный язык;

2) уполномоченные Конституцией и законом творить, осуществлять деятельность на государственном языке, строящие свою работу в соответствии с особым статусом государственного языка.

К первому виду субъектов относятся так называемые коллективные носители государственного языка: это этнические (племя, народность, нация) общности, в том числе общности, не способные в силу объективных причин их цивилизованного развития к созданию своей государственности, а также индивидуальные носители государственного языка – физические лица, представители обоих названных общностей.

Второй вид субъектов государственного языка – субъекты, уполномоченные Конституцией и законом творить, осуществлять деятельность на государственном языке. К ним в первую очередь следует отнести органы государственной власти, местного самоуправления и все предприятия, учреждения, организации, руководствующиеся в своей деятельности государственным правом².

Полагаем, что разумная национальная политика должна обеспечить недопустимость возникновения конфликтов, обусловленных признанием одного языка государственным.

Государственный язык характеризуется наличием следующих признаков:

- является родным языком большинства населения государства, в связи с этим является наиболее употребляемым в нем;

- функционирует на территории всего государства в официальных сферах общения, в социальной и культурной сферах;

- выполняет консолидирующую роль на территории государства.

В соответствии с положениями ч. 1 ст. 68 Конституции Российской Федерации статус государственного языка на всей территории России имеет русский язык, что объясняется численным доминированием этнических русских и рус-

¹ Капоторти Ф. Исследование по вопросу о правах лиц, принадлежащих к этническим, религиозным и языковым меньшинствам. Нью-Йорк, 1979. С. 43.

² Тренин Е.В. Государственный язык и его носители // Конституционные основы организации и функционирования института публичной власти в Российской Федерации: мат-лы Всерос. науч.–практ. конф. Екатеринбург, 2001. С. 114-116.

скоязычного населения. Данное положение нашло свое отражение в ч. 1 ст. 1 Федерального закона от 1 июня 2005 г. «О государственном языке Российской Федерации», где указано: «В соответствии с Конституцией Российской Федерации государственным языком Российской Федерации на всей ее территории является русский язык»¹.

Мы отстаиваем позицию, что государственная власть на территории единого государства должна осуществляться только посредством одного языка. Соответственно судопроизводство должно осуществляться на всей территории Российской Федерации на русском языке. Для решения проблемы использования государственного языка в судопроизводстве мы предлагаем установить ведение судопроизводства на официальном языке.

В Большом юридическом словаре указано: «Официальный язык -основной язык государства, используемый в законодательстве и официальном делопроизводстве, судопроизводстве, обучении и т.д. В конституциях стран с многонациональным населением (например, Индия, Канада) определяется, какой язык является официальным»².

Анализируя содержание государственного и официального языка, Л.Н. Васильева пишет: «В отличие от государственного языка, официальный язык не указывает на государствообразующую роль определенного этноса, выполнившего интеграционную функцию по объединению разных народов в единое суверенное государство, в силу чего не может стать и символом этого государства (во всяком случае, пока существует такой этнос). Это язык, который не связан с определенным «отечественным наполнением». К сущностным составляющим правового статуса официального языка как национального языка части населения, проживающего на ограниченной территории, следует отнести то, что официальный язык – это язык, функционирующий в обязательном порядке на определенной (но не обязательно всей) территории государства в официальных сферах общения, использование которого, так же, как и государственного языка, регламентируется нормами права. Смысл установления языка в качестве официального – выполнение таковым сугубо организационных задач, в первую очередь связанных с использованием его в официальных сферах общения, что позволит обеспечить полноценную работу органов правосудия, государственной власти и т.д.»³.

Рассматривая правовое регулирование использования государственных языков в зарубежных странах, следует отметить, что оно решается по-разному.

В большинстве государств (включая Российскую Федерацию) понятия «официальный язык» и «государственный язык» полностью совпадают. Лишь в отдельных странах различают статус официального и государственных языков, в этом случае закрепление вторых в конституции имеет в основном символический характер (например, в Швейцарии, согласно Конституции, официальными языками являются немецкий, французский, итальянский, а государственными языками – немецкий, французский, итальянский и ретороманский, при этом последний практически не используется в государственной и общественной жизни страны).

В соответствии с ч. 1 ст. 21 УПК Республики Беларусь производство по материалам и уголовному делу ведется на белорусском или русском языках⁴.

В Кыргызской Республике государственным языком установлен киргизский язык, а официальным языком признан русский язык. Таким образом, не ущемля-

¹ СПС «КонсультантПлюс».

² Большой юридический словарь / под ред. А.Я. Сухарева, В.Д. Зорькина. М., 1999. С. 468.

³ Васильева Л.Н. Законодательное регулирование использования языков в Российской Федерации. М., 2005. С. 17.

⁴ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь. СПб., 2001. С. 66.

ются интересы народа, но обеспечивается использование языка, на котором длительное время велось общение¹.

В соответствии с положениями ч. 1 ст. 30 УПК Республики Казахстан судопроизводство ведется на государственном языке, а при необходимости, в судопроизводстве наравне с государственным употребляется русский или другой язык. В части 2 указанной статьи предусмотрено, что производство по уголовному делу ведется только на одном языке².

В статье 15 УПК Республики Армения указано, что судопроизводство ведется на армянском языке. Каждый, за исключением органов, осуществляющих уголовное судопроизводство, может выступать на том языке, которым владеет³.

Нам представляется более правильной позиция, нашедшая отражение в УПК Республики Армения, в соответствии с которой органы, осуществляющие уголовное судопроизводство, выступают только на армянском языке. В государстве судопроизводство должно быть доступным, открытым, ясным, поэтому оно должно вестись на едином государственном или официальном (если такой имеется и не является одновременно государственным) языке. Сотрудники правоохранительных органов и суда должны владеть государственным языком Российской Федерации и осуществлять на нем судопроизводство.

Заслуживает поддержки мнение И.Л. Петрухина: «Бесспорно также и то, что судья и прокурор, и следователь, и дознаватель, не владеющие либо недостаточно владеющие языком, на котором должно вестись производство по делу, не в состоянии обеспечить последовательное осуществление принципа языка судопроизводства, они не могут активно участвовать в процессе, ясно представлять себе существо дела...»⁴.

Как мы указывали выше, следователь, дознаватель, орган дознания, прокурор и суд обязаны знать государственный язык. Они осуществляют государственную власть от имени Российской Федерации, поэтому не могут недостаточно владеть языком, на котором ведется судопроизводство. Остальные лица могут говорить на том языке, которым они владеют, для этого им предоставляется переводчик. Вряд ли можно найти следователя или судью-полиглота, который владеет несколькими языками, тем более, что уголовное дело он может вести только на одном языке. В решении данного вопроса целесообразно пойти по пути Республики Армения.

Предлагаем под официальным языком рассматривать язык, который используется на территории Российской Федерации в деятельности органов государственной власти и управления, осуществляемой от имени Российской Федерации, т.е. официальным языком считать русский язык.

Проблема использования национального языка была одной из актуальных в России. В статье 3 Свода законов Российской империи 1832 г. было указано: «Русский язык есть язык общегосударственный и обязателен в армии, во флоте и во всех государственных и общественных установлениях»⁵. Таким образом, при ведении уголовных дел не учитывалось то, что не все население России, особенно ее окраинных районов, владеет русским языком, соответственно, не может участвовать на нем в ходе судебного разбирательства! Лица, привлекавшиеся к уголовной ответственности, которые не владели языком судопроизводства, участвовали в судебном заседании, содержание которого они не понимали. В.Д. Спасович ука-

¹ Васильева Л.Н. Указ. соч. С. 18.

² Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан. Алматы, 1998. С. 57.

³ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Армения. Ереван, 2003. С. 34.

⁴ Петрухин И.Л. Принцип национального языка в советском уголовном процессе // Социалистическая законность. 1972. № 2. С. 57.

⁵ Чельцов-Бебутов М.И. Курс уголовного-процессуального права. СПб., 1995.

зывал, что в протоколах судебных заседаний часто фигурировали слова «стороны объяснения дать не могли по незнанию русского языка». Естественно, что такое положение не могло обеспечить защиту представителей национальных меньшинств в судопроизводстве¹.

При этом процессуалисты видели «основную гарантию прав национальных меньшинств в том, что уставы предоставляли возможность пригласить переводчика для участников процесса в случае незнания последними русского языка. Однако суды в ряде случаев пренебрегали осуществлением этого права. Теоретическим обоснованием такой позиции явилось мнение, что приглашение переводчика можно допускать в исключительных случаях, так как его участие ведет якобы к нарушению принципа непосредственности»².

После Октябрьской революции вопрос о защите национальных меньшинств стал одним из наиболее актуальных. Уже в первых законах новой власти ему уделялось пристальное внимание. Так, Декрет ВЦИК и СНК от 15 февраля 1918 г. № 2 «О суде» предусматривал: «В судах всех инстанций допускается судоговорение на всех местных языках»³. Данная норма обеспечивала защиту прав представителей национальных меньшинств в уголовном судопроизводстве, так как они могли выступать на том языке, которым они владели. В послереволюционной России, когда население, особенно представители национальных меньшинств, было безграмотным и малограмотным, использование национальных языков в судопроизводстве являлось безусловным достижением правовой мысли и гарантией защиты личности.

Вопрос об использовании языка судопроизводства был предметом обсуждения на X и XII съездах РКП(б), результатом которого было принятие 14 апреля 1924 г. постановления Президиума ВЦИК. В нем было указано: «В целях приспособления советского аппарата в национальных областях и республиках к быту коренного населения и привлечения последнего к активному советскому строительству считать необходимым постепенно переводить делопроизводство всех государственных органов или отдельных их частей на соответствующие местные языки»⁴.

Данное постановление было основанием для привлечения к деятельности государственных органов представителей национальных меньшинств, усиление процесса коренизации. Дальнейшее развитие принципа национального языка нашло свое отражение в Конституции СССР 1936 г., где в ст. 123 было указано: «Равноправие граждан СССР независимо от национальности и расы во всех областях хозяйственной, государственной, культурной и общественно-политической жизни является непреложным законом. Какое бы то ни было прямое или косвенное ограничение прав или, наоборот, установление прямых или косвенных преимуществ граждан в зависимости от их расовой и национальной принадлежности, равно как всякая проповедь расовой или национальной исключительности или ненависти и пренебрежения, караются законом»⁵.

Указанное положение нашло свое отражение в Конституции СССР и ст. 7 Закона о судостроительстве СССР, союзных и автономных республик, где было определено, что судопроизводство ведется на языке союзной или автономной республики или автономной области с обеспечением для лиц, не владеющих этим

¹ Спасович В.Д. О языке в области судопроизводства // Соч. Т. 3. 1890. С. 303.

² Джафаркулиев М.А. Проблемы национального языка в судопроизводстве. Баку, 1989. С. 21.

³ Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР 1917-1952 гг. М., 1953. С. 371.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

языком, полного ознакомления с материалами дела через переводчика и права выступать в суде на родном языке¹.

Таким образом, на конституционном уровне было установлено национальное равенство народов и языков. Советское государство не отходило от указанной тенденции и в дальнейшем. При принятии Конституции СССР 1977 г. в ст. 34 было закреплено равенство граждан перед законом независимо от национальности и языка, а в ст. 36 – равноправие граждан различных рас и национальностей².

В Конституции 1977 г. по сравнению с Конституцией 1936 г. расширяется действие равенства народов и языков. В статье 159 предусматривалось ведение судопроизводства и на языке автономного округа или большинства населения данной местности. Перечень прав участников процесса, не владеющих языком судопроизводства, был дополнен указанием на участие в судебных действиях через переводчика.

Целесообразность ведения уголовного судопроизводства на языке союзной, автономной республики, большинства населения местности и т.д. на период начала и середины XX в. на территории Советского Союза и Российской Федерации было обусловлено тем, что имелось огромное количество населения, которое не владело русским языком. При этом национальные языки знали и представители правоохранительных и судебных органов. В настоящий период времени ситуация сильно изменилась, поэтому мы считаем, что ведение судопроизводства должно осуществляться на едином официальном языке.

Предлагая введение понятия «официальный язык», мы исходим из того, что в республиках, входящих в состав Российской Федерации, также устанавливаются кроме русского языка государственные языки республик. При этом появляется проблема возможности ведения судопроизводства на государственном языке республики, входящей в состав Российской Федерации.

В части 1 ст. 18 УПК РФ указано: «Уголовное судопроизводство ведется на русском языке, а также на государственных языках входящих в Российскую Федерацию республик. В Верховном Суде Российской Федерации, военных судах производство по уголовным делам ведется на русском языке». Ведение судопроизводства и делопроизводства в военных судах на русском языке закреплено и в ст. 6 Федерального конституционного закона от 20 мая 1999 г. «О военных судах Российской Федерации».

Статья 18 Закона РФ от 25 октября 1991 г. «О языках народов Российской Федерации» практически дублирует ст. 18 УПК РФ. В ней указано: «1. Судопроизводство и делопроизводство в Конституционном Суде Российской Федерации, Верховном Суде Российской Федерации, Высшем Арбитражном Суде Российской Федерации, других федеральных арбитражных судах, военных судах, а также делопроизводство в правоохранительных органах Российской Федерации ведется на государственном языке Российской Федерации. Судопроизводство и делопроизводство в других федеральных судах общей юрисдикции могут вестись также на государственном языке республики, на территории которой находится соответствующий суд. 2. Судопроизводство и делопроизводство у мировых судей и в других судах субъектов Российской Федерации, а также делопроизводство в правоохранительных органах субъектов Российской Федерации ведется на государственном языке республики, на территории которой находится соответствующий суд или правоохранительный орган».

При рассмотрении данного вопроса следует обратить внимание на Федеральный закон от 1 июня 2005 г. «О государственном языке Российской Федера-

¹ Там же.

² СПС «КонсультантПлюс».

ции», где в п. 4 ч. 1 ст. 3 указано, что государственный язык Российской Федерации подлежит обязательному использованию в конституционном, гражданском, уголовном, административном судопроизводстве, судопроизводстве в арбитражных судах, делопроизводстве в федеральных судах, судопроизводстве и делопроизводстве у мировых судей и в других судах субъектов Российской Федерации. При этом в ч. 7 ст. 1 сказано: «Обязательность использования государственного языка Российской Федерации не должна толковаться как отрицание или умаление права на пользование государственными языками республик, находящихся в составе Российской Федерации, и языками народов Российской Федерации».

В указанных нормах имеется одно отличие: в УПК РФ законодатель прямо указывает, что судопроизводство ведется на русском языке, а также на государственных языках республик, входящих в состав Российской Федерации, в Законе о языках народов речь идет об альтернативе, то есть судопроизводство может вестись либо на русском языке, либо на государственном языке субъекта РФ. В Федеральном законе «О государственном языке Российской Федерации», с одной стороны, сказано об обязательном использовании русского языка в судопроизводстве, но, с другой стороны – о недопустимости умаления права пользоваться иными национальными языками. При этом ни в одном из указанных законодательных актов не говорится, в каком случае должен использоваться язык субъекта Российской Федерации, а в каком – русский язык. Если исходить из п. 2 ст. 68 Конституции РФ, то государственный язык субъекта РФ может использоваться наряду с общегосударственным русским языком. Возникает проблема, кто должен решать вопрос о приоритете языка при осуществлении производства по уголовному делу?

Вряд ли можно согласиться с мнением С.П. Щербы, который пишет: «... единый для всех стадий уголовного процесса язык судопроизводства определяется не национальной принадлежностью участника процесса, не особенностями рассматриваемого преступления, не способностью следователя или дознавателя, прокурора, суда владеть тем или иным языком, а исключительно местом производства по данному уголовному делу. Выбор языка судопроизводства по уголовному делу определяется процессуальным законом и не зависит от субъективного усмотрения следователя, дознавателя, прокурора или суда (судьи) в толковании и применении этого принципа. Однако и судья, и присяжные заседатели обязаны знать язык, на котором ведется судопроизводство в районе их юрисдикции»¹.

Данное мнение, на наш взгляд, ущемляет права граждан. Необходимо учитывать, что образование на территории Российской Федерации дается на русском языке, наличие национальных школ не предполагает возможности отказа от изучения русского языка. Высшее образование граждане получают на русском языке. Говорить о том, что человек, имеющий высшее юридическое образование, не способен мыслить на русском языке, значит поставить под сомнение законность получения его диплома.

Никто не вправе заставлять изучать национальные языки. Почему башкир должен изучать калмыцкий язык только из-за того, чтобы работать судьей в Калмыкии, ведь незнание национального языка не является основанием для отказа в назначении на должность. Если следовать мнению С.П. Щербы, то судья обязан владеть языком субъекта РФ, в противном случае он не может в этом субъекте РФ работать судьей. Но ведь это же дискриминация. Если судья говорит на едином государственном языке, то почему он должен изучать тот язык, где проживает в настоящее время? Возникает и другой вопрос: где взять столько судей или

¹ Щерба С.П. Переводчик в российском уголовном процессе. М., 2010. С. 30-31.

сотрудников правоохранительных органов, которые свободно владеют государственным языком субъекта?

При проведении анкетирования по вопросу знания якутского языка судьями и сотрудниками правоохранительных органов Республики Саха (Якутия) было установлено, что из 90 сотрудников прокуратуры только 26 говорят на якутском языке, из 44 судей Якутского городского суда – 16, из 110 дознавателей и следователей органов внутренних дел – 38. Получается, что остальных необходимо уволить. Но из 200 студентов юридических факультетов высших учебных заведений столицы г. Якутска Республики Саха (Якутия) только 62 говорят на якутском языке. Количество лиц, которые могут писать на якутском языке и переводить, еще примерно в 3-4 раза меньше.

Необходимо учитывать и то, что русскоязычное население составляет большинство даже в национальных республиках, исключение составляют лишь некоторые республики, например Республика Татарстан¹. Зачем осуществлять судопроизводство на языке, на котором говорит меньшая часть населения?

Анализ указанных норм говорит о том, что только в республиках, входящих в состав Российской Федерации, судопроизводство может вестись на государственном языке Российской Федерации и языке, который признан государственным наряду с русским языком в данной республике. С учетом этого положения судопроизводство не может осуществляться на языке автономного округа, автономной области либо языке, на котором говорит большинство населения.

Тем не менее, Н.И. Газетдинов пишет: «Судопроизводство и делопроизводство в органах юстиции республик в составе Российской Федерации ведется на государственном языке этих республик и (или) на языке большинства иноязычного населения, компактно проживающего в какой-либо местности, а также на государственном языке Российской Федерации в соответствии с действующим законодательством»². Но действующее законодательство исключает возможность ведения судопроизводства на языке большинства населения, проживающего на данной территории. Поэтому высказанная позиция не имеет под собой законодательной основы.

Дискуссионным представляется также мнение названного автора и о возможности неоднократного изменения языка судопроизводства по одному и тому же делу. Он пишет: «С учетом территориальной подсудности дела и инстанции, в которой оно рассматривается, язык судопроизводства по этому делу в различных стадиях процесса может изменяться. Например, по первой инстанции дело рассматривается в районном суде на языке большинства населения, проживающего в данной местности. Если эта местность является территорией определенной республики в составе Российской Федерации, то в кассационном порядке дело будет рассматриваться в Верховном суде этой республики на государственном языке республики. В надзорном порядке в Верховном Суде Российской Федерации дело будет рассматриваться на русском языке, то есть на государственном языке России»³.

По данному вопросу представляется более приемлемой позиция профессора С.П. Щербы: «Досудебное производство и судебное производство по уголовным делам в пределах одной и той же территории Российской Федерации (ст. 2 УПК РФ) осуществляется на одном языке. ... По смыслу закона и по обыкновению практики Верховного Суда РФ, производство предварительного расследования и судебное разбирательство допускается на разных языках в случаях, если уголов-

¹ Васильева Л.Н. Указ. соч. С. 16.

² Газетдинов Н.И. Принципы уголовного судопроизводства и их система: вопросы теории и практики. Казань, 2009. С. 199.

³ Там же.

ное дело, расследованное в республике, входящей в Российскую Федерацию: а) поступает на рассмотрение по существу в Верховный Суд РФ; б) Верховный Суд РФ пересматривает решение суда республики в кассационном и надзорном порядке»¹.

На наш взгляд, недопустимо изменять язык производства по уголовному делу в зависимости от конкретной стадии уголовного процесса. Не оспаривая право субъекта РФ устанавливать государственный язык в республике наряду с русским языком, мы в то же время не можем согласиться с целесообразностью ведения производства по уголовным делам на языке субъекта Российской Федерации. Это обусловлено несколькими факторами.

Во-первых, не все судьи и сотрудники правоохранительных органов обладают знаниями языка субъекта Российской Федерации, где они проживают и работают. По нашему мнению, лицо, проживающее в национальной республике, не обязано знать язык, который признан в ней государственным. Например, если человек жил в Московской области, его направили работать в Республику Саха (Якутия), то он должен выучить якутский язык, но вряд ли он сможет его выучить досконально, чтобы свободно читать и писать и вести на нем делопроизводство, потом его направляют в Республику Бурятия, он должен выучить бурятский язык. Если он не сможет выучить, то он не сможет занимать определенную должность?

При ведении производства по уголовному делу на национальном языке, необходимо учитывать, что его должны осуществлять только лица, которые им свободно владеют. Если их не окажется? Например, мировой судья не знает якутского языка, а уголовное дело к нему поступает на якутском языке, либо судья Верховного суда республики не владеет государственным языком данного субъекта. Они не вправе принимать участие в рассмотрении данного уголовного дела?

Во-вторых, некоторые субъекты Российской Федерации граничат между собой либо расположены в одном регионе. Например, преступление совершено башкирами на территории Республики Татарстан – субъекта, граничащего с Республикой Башкортостан. Получается, что обвиняемые – башкиры, а судьи ведут судопроизводство на татарском языке. В указанной ситуации целесообразно ведение судопроизводства на русском языке. Но каким образом решить вопрос о том, чтобы судопроизводство велось на русском языке, законодатель не дает ответа.

В-третьих, специалисты в области языкознания и этнологии обращают внимание на то, что «одним из самых сложных аспектов существования государственных языков республик ... качества их функционирования в различных сферах общения представляется несоответствие у большинства из них статуса языка корпусу или реальному состоянию языка. Под корпусом языка понимается степень кодифицированности, наличие или отсутствие письменности и литературной нормы, включая нормы устной и письменной речи – орфоэпические, орфографические, грамматические, уровень междиалектной консолидированности, фактор литературной, фольклорной и лингвокультурной традиций»².

Следует согласиться с мнением Л.Н. Васильевой, которая пишет: «... при выборе языка в качестве государственного следует обратить внимание на развитость его как литературного, способность выполнять возложенные на государственный язык функции, связанные в первую очередь с его использованием в официальных сферах общения, что предполагает наличие развитой терминологической и понятийной основы, базы»³.

¹ Щерба С.П. Указ. соч. С. 30.

² Нерознак В.П., Орешкина М.В., Сабаткоев Р.Б. Русский язык в языковой политике Российской Федерации // Государственный язык Российской Федерации: вопросы законодательного обеспечения. Аналитический вестник. Вып. 11. М., 2002. С. 13.

³ Васильева Л.Н. Указ. соч. С. 16.

В-четвертых, судопроизводство осуществляется от имени Российской Федерации, поэтому оно должно проводиться на ее государственном языке.

Таким образом, на наш взгляд, необходимо введение в законодательство Российской Федерации понятия «официальный язык», с тем чтобы он распространялся на всю территорию Российской Федерации. Использование официального языка должно осуществляться при реализации государственной власти, то есть он должен выступать как язык государственного управления, законодательства и судопроизводства, как указано выше, осуществляемого от имени Российской Федерации.

Предлагаем внести изменения в ст. 18 УПК РФ, изложив ее в следующей редакции: «1. Уголовное судопроизводство ведется на официальном языке Российской Федерации. 2. Каждое лицо, которое не владеет официальным языком, может выступать на том языке, которым владеет. Участникам уголовного судопроизводства, не владеющим или недостаточно владеющим официальным языком, должно быть разъяснено и обеспечено право делать заявления, давать объяснения и показания, заявлять ходатайства, приносить жалобы, знакомиться с материалами уголовного дела, выступать в суде на родном языке или другом языке, которым они владеют, а также бесплатно пользоваться помощью переводчика в порядке, установленном настоящим Кодексом».

Литература

1. Александров А.С. Введение в судебную лингвистику. Н. Новгород, 2003.
2. Большой юридический словарь / под ред. А.Я. Сухарева, В.Д. Зорькина. М., 1999.
3. Васильева Л.Н. Законодательное регулирование использования языков в Российской Федерации. М., 2005. С. 3.
4. Газетдинов Н.И. Принципы уголовного судопроизводства и их система: вопросы теории и практики. Казань, 2009. С. 199.
5. Джафаркулиев М.А. Проблемы национального языка в судопроизводстве. Баку, 1989.
6. Капоторти Ф. Исследование по вопросу о правах лиц, принадлежащих к этническим, религиозным и языковым меньшинствам. Нью-Йорк, 1979. С. 43.
7. Крылова И.С. Национальная самобытность народа и правовое регулирование: язык, образование, культура // Государство, право и межнациональные отношения в странах западной демократии. М., 1993. С. 101.
8. Нерознак В.П., Орешкина М.В., Сабаткоев Р.Б. Русский язык в языковой политике Российской Федерации // Государственный язык Российской Федерации: вопросы законодательного обеспечения. Аналитический вестник. Вып. 11. М., 2002. С. 13.
9. Петрухин И.Л. Принцип национального языка в советском уголовном процессе // Социалистическая законность. 1972. № 2. С. 57.
10. Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР 1917-1952 гг. М., 1953.
11. Спасович В.Д. О языке в области судопроизводства // Соч. Т. 3. 1890.
12. Тренин Е.В. Государственный язык и его носители // Конституционные основы организации и функционирования института публичной власти в Российской Федерации: мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. Екатеринбург, 2001. С. 114-116.
13. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Армения. Ереван, 2003.
14. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь. СПб., 2001.
15. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан. Алматы, 1998.
16. Чельцов-Бебутов М.И. Курс уголовно-процессуального права. СПб., 1995.
17. Щерба С.П. Переводчик в российском уголовном процессе. М., 2005.
18. Щерба С.П. Переводчик в российском уголовном процессе: науч.-практ. пособие. М., 2010.

Научная жизнь

16 ноября 2012 года в Дальневосточном юридическом институте МВД России состоялась **Всероссийская научно-практическая конференция «Проблемы борьбы с преступностью на современном этапе»**, которая была организована кафедрами криминалистики и уголовного права и криминологии.

В конференции приняли участие более 80 ученых и практиков, в числе которых 8 профессоров и докторов наук, 32 кандидата наук, профессорско-преподавательский состав, адъюнкты, курсанты и студенты ДВЮИ МВД России, а также преподаватели и студенты других вузов г. Хабаровска.

Общий тон выступлениям и полемике задал, открывая конференцию, начальник института доктор юридических наук, профессор генерал-майор полиции А.С. Бахта. Он обратил внимание присутствующих на особую актуальность темы конференции, отметив необходимость совершенствования методов борьбы с преступностью в связи с появлением в современном обществе новых видов преступлений.

С докладом на тему «Новые концептуальные подходы к организации криминалистических учетов огнестрельного оружия и следов его применения» выступил профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Московского государственного университета путей сообщения доктор юридических наук, профессор С.М. Колотушкин. Он отметил, что правоохранные органы в ходе раскрытия и расследования преступлений, совершенных с применением огнестрельного оружия, должны использовать возможности не только криминалистических учетов системы МВД РФ, но и привлекать учеты, имеющиеся в других организациях.

Профессор кафедры управления организацией расследования преступлений Академии управления МВД России доктор юридических наук, профессор А.В. Шмонин в своем докладе раскрыл проблемы становления технологической парадигмы в криминалистике.

Интерес вызвало выступление профессора кафедры уголовно-правовых дисциплин Международного института экономики и права, доктора юридических наук, доцента О.С. Кучина на тему «О проблемах проведения правовых экспертиз при расследовании преступлений с бланкетными составами», в котором было обращено внимание на совершенствование правовой техники при разработке уголовно-правовых норм.

Содержательными были научные доклады и других участников Всероссийской конференции: профессора кафедры уголовного права и криминологии Дальневосточного федерального университета доктора юридических наук, профессора, член-корреспондента РАЕН В.А. Номоконова «Некоторые проблемы оптимизации антикриминальной политики»; профессора кафедры криминалистики ДВЮИ МВД России доктора юридических наук, профессора, заслуженного юриста Российской Федерации Н.Е. Мерецкого «Некоторые концептуальные проблемы стратегии предупреждения насилия в семье».

В ходе работы «круглого стола», проводимого в рамках конференции, его участники обменялись мнениями о современных проблемах борьбы с преступностью.

В завершение конференции участниками были приняты рекомендации по дальнейшему развитию деятельности правоохранительных органов, направленной на раскрытие и расследование преступлений.

Материалы конференции будут опубликованы отдельным сборником.

18-19 октября 2012 г. проходила II Всероссийская научно-практическая конференция «Интегральная подготовка в системе физического воспитания как фактор повышения профессиональной деятельности специалистов».

На пленарном и секционных заседаниях были представлены более 50 научных докладов и сообщений преподавателей Московского и Краснодарского университетов МВД России, Омской и Нижегородской академий МВД России, Дальневосточного, Белгородского, Уральского, Барнаульского юридических институтов МВД России, Академии управления МВД России, Российского государственного университета физической культуры, спорта, молодежи и туризма (г. Москва), Хабаровского пограничного института ФСБ России, Дальневосточного государственного гуманитарного университета, Орловского государственного технического университета, Дальневосточной государственной академии физической культуры, Дальневосточного института повышения квалификации ФСКН России и других вузов страны.

Среди участников конференции были представители силовых структур – УВД Хабаровского края, Восточного регионального командования внутренних войск МВД России, УВД на транспорте, Государственной фельдъегерской службы Российской Федерации по Дальневосточному федеральному округу, Федеральной службы Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков, Федеральной службы судебных приставов, а также администраций Хабаровского края, г. Хабаровска, краевого совета «Динамо», работники физической культуры и спорта.

Были рассмотрены и обсуждены вопросы интегральной подготовки специалистов для органов внутренних дел и других силовых структур, проблемы использования компьютерных технологий, системы мониторинговых исследований в процессе профессиональной подготовки в вузах МВД России, а также актуальные направления профессионально-прикладной физической подготовки сотрудников ОВД, организационно-методические и психолого-педагогические аспекты профессиональной подготовки, физической культуры и спорта.

**Требования, предъявляемые к статьям, направляемым в журнал
«Вестник Дальневосточного юридического института МВД России»**

1. Статья представляется в редакцию журнала в распечатанном и электронном виде (на дискете, CD или по электронной почте (наш e-mail: redactor80@gmail.com)).

2. Объем статьи должен быть не менее 10 и не более 20 страниц текста, набранного в соответствии с указанными ниже требованиями.

3. Статья должна иметь *внешнюю рецензию*, оформленную надлежащим образом.

4. Статья должна быть подписана автором. На статьях адъюнктов и аспирантов должна стоять также подпись их научного руководителя. Автор указывает имя, отчество, фамилию (полностью), должность и место работы, ученые степень и звание, почетные звания, телефон для контактов.

5. Ссылки на цитируемые произведения должны быть оформлены в тексте в виде подстрочных примечаний, а список процитированных произведений должен быть вынесен в конец статьи в виде *Литературы*.

6. К статье должна прилагаться *аннотация статьи* и *ключевые слова* (на русском языке).

7. Статья должна иметь шифр УДК.

8. Плата за опубликование статей не взимается.

9. Технические требования к статьям:

- набор в программе «Word» шрифтом «Times New Roman» размером 14 пунктов с полуторным междустрочным интервалом;

- сноски (если есть) – подстрочные, нумерация сплошная;

- название файла статьи – по фамилии автора (авторов).

10. Статьи для опубликования направляются в следующие сроки: для первого номера – до 1 апреля, для второго номера – до 1 октября.